

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2023. № 9(177)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 5.2.2 – Математические, статистические и инструментальные методы в экономике; 5.2.3 – Региональная и отраслевая экономика; 5.2.5 – Мировая экономика; 5.4.4 – Социальная структура, социальные институты и процессы; 5.4.5 – Политическая социология; 5.4.7 – Социология управления; 5.5.1 – История и теория политики; 5.5.2 – Политические институты, процессы, технологии; 5.5.3 – Государственное управление и отраслевые политики; 5.5.4 – Международные отношения.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory".

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В.О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2023
- © Редколлегия журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2023
- © Все права защищены



Главный редактор: Шамахов В. А. — научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), председатель совета;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможни Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфвич Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Некипелов А. Д. — доктор экономических наук, профессор, академик РАН (Москва);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Растворцева С. Н. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диего Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councillor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);
Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;
Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute
Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);
Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);
Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);
Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);
Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);
Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;
Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);
Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);
Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);
Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);
Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);
Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);
Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);
Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);
Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);
Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);
Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Nekipelov A. D. — Doctor of Science (Economics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Moscow);
Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)
Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);
Rastvortseva S. N. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);
Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);
Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);
Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

8 ХЛУТКОВ А. Д.

Кризис управления и кризис управленцев

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

9 МЕЖЕВИЧ Н. М., ШАМАХОВ В. А., ХЛУТКОВ А. Д.

Санкции: глобальное содержание — региональные последствия.
К вопросу о последствиях санкций для Санкт-Петербурга

18 БАХЛОВА О. В., БАХЛОВ И. В., УЛЯШКИНА Е. Г.

Роль органов исполнительной власти Российской Федерации
и Республики Беларусь в формировании и реализации политики
патриотического воспитания

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

35 ПЛОТНИКОВ В. А., ПОГОДИНА В. В., СМИРНОВ А. А.

Национальная экономическая безопасность и государственная политика
развития промышленности

45 ЦАЦУЛИН А. Н.

О двух методах анализа деятельности предприятий реального сектора
экономики на товарном рынке

67 ФАДЕЕВ А. М., СПИРИДОНОВ А. А.

Стратегические подходы к обеспечению технологического суверенитета
в энергетической отрасли

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

81 СЕЛЕЗНЕВА Е. В., ДЕМИДОВ С. А.

Современный российский руководитель в представлениях
государственных служащих

96 ЧЭНЬ ЮЙТИН, ШИ ШОЛИНЬ

Роль управления социальным кредитом Китая в системе
социалистической рыночной экономики

107 ИВАНОВ Д. Ю., ВОЛКОВ В. А.

Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти
и общества в условиях цифровизации государственного управления

118 БОЛГОВ Р. В.

Политика в сфере искусственного интеллекта как область исследования:
предварительные результаты библиометрического анализа

124 ПАЛИЙ К. Р., ПАЛИЙ Р. Р.

Государственная политика зарубежных стран в области сохранения архитектурного наследия

135 АНТОНОВ Е. Н.

Культурно-образовательная элита в поле политики: понимание, структура, анализ российского кейса

A LINEA**144 МАМЫТОВ У. Э.**

О слабости кыргызского экспорта на фоне японских торговых компаний в контексте индустриальной организации по Чандлеру

НОВОСТИ**151** Новости РАНХиГС Санкт-Петербург

135 EVGENY N. ANTONOV

Cultural and Educational Elite in the Field of Politics: Understanding, Structure, Analysis of the Russian Case

A LINEA**144 ULUKMAN E. MAMYTOV**

The Weaknesses of Kyrgyz Exporters Compared to the Japanese Trading Companies in the Context of Chandler's Industrial Organization

NEWS**151** News of RANEPА Saint Petersburg

Кризис управления и кризис управленцев

Crisis of Governance and Crisis of Administrators



Новые экономические и политические условия должны вызвать адекватные изменения в системе подготовки кадров для государственного управления. Сегодня очевиден не только масштаб внешних вызовов, но и то обстоятельство, что это не временная конъюнктура, а системный ограничитель.

Санкционные режимы присутствуют в трех формах. Санкции в отношении страны в целом, санкции в отношении представителей бизнеса и органов государственной власти, санкции в отношении предприятий. Очевидно то, что санкции первого типа формально ориентированы на всё государство, но поскольку государство очень большое и неоднородное в социальном, экономическом и политическом отношении, то и последствия «единых санкций» в разных регионах существенно отличаются.

Аналогичны санкции в отношении представителей бизнеса. Руководители и владельцы вертикально интегрированных нефтедобывающих компаний могут жить в Москве, в Тюмени и в Сургуте. Но вот их бизнес, абсолютно точно, в Москве, Петербурге, Ленинградской и Новгородской областях не присутствует. Просто потому, что здесь нет нефтяных полей. Санкции в отношении судостроителей напрямую ударяют по Санкт-Петербургу, Ленинградской области, влияют на социально-экономическое развитие Нижнего Новгорода. Но для Курганской области они вторичны и затрагивают эту территорию только поскольку она является частью Российской Федерации. Давление, фактически санкционная война, для Северо-Запада России направлено на машиностроение, прежде всего, военно-промышленный комплекс, точное машиностроение, станкостроение, транспортное машиностроение, лесную, целлюлозно-бумажную и фармацевтическую промышленности в несколько меньшей степени.

Внимательное рассмотрение санкционных режимов свидетельствует о том, что для Северо-Западного федерального округа — это удар как раз по основным отраслям специализации. Что из этого следует и как на это надо реагировать? Постараемся ответить на этот вопрос с точки зрения теории и практики управления. С точки зрения подготовки специалистов понятно, что для государственной службы, а не только для бизнеса, становится актуальной такая профессия, как кризис-менеджер, то есть человек, который в условиях сложных и непредсказуемых вызовов может заниматься адаптацией предприятия или учреждения к новым экономическим условиям.

А. Н. Косыгин, будущий председатель правительства СССР, занимавшийся вопросами эвакуации промышленных предприятий в годы войны, может быть, и не стал бы таким известным хозяйственником, если бы не чрезвычайные обстоятельства. Одно дело строить Путиловский завод, другое дело — перестраивать его в Кировский и третье — эвакуировать его на Урал. Наверное, сейчас не надо запускать станки, а потом строить над ними крышу, но уникальный масштаб внешних вызовов требует адекватного масштаба ответов. Но кто и как будет готовить ответствующих специалистов?

*А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, председатель редакционного совета*

Санкции: глобальное содержание — региональные последствия

К вопросу о последствиях санкций для Санкт-Петербурга

Межевич Н. М.^{1, *}, Шамахов В. А.², Хлутков А. Д.²

¹Институт Европы Российской академии наук, Москва, Российская Федерация; *mez13@mail.ru
²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Санкционные режимы — это фактор развития России на долгие годы. Государство в целом готово к отражению новых угроз. Однако последствия санкций, как и пути их преодоления, имеют выраженный региональный характер. Роль Санкт-Петербурга в совершенствовании промышленной политики, импортозамещении весьма велика. Для городов ранга Санкт-Петербурга особые экономические режимы, принятые в отношении России, — не только новые вызовы, но и возможность ускоренного развития.

Ключевые слова: санкции, Россия, Санкт-Петербург, импортозамещение, автаркия, кризис, промышленная политика, Европейский союз

Для цитирования: Межевич Н. М., Шамахов В. А., Хлутков А. Д. Санкции: глобальное содержание — региональные последствия. К вопросу о последствиях санкций для Санкт-Петербурга // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 9–17.

Sanctions: Global Content — Regional Consequences. On the Question of the Consequences of Sanctions for St. Petersburg

Nikolay M. Mezhevich^{1, *}, Vladimir A. Shamakhov², Andrey D. Khlutkov²

¹Institute of Europe of Russian Academy of Science, Moscow, Russian Federation; *mez13@mail.ru
²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

Sanctions regimes are a factor in Russia's development for many years. The state as a whole is ready to repel new threats. However, the consequences of sanctions, as well as ways to overcome them, are pronounced regional in nature. The role of St. Petersburg in improving industrial policy and import substitution is very great. For cities of the rank of St. Petersburg, special economic regimes adopted in relation to Russia are not only new challenges, but also the possibility of accelerated development.

Keywords: sanctions, Russia, St. Petersburg, import substitution, autarky, crisis, industrial policy, European Union

For citing: Mezhevich N.M., Shamakhov V.A., Khlutkov A.D. Sanctions: Global Content — Regional Consequences. On the Question of the Consequences of Sanctions for St. Petersburg // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 9–17.

Санкционные режимы в отношении России — явление, достаточно изученное с позиций экономической теории и мировой экономики. Более того, об этом явлении пишут и историки, и политологи [6; 8]. В принципе, санкции — легитимный инструмент, но при определенных условиях. «За последние два десятилетия экономические санкции вошли в число ключевых внешнеполитических инструментов. Их единствен-

ным легитимным источником является Совет Безопасности ООН»¹. Таким образом, санкции в отношении России легитимными не являются, что не мешает им быть серьезной угрозой для экономического и политического развития.

Прежде всего, укажем на то, что санкционные режимы в отношении России — это новая системная часть мирового экономического кризиса. Таким образом, это новый тип кризиса, выход из которого Запад видит в присвоении имущества России и всех тех государств, которые не разделяют его ценности. При этом «санкции экономического характера применялись достаточно часто, претерпевая эволюцию и выступая на различных этапах развития мирового сообщества в модифицированной форме. В зависимости от целей страны — инициатора санкции, а также от особенностей страны воздействия, общеэкономической и политической обстановки в мире конкретный механизм применения санкций и инструментарий имели сугубо индивидуальный характер» [4, с. 5].

Санкции — часть кризиса, но не его основное содержание. Классическое понимание кризиса предполагало столь же традиционные модели его преодоления. Академик Татаркин считал в начале века, что «при прочих равных условиях наименьшие потери от кризиса несут регионы России, которые осуществляют широкую внешнеэкономическую деятельность» [10, с. 125]. С этой формулой можно согласиться при условии того, что кризис носит локальный характер. В текущих условиях речь идет об управляемом кризисе, жестко ориентированном на Россию и Беларусь. Действительно, классическая реакция на экономический кризис предполагала то, что нужно исправить ошибки и лучше следовать мировой конъюнктуре: «Поскольку кризис очевидным образом указывает на потребность в восстановлении синхронности национальных и международных экономических циклов, а также невозможность сохранения динамичных темпов роста национальной экономики в обстановке рецессии на глобальном уровне, то осуществление магистральных задач социально-экономического развития России в условиях некоторой автаркии представляется нереальным» [2, с. 14].

Сегодня осуществление «магистральных задач» возможно исключительно в условиях регламентации и переоценки связей, как минимум по отношению к Западу. Видный организатор промышленности и ученый С. Бодрунов отмечает: «Подчеркнем важный момент: независимость не означает автаркии. Необходимо развивать международное технологическое сотрудничество и индустриальную кооперацию. Брать лучшее и объединять усилия. Нарращивать собственный промышленный потенциал на качественно новой основе, нейтрализуя технологический ущерб от ухода бывших партнеров и опережая конкурентов за счет развития наиболее передовых областей индустрии» [1, с. 7].

* * *

Историки спорят по поводу первых практик санкционных режимов в отношении России. Одна из версий — это ганзейские ограничения на торговлю соли с Великим Новгородом, относящиеся к XVI в. В любом случае, все происходящее в 2014 или 2022 г. не является новостью, никак не может определяться как уникальное событие в российской истории. Советский Союз, а это, разумеется, часть российской истории, в санкционном режиме прожил весь период своего существования. Санкционные ограничения в той или иной форме сохранялись и в период 1941–1945 гг. Таким образом, речь идет не об уникальной ситуации, в которой мы оказались неожидан-

¹ Тимофеев И.Н. Политика санкций после COVID-19: стоит ли ждать санкционных эпидемий? [Электронный ресурс] // Доклад международного дискуссионного клуба Валдай. Июнь 2020. С. 4. URL: <https://ru.valdaiclub.com/a/reports/politika-sanktsii-covid-19/>

но. Вопрос надо ставить несколько иначе: для нас важно определиться с формами нашей реакции на особые экономические режимы. «Экономические санкции могут носить разные названия — эмбарго, бойкот, блокада. Вспомним списки КоКом¹ во время холодной войны. Но смысл один и тот же — нанести ущерб противной стороне» [3, с. 2].

«Рывок от социалистической полу-изоляции к коэффициенту экспортной открытости на уровне, превышающем США, накладываясь на утяжеленную структуру экономики с высокой изношенностью основных производственных фондов, вызвал целый комплекс негативных эффектов. Однако и с ними можно было бы примириться, если бы не ситуация 2014 г., когда в отношении России фактически была объявлена внешнеэкономическая блокада. Сегодня очевидно то, что открытость экономики страны для мирового хозяйства и степень ее участия в международном разделении труда напрямую зависит не только от того, насколько и как в мирохозяйственных связях участвуют отрасли российской экономики, но и от всего комплекса внешнеполитических проблем»². «Международное разделение труда — вполне реальный процесс, но наша страна не должна, не может быть абсолютно зависимой от импорта продукции современной промышленности. Она не должна быть зависимой не только от масштабного, но даже, в некоторых сферах, от единичного импорта — чтобы, например, сохраниться в качестве космической державы» [9, с. 3].

В мировой экономике накоплен богатый опыт всевозможных экономических санкций вплоть до тотального торгового эмбарго. Как отметил профессор Рольф Лангхаммер, представляющий Институт мировой экономики в Киле, «...экономическая цена таких мер для всех сторон весьма велика. Что же касается страны, которая подвергается санкциям, то она обречена на то, чтобы идти по пути импортозамещения в сторону экономической автаркии, и эта самодостаточность ей может дорого обходиться. Ей приходится самой производить то, что намного дешевле можно было бы получить на мировом рынке»³. Как мы указывали ранее, «в теории самообеспечение ведет к искажению экономической структуры государства, и ущерб от этого намного серьезней, чем непосредственно от самих санкций. Однако классическая экономическая теория начинает давать сбой в тех случаях, когда речь идет о нестандартных экономиках: выше средних по размерам, находящихся в трансформационном процессе, больших в территориальном плане, имеющих явно выраженную внешнеполитическую и оборонную достаточность» [5].

В этом случае оценка импортозамещения может существенно меняться. В 90-е гг. прошедшего века Россия стала крупнейшим экспортером из Германии канцелярских кнопок и скрепок. Возникает вопрос: в какой степени производство скрепок в рамках национальной экономики подорвет макроэкономическую стабильность? Впрочем, сегодня это уже не вопрос.

Рассмотрим данные немецкого исследования. Санкции, введенные против Рос-

¹ Созданный западными странами во главе с США и существовавший в 1949–1994 гг. Координационный комитет следил за внешнеторговыми поставками в СССР и другие социалистические страны с целью исключения из них стратегически важных товаров. В разное время США и ряд других стран объявляли Советскому Союзу эмбарго на поставку труб большого диаметра для строительства нефте- и газопроводов, экспорт зерна и других товаров.

² Межевич Н. М., Сазанович Л. С. Внешнеэкономические риски посттрансформационного этапа пространственного развития России // Россия: тенденции и перспективы развития : Ежегодник: материалы XV Международной научной конференции «Модернизация России: ключевые проблемы и решения», Москва, 18–19 декабря 2014 года / Отв. ред. Пивоваров Ю. С. Вып. 10, Ч. I. М. : Институт научной информации по общественным наукам РАН, 2015. С. 357–361. EDN UDCXMT.

³ Немецкий эксперт: Санкции обрекают на импортозамещение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dw.de/> 12.09.2014

сии странами Запада, сокращают объем торговли на 4 млрд долл. в месяц, при этом почти половина потерь приходится на те страны, которые эти санкции ввели. Такую информацию содержат данные исследования «Дружественный огонь: Влияние на торговлю антироссийских санкций и контрсанкций», авторами которого являются Маттье Крозе из Линнаньского университета в Гонконге и Юлиан Хинц из Кильского института мировой экономики: «По подсчетам экспертов, 45% из ежемесячно теряемых 4 млрд долл. (то есть 1,8 млрд в месяц) недополучают страны, которые ввели санкции против России, а оставшиеся 55% (2,2 млрд долл.) — сама Россия. При этом, как отмечают Крозе и Хинц, 92% всех потерь стран — организаторов антироссийских санкций приходится на государства Европейского союза, в том числе 38% (667 млн долл.) — на Германию»¹. Укажем на то, что эти расчеты на 2018-й, в целом мирный год. Сейчас указанные цифры можно смело умножить в 3–4 раза.

В отличие от предшествующих периодов мы понимаем, что санкционные ограничения — это очень надолго, это стратегический фактор нашего развития. Подчеркнем, ограничения — это фактор нашего развития. Мы выступаем именно за такую постановку вопроса, это авторская позиция и мы постараемся ее аргументировать.

«Санкционное давление на Россию вызвало необходимость коррекции экономической и социальной политики для сохранения стабильности. Основой стабильности государства является устойчивый экономический рост, обеспечивающий его защиту от внешних угроз и достойные условия жизни для большинства граждан»². «„Санкционное цунами“ против России — признак точки бифуркации. Ее прохождение либо запустит переформатирование мирового расклада сил, либо, наоборот, законсервирует американскую гегемонию в мировой экономике и финансах»³.

При этом уже в 2014 г. «склонный к поучениям западный мир, выступающий за права человека во всех областях и столь же вездесущую демократию, открыл фронт против крымчан только за то, что они высказали свое мнение на референдуме и проголосовали не так, как хотелось западным столицам» [3, с. 2]. Сегодня фронт открыт не только против крымчан, не только против России, но против всех не согласных с «порядком, основанным на правилах».

Классифицируем основные риски и угрозы для России в целом:

1. Глобальные финансовые угрозы для российской финансовой системы.
2. Кредитные риски.
3. Инвестиционные риски.
4. Внешнеторговые риски.
5. Влияние динамики мировых цен на нефть на бюджет РФ.
6. Инфляционные риски.
7. Регулятивные риски.

Существенные риски для нас связаны с фундаментальными проблемами для Европейского союза. Структурируем потери Евросоюза, «обусловленные санкциями:

1. Произведенная продукция, от которой Россия отказалась или в продаже которой отказали России, — это прямые потери Евросоюза.

¹ «Дружественный огонь»: Европа посчитала убытки от санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://finance.rambler.ru/business/42989033-druzhestvennyy-ogon-evropa-poschitala-ubytki-ot-sanktsiy/14> октября 2019

² Подробнее см.: Развитие среднего профессионального образования как фактор инклюзивного экономического роста регионов / Л. К. Шамина, Е. А. Петрова, Е. Л. Приматов // Экономическое возрождение России. 2023. № 1 (75). С. 91–97. DOI 10.37930/1990-9780-2023-1-75-91-97. EDN ККQFXT.

³ Тимофеев И. Санкции в точке бифуркации [Электронный ресурс]. URL: <https://globalaffairs.ru/articles/sankczii-vmesto-diplomatii/> 21.10.2022

2. Снижение эффективности использования производственных мощностей и, как следствие, — безработица.
3. Не вывезенная за рубеж продукция приводит к существенному снижению цены в странах, где она была произведена.
4. Замещение европейских и германских товаров на российском рынке китайскими (обратная тенденция в мировой экономике отсутствует).
5. Снижение покупательной способности россиян, изменение структуры потребления — вытеснение европейской и немецкой продукции. Классический пример — изменение структуры потребительского рынка автомобилей в России.
6. Санкции Европы вносят свой вклад в процесс деиндустриализации в Европе (в том числе в Германии), что далеко не всегда способствует индустриализации и промышленному замещению в России.
7. Разрушение политического и предпринимательского климата в ЕС и России» [5, с. 31].

Сталкиваясь с вызовами, Россия не только развернула оборону своих интересов в экономической сфере, но и продемонстрировала способности наносить ответные удары. Вспомним Указ Президента Российской Федерации от 08.03.2022 г. № 100 «О применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности». Отметим и то, что до 31 декабря 2025 г. уже продлено действие указа о применении в целях обеспечения безопасности Российской Федерации специальных экономических мер в сфере внешнеэкономической деятельности.

До 2021 г. около 55% экспорта и импорта РФ приходилось на страны, которые присоединились к санкционной войне. Однако на рубеже 2022–2023 гг. наши бывшие партнеры с удивлением обнаружили, что «экспорт товаров из Евросоюза в Россию за девять месяцев российского вторжения в Украину сократился на 47%, при этом европейский экспорт в страны СНГ вырос на 48% по сравнению с тем же периодом 2021 г.», писал со ссылкой на данные Европейского статистического ведомства Eurostat¹.

Произошла масштабная перестройка системы внешнеэкономических связей. «Очевидно, что в среднесрочной перспективе санкционное давление западных стран по-прежнему будет мотивировать российский бизнес на сохранение ориентации на Восток» [7, с. 75].

Оценивая перспективы санкционной политики, следует учитывать то, что пока мы видим только первые последствия. «Еще не проявились в полной мере долгосрочные последствия отсечения России от мировой финансовой системы, исхода из страны иностранных компаний с использовавшимися ими технологиями, ограничений на экспорт в Россию высокотехнологичного оборудования. Таким образом, масштабная санкционная атака формирует целую систему рисков и угроз, не оставляя экономике шансов на быстрый восстановительный отскок» [12, с. 5].

«Что касается законодательных актов Соединенных Штатов, закрепляющих возможность наложения ограничительных мер, то в них между терминами „санкция“ и „односторонние ограничительные меры“ фактически ставится знак равенства. Так, в Законе о чрезвычайных полномочиях 1976 г. и Законе о чрезвычайных экономических полномочиях 1977 г., на основании которых принимается подавляющее большинство указов президента США о введении „санкций“, используется понятие

¹ Из-за войны в Украине экспорт ЕС в РФ рухнул на 47 процентов [Электронный ресурс]. URL: <https://bb.lv/statja/ekonomika/2023/01/31/iz-za-voyny-v-ukraine-eksport-es-v-rf-ruhнул-na-47-procentov>

„ограничительные меры“»¹. Примерно аналогичная ситуация прослеживается в законодательстве Европейского союза.

Учитывая суть экономических санкций, следует заключить, что они как таковые не должны иметь место в международных отношениях. Нацеленные на устранение или подконтрольность того или иного режима, они действуют в основном против населения и ухудшают его положение, обрекают страну на социальный и научно-технический застой. Санкции — это война с народом [3, с. 2].

Санкционный режим — это общий вызов Российской Федерации и, добавим, Республики Беларусь. Однако последствия разрушения мировой торговли по-разному проявляются в регионах. Каждый субъект Российской Федерации имеет свой набор предприятий, экономическую специализацию, свою степень вовлечения во внешнюю торговлю. Все это приводит к тому, что последствия санкций выглядят по-разному. Для регионов без явно выраженной технологической и энергетической, а также финансовой специализации санкции представляют собой проблему только в том контексте, что они распространяются на все государства. Вторичные косвенные последствия затрагивают все регионы и всех людей.

Приведем конкретные примеры. Санкционные режимы для Кабардино-Балкарии работают в условиях специализации на высокоразвитом туризме, легкой и пищевой промышленности. Очевидно то, что эти последствия не могут быть существенны. Туристическая привлекательность Байкала от санкций не зависит, агропредприятия Пензенской области прямого воздействия санкционной политики не увидят.

Однако наша задача — рассмотреть последствия санкционной политики для Санкт-Петербурга. И здесь, конечно же, последствия санкций наблюдаемы и очень существенны. Однако чем сильнее регион, тем и механизмы преодоления негативных тенденций в социально-экономическом развитии более значимы. Чем более развит регион, чем более в нем диверсифицирована экономика, тем санкционные воздействия проще выявить и начать работу с ними.

Экономический портрет Санкт-Петербурга формируется уже более трех столетий, что в свою очередь предполагает наличие постоянных приоритетов и признаков, а также существование характеристик развития, появляющихся время от времени. В данной статье мы будем говорить о промышленном развитии. Эпоха Петра Первого — это как раз время появления промышленности в классической трактовке. Абсолютно не случайно то, что на карте Санкт-Петербурга существует множество топонимов, непосредственно связанных с индустриальным развитием, от старейшего «Адмиралтейства» до относительно новых «Пороховые», «Электросила», «Кировский завод».

Развитие промышленности Санкт-Петербурга всегда происходило под влиянием двух взаимосвязанных тенденций. С одной стороны, индустриальное развитие Санкт-Петербурга задавало тон для всей модели государственной промышленной политики вплоть до самых отдаленных районов Российской империи. С другой стороны, Санкт-Петербург продолжал оставаться на периферии империи, в непосредственной близости от государственных границ и вблизи целого ряда европейских стран, активно инвестирующих в петербургскую промышленность: от Великобритании до Германии и от Франции до Швеции.

Указанное противоречие можно было нивелировать административными мерами сильного государства. Именно так развивался Петербург при Александре III, да

¹ Крицкий К. В. Односторонние ограничительные меры в контексте международно-правового принуждения // Российский юридический журнал. 2017. № 4(115). С. 62–73. EDN ZHGYJD.

и при Николае II. Однако при ослаблении государственных возможностей со второго десятилетия XX в. и до победы в Великой Отечественной войне уязвимость положения Ленинграда — Петербурга была очевидна.

Первые поиски модели развития города Ленинграда начались в новых хозяйственных и политических условиях в 20-е гг. прошлого века. Именно тогда были сделаны определенные наработки, представляющие интерес сегодня. Категорически ошибочной является точка зрения, предполагающая, что система санкций, фактически экономическая блокада России и Петербурга, является чем-то новым. В этом контексте обратимся к уникальному материалу. В 1922 г. в Петрограде была издана докладная записка Петроградского Совета Всероссийскому центральному исполнительному комитету. Предисловие к докладу написал Г. Зиновьев, общее авторство Г. Циперовича. Основное направление работы — определение перспектив города. Именно поэтому докладная записка озаглавлена «Будущее Петрограда». Всем своим содержанием работа подчеркивает кризисное состояние города. Автор ставит вопрос: «Может ли он (Петроград) в полной мере использовать и развить богатейшее наследство, еще до сих пор находящееся в его распоряжении...?» Отвечая на этот вопрос, Г. Циперович писал: «В Петрограде уже давно народилась теория возрождения Петрограда на основе местных хозяйственных ресурсов»¹. По мнению автора, с которым нельзя не согласиться, эта теория «не возродила Петрограда». Ошибки авторов доклада несут в себе отпечаток времени, не будем их критиковать с высоты прошедших ста лет. Однако в последующие годы, до начала 90-х, именно концепция опоры на собственные силы реализовывалась в нашем городе.

Даже сейчас, после экономического поражения 90-х гг. прошлого века, основой внешнеэкономического потенциала Санкт-Петербурга и Ленинградской области является высокоразвитая промышленность, включающая профильные отрасли, такие как машиностроение и металлообработка, биотехнологии и фармацевтика, деревообработка, легкая и пищевая промышленность. «Сохранение и развитие промышленного и экономического потенциала способствуют развитию внешней торговли Санкт-Петербурга. Для этого есть многие условия: выгодное географическое положение, транспортные возможности, размещение здесь морского порта, крупнейшего в России» [11, с. 9]. Не будем забывать и про речные пути: Петербург, как и Москва — порт пяти морей. Коридор в Индию также начинается здесь.

Сегодня промышленность — основа экономики Санкт-Петербурга и главный источник формирования доходов бюджета. В промышленном комплексе Санкт-Петербурга представлены практически все производственные виды деятельности. Основу промышленности Санкт-Петербурга составляют более 750 крупных и средних предприятий, часть из которых входит в перечень системообразующих предприятий России. Хозяйственную деятельность в сфере промышленного производства также осуществляют более 19 тыс. малых предприятий, включая микропредприятия. Промышленность Санкт-Петербурга уже в 2021 г. вернулась к объемам производства, предшествовавшим кризису, вызванному распространением COVID-19, и превысила их.

Тяжелые, но неизбежные решения 2022 г. привели к тому, что Санкт-Петербург оказался под ударом санкций, причем в силу хозяйственного профиля здесь эти санкции оказались более масштабными. Однако концентрация механизмов и средств преодоления также связана с Санкт-Петербургом. Импортозамещение в судостроении, фармацевтике, двигателестроении идет очень активно. Мы исходим из того, что в конечном счете промышленный потенциал Санкт-Петербурга не только не уменьшится,

¹ См. подробнее: Межевич Н. М., Хлутков А. Д., Шамахов В. А. Стратегические цели и текущие задачи развития Санкт-Петербурга в контексте экономической истории // Управленческое консультирование. 2023. № 5. С. 10–17.

но даже возрастет. Санкт-Петербург был, есть и будет лидером индустриального развития, как на базе собственного потенциала, так и на основе географической переориентации внешних связей. Не изоляция, а диверсификация связей — таковы перспективы развития Санкт-Петербурга в новых экономических и политических условиях.

Литература

1. Бодрунов С.Д. Промышленная политика России в условиях вызовов глобальной трансформации: задачи теории и практики перехода к новому этапу индустриального развития (НИО.2) // Экономическое возрождение России. 2023. № 2(76). С. 5–12. DOI 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12. EDN WPDXVR.
2. Где и как Россия может выиграть от мирового экономического кризиса. Доклад к X Международной научной конференции ГУ ВШЭ по проблемам развития экономики и общества, Москва, 7–9 апреля 2009 г. Высшая школа экономики. М. : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2009.
3. Громыко А., Федоров В. Запретить экономические санкции [Электронный ресурс] // Аналитическая записка Института Европы РАН № 7. 2015. № 7. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an7.pdf>
4. Костиов И.В., Архипова В.В., Комолов О.О. Влияние санкций на внешнее финансирование российской экономики / под ред. д.э.н. И.В. Костиова: Научный доклад. М.: Институт экономики РАН. 2015.
5. Кузнецов С.В., Межевич Н.М. Европейская и российская экономика: санкционное противостояние и взаимные убытки // Экономическое возрождение России. 2016. № 3 (49). С. 27–34. EDN WKGPER.
6. Межевич Н. М. Проблемы и перспективы экономических отношений России и государств Прибалтики в условиях санкционных режимов. М.: Ассоциация книгоиздателей «Русская книга», 2017. 64 с. (Научные доклады Российской ассоциации прибалтийских исследований. Серия 2. Социально-экономическое развитие. Вып. 4.)
7. Оболенский В.П. Турбулентность в международной торговле: реакция России // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2020. № 3. С. 60–77. DOI 10.24411/2073-6487-2020-10029. EDN TPVLUB.
8. Политика санкций: цели, стратегии, инструменты: хрестоматия. Издание 3-е, переработанное и дополненное / [сост. И.Н. Тимофеев, П.И. Чуприянова, К.В. Троцкая]; Российский совет по международным делам (РСМД). М. : НП РСМД, 2023. 536 с.
9. Примаков Е.М. Реиндустриализация или постиндустриализация? // Прямые инвестиции. 2012. № 3 (119). С. 3.
10. Татаркин А.И., Линецкий А.Ф. Развитие внешнеэкономической деятельности России на основе использования особенностей социально-экономического комплекса региона // Экономика региона. 2009. № 1(17). С. 125–135. EDN KAQKMW.
11. Хлутков А.Д. Экономика Санкт-Петербурга в новых внешних условиях развития // Управленческое консультирование. 2023. № 3. С. 9.
12. Экономика России в условиях новых вызовов: от адаптации к развитию: Доклад / Отв. ред. М.Ю. Головин, Е.Б. Ленчук. М. : Институт экономики РАН, 2023.

Об авторах:

Межевич Николай Маратович, главный научный сотрудник Института Европы РАН (Москва, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; mez13@mail.ru

Шамахов Владимир Александрович, научный руководитель Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, кандидат исторических наук, профессор; shamakhov-va@ranepa.ru

Хлутков Андрей Драгомирович, директор Северо-Западного института управления — филиала РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; khlutkov-ad@ranepa.ru

References

1. Bodrunov S.D. Industrial policy of Russia in the context of challenges of global transformation: problems of theory and practice of transition to a new stage of industrial development (NIO.2) //

- Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2023. N 2(76). P. 5–12. DOI 10.37930/1990-9780-2023-2(76)-5-12. EDN WPDXR. (in Rus).
2. Where and how Russia can benefit from the global economic crisis. Report to the X International Scientific Conference of the Higher School of Economics on the Development of the Economy and Society, Moscow, April 7–9, 2009. Higher School of Economics. M.: Publishing House of Higher School of Economics, 2009. (in Rus).
 3. Gromyko A., Fedorov V. Ban economic sanctions [Electronic resource] // Analytical note of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences No. 7. 2015. N 7. URL: <http://www.zapiski-ieran.ru/images/analitika/an7.pdf> (in Rus).
 4. Kostikov I.V., Arkhipova V.V., Komolov O.O. Impact of Sanctions on External Financing of the Russian Economy / Ed. I.V. Kostikov: Scientific Report. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. 2015. (in Rus).
 5. Kuznetsov S.V., Mezhevich N.M. European and Russian economy: sanctions confrontation and mutual losses // Economic revival of Russia [Ekonomicheskoe vrozozhdenie Rossii]. 2016. N 3 (49). P. 27–34. EDN WKGPER. (in Rus).
 6. Mezhevich N. M. Problems and prospects of economic relations between Russia and the Baltic states under the conditions of sanctions regimes. M.: Association of Book Publishers "Russian Book," 2017. 64 p. (Scientific reports of the Russian Association of Baltic Studies. Series 2. Socio-economic development. No. 4) (in Rus).
 7. Obolensky V.P. Turbulence in international trade: the reaction of Russia // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences [Vestnik Instituta ekonomiki Rossiiskoi akademii nauk]. 2020. N 3. P. 60–77. DOI 10.24411/2073-6487-2020-10029. EDN TPLUB. (in Rus).
 8. Sanctions policy: goals, strategies, tools: textbook. Edition 3, revised and supplemented / [comp. I.N. Timofeev, P.I. Chupriyanova, K.V. Trotskaya]; Russian International Affairs Council (INF). M.: RIAC, 2023. 536 p. (in Rus).
 9. Primakov E.M. Reindustrialization or post-industrialization? // Direct investments [Pryamye investitsii]. 2012. N 3 (119). P. 3. (in Rus).
 10. Tatarin A.I., Linetsky A.F. Development of foreign economic activity of Russia based on the use of the peculiarities of the socio-economic complex of the region // Economy of the region [Ekonomika regionala]. 2009. N 1 (17). P. 125–135. EDN KAQKMV. (in Rus).
 11. Khlutkov A.D. Economics of St. Petersburg in new external development conditions // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2023. N 3. P. 9. (in Rus).
 12. The Russian economy in the face of new challenges: from adaptation to development: Report / Ex. ed. M.Yu. Golovnin, E.B. Lenchuk. M.: Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences, 2023. (in Rus).

About the authors:

Nikolay M. Mezhevich, Chief Researcher of Institute of Europe of RAS (Moscow, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; mez13@mail.ru

Vladimir A. Shamakhov, Research Supervisor of the North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), PhD in History, Professor; shamakhov-va@ranepa.ru

Andrey D. Khlutkov, Director of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; khlutkov-ad@ranepa.ru

Роль органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в формировании и реализации политики патриотического воспитания

Бахлова О. В.^{}, Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г.*

Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева, Саранск, Российская Федерация, *olga.bahlova@mail.ru

РЕФЕРАТ

Цель: выявление специфики роли органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в актуализации союзной патриотической повестки.

Методы: неформализованный содержательный анализ документов, контент-анализ содержания интернет-ресурсов, формально-юридический метод, методы сравнительно- и многоуровневого анализа.

Результаты и обсуждение: Исследованы конституционно-правовые и концептуально-стратегические основы политики патриотического воспитания в Российской Федерации и Республике Беларусь. С учетом институциональных особенностей национального и союзного уровней определены функционал органов исполнительной власти в данной области и направления их участия в формировании и продвижении союзной патриотической повестки. Охарактеризованы позиции стран-участниц Союзного государства относительно содержания и смысловых параметров концепта «патриотизм». Акцентированы некоторые внутригосударственные и союзные тенденции, ориентированные на поддержку патриотических инициатив и проектов. Показана корреляция национальных и интеграционных процессов в контексте внешних вызовов и угроз.

Выводы: Российская Федерация и Республика Беларусь являются традиционными партнерами, во взаимодействии которых изначально присутствовал выраженный аксиологический аспект. Современные реалии в целом, нарастающее внешнее давление побуждают к мобилизации всех ресурсов для укрепления антикризисного потенциала и социально-политической консолидации. Официальный дискурс и практические мероприятия в рамках Союзного государства демонстрируют актуализацию новой парадигмы и интеграционных механизмов формирования и укрепления союзной патриотической повестки и политики патриотического воспитания. Особое значение здесь имеют межведомственные коммуникации. В целом исследуемая область пока остается в поле действия национальных и межгосударственных механизмов.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, Российская Федерация, Республика Беларусь, Союзное государство Беларуси и России, органы исполнительной власти, союзное строительство, интеграционное взаимодействие

Для цитирования: *Бахлова О. В., Бахлов И. В., Уляшкина Е. Г.* Роль органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в формировании и реализации политики патриотического воспитания // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 18–34.

Финансовая поддержка. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

The Role of the Executive Authorities of the Russian Federation and the Republic Of Belarus in the Formation and Implementation of the Policy of Patriotic Education

Olga V. Bakhlova^{}, Igor V. Bakhlov, Ekaterina G. Ulyashkina*

National Research Ogarev Mordovia State University, Saransk, Russian Federation, *olga.bahlova@mail.ru

ABSTRACT

Aims: identification of the specifics of the role of the executive authorities of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the actualization of the Union patriotic agenda.

Methods: informal content analysis of documents, content analysis of the content of Internet resources, formal legal method, methods of comparative and multilevel analysis.

Results and discussion: The conceptual foundations of the phenomenon of «patriotism» in the Russian Federation and the Republic of Belarus are investigated through the prism of the existing functionality of executive authorities. The equivalent position of the countries regarding the semantics of the concept of «patriotism» is revealed along with national trends aimed at supporting various initiatives focusing on issues of patriotic education. The correlation of autonomous state processes in line with patriotism with collegial decisions of Russia and Belarus at the union level on the issue under consideration is shown. The concept of «patriotism» is defined through the prism of the modification of the paradigm of political processes, including at the site of the USBR, taking into account external challenges and threats.

Conclusion: The Russian Federation and the Republic of Belarus are traditional partners, whose interaction initially had a pronounced axiological aspect. Modern realities in general, increasing external pressure encourage the mobilization of all resources to strengthen the anti-crisis potential and socio-political consolidation. The official discourse and practical events within the framework of the Union State demonstrate the actualization of a new paradigm and integration mechanisms for the formation and strengthening of the Union patriotic agenda and the policy of patriotic education. Interdepartmental communications are of particular importance here. In general, the area under study remains in the field of action of national and interstate mechanisms.

Keywords: patriotic education, the Russian Federation, the Republic of Belarus, the Union State of Belarus and Russia, executive authorities, union construction, integration interaction

For citing: Bakhlova O. V., Bakhlov I. V., Ulyashkina E. G. The role of the executive authorities of the Russian Federation and the Republic of Belarus in the formation and implementation of the policy of patriotic education // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 18–34.

Funding. This work was financially supported by the Russian Science Foundation, grant number 23-28-00371, <https://rscf.ru/project/23-28-00371/>

Введение

Глобальные возмущения в международных отношениях во многом сопряжены со стремлением ряда стран сохранить миропорядок, основанный на доминировании коллективного Запада во главе с США, «нивелировании влияния не западных центров притяжения» на события современности¹. Существующие реалии характеризуются ростом напряженности на мировой арене, приобретающей все более многослойный характер, турбулентностью политических и экономических процессов. Текущие тенденции катализируют явления, направленные на углубление межцивилизационного разлома по линии Запад — НеЗапад, что, в свою очередь, побуждает к усилению взаимодействия в интеграционной плоскости с традиционными партнерами и государствами, проводящими конструктивную политику в отношении Российской Федерации (РФ). Все отчетливее прослеживаются установки общемирового и регионального развития, направленные на консолидацию усилий стран, непосредственно находящихся на «линии разлома». На этом фоне, как отмечается в Концепции внешней политики РФ 2023 г., активизируется «формирование региональных и трансрегиональных механизмов экономической интеграции и взаимодействия в различных сферах, создание разноформатных партнерств для решения общих проблем»².

¹ Союзное государство в условиях современного кризиса // Экспертный клуб Союзного государства [Электронный ресурс]. URL: <https://russkie.org/articles/soyuznoe-gosudarstvo-v-usloviyakh-sovremenno-go-krizisa/> (дата обращения: 12.03.2023).

² Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) // Министерство иностранных дел Российской Федерации

Рост внешнего давления и ведение «гибридной войны» против Российской Федерации и Республики Беларусь (РБ) интенсифицируют их усилия по противодействию внешним вызовам и угрозам путем адаптации и модификации сложившихся ранее взаимосвязей, поиску новых и совершенствованию имеющихся национальных и интеграционных инструментов. В последние годы они вынуждены реагировать не только на последствия применения военно-силовых методов осуществления обширной экспансии евроатлантического сообщества, но и на все более отчетливые попытки целенаправленного размывания традиционных ценностей, искажения мировой истории, реабилитации фашизма¹, что, в свою очередь, придает особую значимость аксиологическому аспекту российско-белорусской интеграции. В данном контексте концепт «патриотизм» встраивается в интеграционную (союзную) повестку, коррелируя с основными функциональными предпосылками и рычагами воздействия.

Общее историческое прошлое, единое языковое и культурное пространство, регулярные гуманитарные обмены² вкупе с тесным взаимодействием в политической, торгово-экономической, военной и других сферах³ стимулируют поступательное развитие конструктивных союзнических отношений между Москвой и Минском, в первую очередь, в формате Союзного государства Беларуси и России (СГБР). Страны-участницы находятся в зоне стратегических интересов друг друга [21], а общие ценности рассматриваются ими не только как фактор углубления интеграционных процессов, но и как реальный механизм достижения общих геополитических задач. Понимание этого находит определенное отражение в концептуально-правовом базисе, различных заявлениях и выступлениях представителей органов государственной власти и институций Союзного государства. Одно из последних свидетельств — Совместное заявление от 17 мая 2023 г., где говорится, в частности, о приверженности РФ и РБ традиционным духовно-нравственным ценностям и неприемлемости деструктивных и чуждых им идеологий, насаждаемых коллективным Западом⁴. Формирование и утверждение сходной/единой понятийно-смысловой ценностной парадигмы союзного строительства можно трактовать как драйвер и практический мероприятий, способствующих укреплению основ лояльности политических элит и населения идее интеграции и ее воплощению в жизнь в крайне непростых условиях, при том, что внутри стран-участниц СГБР до сих пор не решены многие насущные вопросы в плоскости общенациональной консолидации и национальной идентичности.

Полагаем, что продвижение общих ценностных ориентиров в рамках Союзного государства, включая область патриотического воспитания, должно базироваться на неперменной взаимоувязке целей и задач национального и интеграционного

Федерации [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 15.04.2023).

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный сайт Президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 15.03.2023).

² Путин поддержал создание центра патриотического воспитания совместно с Беларусью // Евразия. Эксперт [Электронный ресурс]. URL: <https://eurasia.expert/putin-podderzhal-sozdanie-tsentra-patrioticheskogo-vospitaniya-sovmestno-s-belarusyu/> (дата обращения: 15.03.2023).

³ Путин: механизмы Союзного государства обеспечивают высокий уровень двустороннего сотрудничества // ВелТА [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/politics/view/putin-mehanizmu-sojuznogo-gosudarstva-obespechivajut-vysokij-uroven-dvustoronnegogo-sotrudnichestva-435434-2021/?ysclid=if8eg2si2r621991069> (дата обращения: 15.03.2023).

⁴ Совместное заявление министров иностранных дел Российской Федерации и Республики Беларусь по общим внешнеполитическим приоритетам России и Беларуси // Министерство иностранных дел Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1870846/ (дата обращения: 21.05.2023).

уровней, как аксиологического, так и прагматического плана. Учитывая особенности устройства РФ и РБ и самого Союзного государства, в котором продолжают доминировать институции, включающие представителей стран-участниц, межгосударственные, а не наднациональные механизмы в целом, а также положения национального законодательства, фиксирующие соответствующий функционал, сконцентрируемся на органах и ведомствах, должностных лицах, входящих непосредственно или фактически в структуру исполнительной власти. Прежде всего это национальные правительства, министерства, службы и пр. подразделения, их руководители. Кроме того, принципиально важные инициативы исходят от глав обоих государств и облекаются в нормативные установления, конкретные проекты, действия и пр. Несмотря на новации конституционных реформ 2020 г. в РФ и 2022 г. в РБ, предполагавшие частичное реформирование полномочий, президенты сохранили за собой ведущие статусные позиции, серьезные ресурсы и рычаги влияния в том числе на исполнительную власть. Сказанное вкупе с потребностью власти в общественной поддержке обращает нас к анализу совокупности решений и коммуникаций с участием широкого круга субъектов и агентов. В настоящей статье внимание фокусируется на выявлении специфики роли органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь в актуализации союзной патриотической повестки. Конкретизируется данная цель в следующих задачах: определении конституционно-правовых и концептуально-стратегических основ политики патриотического воспитания в РФ и РБ; характеристике содержания инициатив, акций, проектов органов государственной власти РБ и РФ, их официальных позиций в плоскости патриотического воспитания; артикуляции главных тенденций и направлений продвижения патриотической повестки в общем русле союзного строительства.

Отметим, что теоретический дискурс по изучаемой проблематике строится в большей степени вокруг интерпретаций патриотизма как внутригосударственного явления. Подобных трудов весомое количество, в том числе посвященных российским и белорусским практикам или, более широко, — постсоветским. Значительный исследовательский интерес проявляется к соотношению патриотизма и национальной идентичности, гражданственности и патриотизма, корреляциям с формулированием национальной идеи [3; 5; 11–12; 13; 15–16; 23–24; 26–27]. Выделяются изменения, произошедшие в области формирования государственной политики патриотического воспитания РФ и РБ, функционировании соответствующих систем национального уровня, выработке и апробировании инструментария патриотического воспитания [7–8; 10], фиксируются достижения и негативные моменты [1; 18–20; 22; 25]. Отметим в этой связи внимание к институциональным аспектам, прежде всего применительно к РФ, например, в разрезе «институциональной эффективности» [2]. Государство чаще всего понимается как главный актер политики патриотического воспитания, формально задающий логику патриотической деятельности, отмечается тенденция к патерналистским и «охранительным» трактовкам патриотизма [4; 6; 13]. Довольно часто акцентируются «верхушечные механизмы»; неслучайно употребление выражений «государственный патриотизм» [29], «патриотизм элит» [9] и т. п. Характерно указание на вариативность, множественность дискурсов патриотизма [14; 28]. В целом проблемность в анализе патриотической тематики и политики патриотического воспитания более отчетливо артикулируется российскими авторами, нежели белорусскими. Пока явно недостаточно изучены патриотические практики союзного уровня, хотя осознание их важности несомненно, особенно для укрепления дружбы народов двух стран [17], а также статусно-ролевые характеристики государственных и негосударственных институтов в данной области. Констатируем отсутствие целостного представления о политике патриотического воспитания как направления интеграционного взаимодействия, связанного с реагированием на вызовы и угрозы современности.

Материалы и методы

Теоретико-методологические основы исследования составили:

- социально-системный подход (Н. Луман) [31], ориентированный на верификацию разноплановых взаимодействий и взаимосвязей в области формирования и реализации политики патриотического воспитания на внутригосударственном и интеграционном уровнях;
- нормативный институционализм (Дж. Марч, Й. Ольсен) [32], предполагающий концентрацию внимания на результатах, достигнутых в процессе деятельности органов государственной власти России и Белоруссии (программы, проекты, инициативы и т. д.) по разработке государственных курсов и сопряжению их усилий в рассматриваемой плоскости в формате Союзного государства;
- теория «политической унификации» (А. Этциони) [30], акцентирующая концепт «интегрирующей силы», в том числе с символической (идентификационной) позиции в разрезе патриотической проблематики.

В качестве главных методов применялись неформализованный содержательный анализ документов, контент-анализ содержания интернет-ресурсов, формально-юридический метод, методы сравнительного и многоуровневого анализа. В совокупности они позволили выявить ключевые смысловые блоки и идеи в нормативных установлениях и дискурсивных практиках, сходства и различия в подходах к вопросам патриотического воспитания на внутригосударственном и интеграционном уровнях, особенности правовой регламентации и законодательной институционализации в данной области, определить место соответствующих категорий и феноменов в структуре политико-правовых систем РФ и РБ и интеграционной системы Союзного государства.

Эмпирическая база исследования включает нормативные и концептуально-стратегические документы Российской Федерации и Республики Беларусь в анализируемой области; материалы, размещенные на официальных сайтах Президента Российской Федерации (<http://kremlin.ru>), Президента Республики Беларусь (<https://president.gov.by>), Официальном интернет-портале правовой информации Российской Федерации (<http://pravo.gov.ru>), Национальном правовом Интернет-портале Республики Беларусь (<https://pravo.by>), Информационно-аналитическом портале Союзного государства (<https://soyuz.by>) и др.

Результаты

Регламентация вопросов патриотического воспитания в национальном законодательстве России и Белоруссии коррелирует с закреплением в нем концепта ценностей и его составляющих, причем на конституционно-правовом уровне. Так, уже в преамбулах основных законов РФ и РБ содержатся тезисы о сохранении исторического прошлого, морально-нравственных ценностей, национальной самобытности. Далее проводится определенная детализация. Например, согласно ст. 67.1 Конституции Российской Федерации государство обеспечивает защиту исторической правды, создает необходимые условия для воспитания патриотизма и гражданственности в детях и т. д.¹ Ст. 54 Конституции Республики Беларусь подразумевает, что «патриотизм является долгом каждого гражданина», равно как и «сохранение исторической памяти о героическом прошлом белорусского народа». Каждый гражданин обязывается беречь историко-культурное, духовное наследие и другие национальные ценности².

¹ Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/constitution> (дата обращения: 25.03.2023).

² Конституция Республики Беларусь [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/gosudarstvo/constitution> (дата обращения: 25.03.2023).

Конституционное закрепление основ патриотического воспитания создает платформу для законодательной институционализации данного феномена. Законодательная база в Российской Федерации в этой области образуется совокупностью актов федерального и регионального уровней. Акцентируем, в частности, следующие федеральные законы:

- ФЗ «О воинской обязанности и военной службе», предполагающий системную работу по военно-патриотическому воспитанию граждан, организуемую Правительством РФ, органами исполнительной власти субъектов РФ совместно с Министерством обороны РФ и иными органами исполнительной власти РФ (ст. 14)¹;
- ФЗ «О ветеранах», предусматривающий социальные гарантии для отдельных групп граждан (за счет средств РФ и субъектов Федерации), а также проведение мероприятий, носящих информационно-агитационный характер с целью пропаганды «важности добросовестной военной службы и трудовой деятельности, значения государственных наград за ратные и трудовые подвиги»; реализация государственной политики в отношении ветеранов осуществляется федеральными органами государственной власти, органами государственной власти субъектов Российской Федерации и органами местного самоуправления (ст. 9)²;
- ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России», регламентирующий организационные мероприятия, направленные на разработку планов и программ военно-исторической работы, увековечивание памяти российских воинов, пропаганду дней воинской славы, установку мемориальных сооружений и объектов, в том числе и за пределами Российской Федерации, разработку проектов международных договоров Российской Федерации по обеспечению сохранности мемориальных сооружений и объектов, ежегодное проведение общероссийской минуты молчания 22 июня в День памяти и скорби — день начала Великой Отечественной войны, обеспечение общественного порядка при проведении дней воинской славы России и мероприятий, посвященных памятным датам России³. Функционал в данных вопросах возложен на Правительство РФ, Министерство обороны РФ, органы исполнительной власти субъектов, а также муниципалитеты в пределах их полномочий;
- ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941—1945 годов», ориентированный на борьбу с проявлениями фашизма, а также увековечивание Победы советского народа в Великой Отечественной войне; Правительство РФ, в частности, разрабатывает и утверждает целевую государственную программу оказания помощи участникам, ветеранам и жертвам Великой Отечественной войны (ст. 7)⁴;
- ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации», фиксирующий основные принципы и механизмы молодежной политики, в том числе в русле патриотической повестки: так, одним из основных направлений реализации молодежной политики, причем указанным в законе первым, выступает «воспитание гражданственности, патриотизма, преемственности традиций, уважения к отечественной

¹ Федеральный закон от 28 марта 1998 № 53-ФЗ «О воинской обязанности и военной службе» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/12128> (дата обращения: 25.03.2023).

² Федеральный закон от 12 января 1995 № 5-ФЗ «О ветеранах» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7432> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Федеральный закон от 13 марта 1995 г. № 32-ФЗ «О днях воинской славы (победных днях) России» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7640> (дата обращения: 26.03.2023).

⁴ Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 80-ФЗ «Об увековечении Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7872> (дата обращения: 26.03.2023).

истории, историческим, национальным и иным традициям народов Российской Федерации» (ст. 6); закон закрепляет соответствующие полномочия органов государственной власти Российской Федерации (ст. 8); органов государственной власти субъектов Российской Федерации (ст. 9) и органов местного самоуправления (ст. 10)¹;

- ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» — в нем показательно само определение понятия «воспитание» — как деятельности, направленной «на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде» (ст. 2). В соответствии с п. 4 ст. 48 обязанность формирования гражданской позиции возложена на педагогов².

Одновременно стоит подчеркнуть, что непосредственно понятие «патриотическое воспитание» в РФ раскрывается не в законодательном акте, а документе рекомендательного характера. Вместе с тем его содержание корреспондирует с предыдущими установлениями. Патриотическое воспитание трактуется как комплексная, целенаправленная работа по «формированию у граждан любви и уважения к Родине, ответственного отношения к своей стране, чувства верности своему Отечеству, готовности защищать его интересы и вносить вклад в его процветание»³.

Констатируем серьезный пробел в нормативной плоскости: отсутствие единого специального законодательного акта в рассматриваемой области. Примечательна затяжная «пробуксовка» в Государственной Думе законопроекта № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации», внесенного в думский Комитет по развитию гражданского общества, вопросам общественных и религиозных объединений еще в ноябре 2017 г. и после долгих перипетий окончательно отклоненного в марте 2023 г.⁴. Не вдаваясь в технические тонкости и мотивы законодателя, отметим, что в законопроекте давались формулировки не только патриотического воспитания, но также патриотизма и Отечества.

Отчасти названный пробел компенсируется наличием отдельных норм и принципиальных положений не только в приведенных выше федеральных законах, но и в ряде концептуально-стратегических документов, включая новейшие. Кроме того, на данном направлении осуществляется модификация законодательства, сопряженная с вызовами современности и потребностями общества. Ярким примером являются вступившие в силу с 1 сентября 2020 г. поправки к закону «Об образо-

¹ Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. № 489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46328> (дата обращения: 26.03.2023).

² Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/36698> (дата обращения: 25.03.2023).

³ Методические рекомендации «Основы патриотического воспитания граждан Российской Федерации»: утв. Экспертным советом по патриотическому воспитанию при ФГБУ «Роспатриот-центр» 10 октября 2022 года [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pcpv.pf/wp-content/uploads/2022/12/Methodicheskie-rekomendatsii-po-Osnovam-patrioticheskogo-vospitaniya-grazhdan-Rossijskoj-Federatsii.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

⁴ Законопроект № 315234-7 «О патриотическом воспитании в Российской Федерации» (в части определения целей, принципов и направлений патриотического воспитания граждан) [Электронный ресурс]. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/315234-7> (дата обращения: 18.05.2023).

вании РФ», инициированные Президентом России и направленные на усиление патриотического воспитания в российских школах и ВУЗах¹, как и иные поправки более позднего времени. В целом они коррелируют с новациями в рамках конституционной реформы и отвечают духу ст. 67.1. Филиация взаимосвязей «образовательный процесс — патриотизм» предполагает артикуляцию ключевой целевой аудитории политики патриотического воспитания молодежи.

В контексте продолжающейся трансформации в намеченном русле отметим также федеральный проект «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации» национального проекта «Образование», разработанный органами исполнительной власти Российской Федерации и направленный на повышение профессиональных компетенций лиц, реализующих молодежную политику в России, проведение мероприятий патриотической направленности; главную ответственность за его реализацию несет Министерство просвещения РФ. В рамках этого проекта Роспатриот (программа Федерального агентства по делам молодежи) развивает воспитательную работу в образовательных организациях общего и профессионального образования и проводит мероприятия патриотической направленности². В Указе Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» заявляется о «воспитании в духе уважения к традиционным ценностям как ключевым инструменте государственной политики в области образования и культуры, необходимым для формирования гармонично развитой личности»³.

Контент официального сайта Министерства просвещения РФ позволяет оценить некоторые планируемые проектом «Патриотическое воспитание» количественные показатели. Так, к концу 2024 г. в Российской Федерации планируется вовлечь в систему патриотического воспитания не менее 24% граждан, из которых 1660 тыс. чел. примут участие в разноуровневых мероприятиях патриотической направленности, 600 тыс. чел. будут вовлечены в систему межпоколенческого взаимодействия, 3000 тыс. детей на системной основе будут участвовать в деятельности Общероссийской общественно-государственной детско-юношеской организации «Российское движение школьников», 1750 тыс. детей будут вовлечены в деятельность детско-юношеского военно-патриотического общественного движения «ЮНАРМИЯ»⁴. Работа в данном направлении ведется с начала 2021 г. Намеченные цифры впечатляют. В то же время в экспертных оценках, с которыми мы солидаризируемся, неоднократно звучало предостережение насчет опасности формализма и имитации деятельности. Важно добиваться не только достижения количественных показателей, но и качественно преобразовать сложившиеся в постсоветский период подходы к политике патриотического воспитания.

В Республике Беларусь центральное место в системе нормативного регулирования вопросов патриотического воспитания, помимо документов, фиксирующих памятные даты и регламентирующих социальные гарантии военнослужащим, занимают следующие акты: закон «О молодежной политике», ориентированный на гражданское и па-

¹ Госдума приняла закон о воспитании патриотизма [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4426128> (дата обращения: 26.03.2023).

² Роспатриот [Электронный ресурс]. URL: <https://www.rospatriotcentr.ru/rospatriot/> 123 (дата обращения: 31.03.2023).

³ Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [Электронный ресурс]. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202211090019?ysclid=lftsivbuf4385025781> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴ Федеральный проект «Патриотическое воспитание» [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/national-project/projects/patriot/> (дата обращения: 27.03.2023).

триотическое воспитание молодежи (ст. 13)¹, Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 г.², Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 гг.³ Важную роль в их разработке и принятии сыграл Совет Министров РБ. Подчеркнем, что в соответствии с Программой в Белоруссии создан Республиканский межведомственный координационный совет по патриотическому воспитанию населения, подконтрольный Администрации Президента РБ, Совету Министров РБ и Министерству образования РБ. Созданию данного Совета предшествовало выступление Президента РБ А. Г. Лукашенко, где были расставлены акценты в плоскости патриотического воспитания на системе образования детей⁴. Подобная позиция может трактоваться как логическое продолжение ранее взятого белорусским государством курса. Например, в 2021 г. при поддержке Министерства здравоохранения в республике был инициирован гражданско-патриотический проект «Подвиг во имя будущего», Государственным учреждением (ГУ) «Национальное агентство по туризму» осуществлен патриотический проект «Беларусь и Я»⁵. В 2022 г. Министерством образования Республики Беларусь совместно с Республиканским центром экологии и краеведения был реализован республиканский гражданско-патриотический проект «Собери Беларусь в своем сердце»⁶.

Кратко предварительно подытожим: по законодательству обеих стран обязанность по реализации государственной политики в сфере патриотического воспитания находится в зоне ответственности профильных министерств и ведомств в структуре исполнительной власти. Специфика самого их участия складывается из функционала, вытекающего из концептуального базиса и общенационального вектора развития. Конкретные полномочия в данной плоскости определяются в зависимости от профильной направленности.

Сущностно, несмотря на объяснимые различия и расхождения, подходы стран-участниц Союзного государства по вопросам патриотического воспитания и в целом интеграционной патриотической повестки в значительной степени конвергентны, что подтверждается на самом высоком уровне. Так, в апреле 2022 г. Президент Российской Федерации В. В. Путин в очередной раз подчеркнул, что патриотизм является одной из важнейших ценностей российского общества, способной консолидировать граждан в противостоянии внешним и внутренним угрозам⁷. Лидер

¹ Закон Республики Беларусь «О молодежной политике» от 7 декабря 2009 г. № 65-З [Электронный ресурс]. URL: https://kodeksy-by.com/zakon_rb_ob_osnovah_gosudarstvennoj_molodezhnoj_politiki/13.htm (дата обращения: 26.03.2023).

² Стратегия развития государственной молодежной политики Республики Беларусь до 2030 года: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь 19 июня 2021 г. № 349 [Электронный ресурс]. URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=C22100349> (дата обращения: 26.03.2023).

³ Программа патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы: утв. Постановлением Совета Министров Республики Беларусь от 29 декабря 2021 г. № 773 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bgam.by/wp-content/uploads/2022/01/Patrioticheskoe-vospitanie-naseleniya.pdf> (дата обращения: 25.03.2023).

⁴ Лукашенко: нам предстоит перезагрузить систему образования, это вопрос государственной важности [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sb.by/articles/patriota-mozhet-vospitat-tolk-patriot.html?ysclid=lfhtpex891775935208> (дата обращения: 27.03.2023).

⁵ Патриотический проект «Беларусь и Я» [Электронный ресурс]. <https://pribolovich.schools.by/news/1816324?ysclid=lfwn7j728z970677981> (дата обращения: 31.03.2023).

⁶ Республиканский гражданско-патриотический проект «Собери Беларусь в своем сердце» [Электронный ресурс]. <https://adu.by/be/home-be/naviny/distantcionnye-obrazovatelnye-meropriyatiya-olimpiady-konkursy-turniry-i-dr/6327-respublikanskij-grazhdansko-patrioticheskij-proekt-soberibelarus-v-svoem-serdtshe.html> (дата обращения: 30.03.2023).

⁷ Путин назвал ключевую основу государственности России [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/news/2022/04/27/patriotism/?ysclid=lfstydvgah622817956> (дата обращения: 27.03.2023).

Республики Беларусь А. Г. Лукашенко во время выступления на патриотическом форуме «Это НАША история!», посвященном Дню народного единства, акцентировал необходимость воспитания патриотического сознания как основополагающего фактора в сохранении и укреплении собственной государственности, противостояния западной угрозе¹.

На высшем и правительственном уровнях обеих стран очевидна тенденция на поддержку различных общественных инициатив в области патриотического воспитания. В частности, Президент РФ в сентябре 2022 г. лично поддержал идею по созданию центра патриотического воспитания молодежи на базе Общероссийского союза общественных объединений «Российский Союз боевых искусств»². В Республике Беларусь в декабре 2020 г. было организовано Общественное объединение «Патриоты Беларуси», представляющее собой неправительственную организацию, функционал которой концентрируется в нескольких плоскостях: автопробеги и общественные акции, патриотическое воспитание, благотворительность, сохранение исторической памяти³. Данная инициатива была высоко оценена руководством страны и получила премию Президента РБ «За духовное возрождение» в связи с высокой социальной значимостью реализуемых инициатив⁴. Также отметим, что белорусский лидер в мае 2022 г. подписал Указ «О развитии военно-патриотических клубов», деятельность которых призвана способствовать реализации образовательных программ по патриотическим вопросам⁵.

Близость позиций президентов РФ и РБ активизирует соответствующие импульсы по всей вертикали власти. Например, в мае 2023 г. Председатель Правительства РФ М. В. Мишустин в своей телеграмме к участникам 30-х Международных образовательных чтений подчеркнул релевантность вопросов патриотического воспитания, призвав налаживать многосторонний диалог в данном ключе между представителями органов государственной власти, духовенства, деятелями культуры, искусства, учеными и т. д.⁶ Похожей позиции придерживается Министр образования РБ А. И. Иванец, рассматривающий патриотизм как центральный элемент в системе воспитательного процесса, находящийся в непосредственном соприкосновении с другими сферами общества⁷.

Концентрация внимания властей РФ и РБ на вопросах патриотического воспитания во внутривластной плоскости определенным образом проецируется на

¹ Патриотический форум «Это НАША история!» [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/events/patrioticheskiy-forum-eto-nasha-istoriya> (дата обращения: 27.03.2023).

² Путин поручил создать центры патриотического воспитания [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20220921/putin-1818407066.html?ysclid=lftrsrljxma564843716> (дата обращения: 27.03.2023).

³ Патриоты Беларуси [Электронный ресурс]. URL: <https://patriots.by/> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴ «Патриоты Беларуси» о единомышленниках, воспитании молодежи и новых проектах [Электронный ресурс]. <https://www.belta.by/interview/view/patrioty-belarusi-o-edinomyshlennikah-vospitanii-molodezhi-i-novyh-proektah-8059/?ysclid=lg0zem5eqv439523523> (дата обращения: 3.04.2023).

⁵ Указ Президента Республики Беларусь от 4 мая 2022 года № 160 «О развитии военно-патриотических клубов» [Электронный ресурс]. URL: <https://president.gov.by/ru/documents/ukaz-no-160-ot-4-maya-2022-g> (дата обращения: 27.03.2023).

⁶ Мишустин призвал уделять внимание патриотическому воспитанию молодежи [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20220523/vospitanie-1790100722.html?ysclid=lg0yf90wyu130811893> (дата обращения: 3.04.2023).

⁷ Новый министр о приоритетах системы образования: во главе угла вопросы исторической памяти и патриотизма [Электронный ресурс]. <https://pravo.by/novosti/obshchestvenno-politicheskie-i-v-oblasti-prava/2022/february/68639/?ysclid=lg10bul5fp773190581> (дата обращения: 3.04.2023).

интеграционное поле. Экономическое, политическое, геостратегическое сотрудничество, общность исторического прошлого, культурно-нравственных ценностей создает прочный фундамент для наращивания интеграционного взаимодействия в аксиологическом измерении, где все больше артикулируется концепт «патриотизм».

Россия и Белоруссия реализуют межведомственное и межгосударственное взаимодействие по вопросам патриотического воспитания населения, в том числе в рамках Союзного государства. В частности, в январе 2023 г. в период рабочей поездки делегации Министерства просвещения Российской Федерации в Республику Беларусь был утвержден «План мероприятий по развитию сотрудничества в 2023–2024 годах»¹, направленный на обсуждение темы патриотизма, интегрирование общих ценностей в систему образования. Официальные представители государств на регулярной основе акцентируют внимание на достигнутых результатах и имеющейся положительной динамике в развитии данного направления. Так, Президент РБ, отвечая на вопросы в ходе открытого урока «Историческая память — дорога в будущее» в сентябре 2022 г., подчеркнул необходимость развивать молодежные патриотические проекты с Россией², продолжать взятый курс на углубление интеграционного взаимодействия в данном ключе.

При поддержке органов исполнительной власти государств, в том числе с использованием функционала СГБР, на регулярной основе осуществляются общественные инициативы, где патриотизм и вопросы патриотического воспитания занимают центральное место. Одним из ярких примеров служит организация Союзного общественно-патриотического проекта «Наша Великая Родина», профильной деятельностью которого является реализация различных патриотических акций, направленных на консолидацию усилий в сфере патриотического воспитания на постсоветском пространстве. В частности, весной 2023 г. под эгидой данного проекта в период с 17 марта по 9 мая было намечено проведение союзно-патриотической эстафеты «в 110 городах, расположенных на территории Российской Федерации, Республики Абхазия, Республики Южная Осетия, Республики Беларусь, а также на территории Республики Казахстан и, в автономном режиме, на территории Приднестровской Молдавской Республики», цель которой — консолидация усилий стран в социокультурной плоскости через призму патриотизма, «в том числе, в рамках строительства обновленного Союзного государства»³. В 2022 г. при поддержке ОАО «Российские железные дороги» и ГО «Белорусская железная дорога» был реализован уникальный культурно-образовательный проект «Поезд Победы», представляющий собой передвижную музейную экспозицию, увековечивающую подвиг советского народа в период Великой Отечественной войны⁴.

¹ В 2023-2024 годах Россия и Белоруссия проведут мероприятия по обмену педагогическим опытом, совместные патриотические акции и фестивали [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.gov.ru/press/6413/v-2023-2024-godah-rossiya-i-belorussiya-provedut-meropriyatiya-po-obmenu-pedagogicheskim-opytom-sovmestnye-patrioticheskie-akcii-i-festivali/> (дата обращения: 26.03.2023).

² Лукашенко: надо развивать молодежные патриотические проекты с Россией и другими соседями [Электронный ресурс]. URL: <https://www.belta.by/president/view/lukashenko-nado-razvivat-molodezhnye-patrioticheskie-proekty-s-rossiej-i-drugimi-sosedjami-521549-2022/?ysclid=lfu2kpsle183386217> (дата обращения: 27.03.2023).

³ Положение «Об организации Союзного общественно-патриотического проекта «НАША ВЕЛИКАЯ РОДИНА», посвященного 78-й годовщине Победы СССР над нацистской Германией и ее сателлитами в ходе Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. [Электронный ресурс]. URL: <https://xn---7sbabty4afgt9f.xn--p1acf/polozhenie/> (дата обращения: 27.03.2023).

⁴ Морозов: «Поезд Победы» — олицетворение великого подвига народа в годы ВОВ [Электронный ресурс]. <https://www.belta.by/society/view/morozov-poezd-pobedy-olitsetvorenienvelikogo-podviga-naroda-v-gody-vov-445579-2021/> (дата обращения: 28.03.2023).

Анонсирование и продвижение вопросов патриотизма, равно как и патриотического воспитания в русле союзной интеграции, — явление не новое. Социокультурный аспект через призму патриотики давно находился в поле зрения СГБР. Так, с целью формирования гражданской позиции и чувств патриотизма у молодежи Союзного государства с 2007 г. на регулярной основе проводятся военно-патриотические смены учащихся суворовских военных (Нахимовского военно-морского) и кадетских училищ Беларуси и России¹. Предполагается, что в 2023 г. специфика таких смен будет ориентирована на сохранение исторической памяти о событиях Великой Отечественной войны, историю возникновения и дальнейшую модификацию Союзного государства.

Социокультурная интеграция официальных Москвы и Минска характеризуется широким спектром взаимодействия в рассматриваемом ключе. Довольно насыщен и многоаспектен межгосударственный патриотический дискурс. Можно считать, что политические подвиги в сторону артикуляции патриотической плоскости и корректировки определенных смысловых акцентов во многом обусловлены ростом внешнеполитических вызовов. Международная турбулентность и обострение международного противоборства выступают ключевым катализатором интенсификации вопросов патриотического воспитания в союзной повестке. Данная позиция подтверждается заявлением заместителя руководителя Представительства Постоянного Комитета Союзного государства в Минске В. Г. Жевняком, отмечающим корреляцию между вызовами современного мира и воспитанием в духе патриотизма, необходимостью сохранения исторической памяти². В этом ключе наиболее важной представляется инициатива России и Беларуси по созданию Центра патриотического воспитания СГБР. Еще в декабре 2021 г. госсекретарь Союзного государства Д. Ф. Мезенцев после завершения форума проекта «Территория Победы» заявил о намерении создать такой Центр к концу 2025 г. с целью воспитания в молодом поколении нравственных идеалов, ориентированных на патриотизм³.

Современные вопросы, связанные с патриотикой, рассматриваются не только как драйвер консолидации общества, но и в ракурсе имиджевой составляющей при решении проблем внешнего характера. Так, Премьер-министр Республики Беларусь Р. А. Головченко во время пленарного заседания Форума регионов Беларуси и России в 2020 г. заострил внимание на использовании информационной среды в качестве одного из механизмов осуществления манипуляции массовым сознанием наряду с необходимостью противостояния данным тенденциям путем использования Союзного государства как гаранта для сохранения и продвижения традиционных морально-нравственных ценностей, патриотизма, сохранения исторического прошлого⁴. В 2021 г. во время заседания Комиссии Парламентского собрания Союза Беларуси и России по информационной политике заместитель ее руководителя, депутат Государственной Думы РФ В. И. Афонский в своем заявлении подтвердил

¹ На проведение военно-патриотической смены из бюджета СГ выделяют 36,5 млн российских рублей [Электронный ресурс]. <https://www.belta.by/society/view/na-provedenie-voenno-patrioticheskoy-smeny-iz-bjudzheta-sg-vydeljat-365-mln-rossijskih-rublej-552993-2023/> (дата обращения: 30.03.2023).

² Владимир Жевняк отметил значимость патриотического воспитания молодежи Союзного государства [Электронный ресурс]. <https://soyuz.by/novosti-soyuznogo-gosudarstva/vladimir-zhevnyak-otmetil-znachimost-patrioticheskogo-vospitaniya-molodezhi-soyuznogo-gosudarstva> (дата обращения: 30.03.2023).

³ Союзное государство планирует создать единый патриотический центр [Электронный ресурс]. <https://ria.ru/20211217/mezentsev-1764258680.html?ysclid=iftus35bw5671180809> (дата обращения: 30.03.2023).

⁴ Головченко: у Беларуси и России единая победа, общая историческая память и судьба [Электронный ресурс]. <https://soyuz.by/politika/golovchenko-u-belarusi-i-rossii-edinaya-pobeda-obshchaya-istoricheskaya-pamyat-i-sudba> (дата обращения: 2.04.2023).

данную тенденцию, акцентировав необходимость противостояния информационным угрозам, недопущения переписывания истории, консолидации усилий в решении общих для стран целей и задач, в том числе на площадке СГБР¹. Следовательно, Российская Федерация и Республика Беларусь позиционируют себя не только в качестве экономических, политических, геостратегических союзников, но и как страны, имеющие общие культурно-нравственные ценности, общий исторический путь и нацеленность на совместное будущее.

Обсуждение

Исследование вопросов патриотического воспитания населения в ракурсе деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации и Республики Беларусь позволяет охарактеризовать общую динамику развития ситуации в области формирования союзной патриотической повестки. Она детерминирована как продвижением самостоятельных, суверенных позиций и интересов официальных Москвы и Минска, так и консолидацией их усилий, в том числе в формате Союзного государства. В первом случае очевидна относительная автономность в выработке решений и реализации фактических действий, которые имеют несомненную отсылку к общим культурно-нравственным ценностям, историческому прошлому. Во втором случае присутствует тенденция к формированию единого подхода или, скорее, совпадающих, непротиворечивых подходов РФ и РБ в рамках интеграционного вектора союзного строительства, поддерживаемого и стимулируемого совместными решениями. Очевидно, что вопросы патриотического воспитания в различной степени и раньше находились в фокусе внимания властных структур РФ и РБ, однако современный политический дискурс в рамках Союзного государства демонстрирует актуализацию новой парадигмы и интеграционных механизмов формирования и укрепления союзной патриотической повестки и политики патриотического воспитания. Под влиянием комплекса внутри- и внешнеполитических условий происходит модификация различных инструментов в данной плоскости, используются новые рычаги и инструменты, достаточно адекватные логике выстраивания официальных курсов стран — участниц СГБР. Сходство подходов в рассматриваемой плоскости обнаруживается в позициях исполнительных органов государственной власти, которые генерируют свои решения, исходя из функционала, определяемого нормативными установлениями и трансформируемого в корреляции с изменениями внутренней и внешней среды.

Заключение

Обобщая, патриотизм в политической плоскости в современных реалиях можно расценивать как консолидирующую, движущую силу, способную мотивировать общество на совместное противостояние внешним и внутренним вызовам и угрозам. Вместе с тем его артикуляция нередко обусловлена конъюнктурными потребностями в легитимации политических решений. В качестве стержневых компонентов концепта все более декларируются «служение Отечеству», «ответственность за Отечество», деятельность на его благо и развитие страны, наряду с традиционной субстанциональной его трактовкой как «любви к Родине, Отечеству». Имплементация данного концепта в интеграционное нормативное и практическое поле требует первоначального устранения имеющихся коллизий в его понимании. Значительное сходство национальных подходов РФ и РБ в данной области позволяет надеяться на успешное решение такой

¹ Для Союзного государства главное — противостояние информационным угрозам [Электронный ресурс]. URL: <https://belrus.ru/info/dlya-soyuznogo-gosudarstva-glavnoe-protivostoyanie-informacionnym-ugrozam/> (дата обращения: 2.04.2023).

задачи и далее — на продвижение в институционализации политики патриотического воспитания на уровне Союзного государства. Весома в данном смысле роль органов государственной власти РФ и РБ в целом и органов исполнительной власти в частности, существенно влияющих на общую интеграционную повестку. Они выполняют во многом функции медиаторов в процессе сопряжения вопросов национального и союзного уровней, являясь при этом неотъемлемой частью союзных институций. Их предназначение и функционал определяют и значимый вклад в обеспечение и практическое осуществление намеченных высшим политическим руководством стран-участниц и согласованных ими ориентиров политики патриотического воспитания. Ввиду усложнения, плотности и насыщенности внутрисоюзных коммуникаций по мере «перелива» интеграции на новые сферы особую важность обретает межведомственная коммуникация. В целом, все же, на область патриотического воспитания пока скорее распространяются механизмы сотрудничества, но не интеграции.

В неблагоприятных внешних условиях органы исполнительной власти еще более задействованы в мобилизации различных ресурсов, включая патриотические. Необходимо наращивание усилий на этом направлении на площадке СГБР посредством масштабирования национальных подходов и модификации концепта «патриотизм» из внутривнутриполитического инструмента также в интеграционный, как средства символической идентификации на базе общих духовно-нравственных ценностей и заявляемых внешнеполитических ориентиров. Одновременно патриотизм можно рассматривать как ресурс и инструмент утилитарного свойства, поскольку его применение сопряжено с перспективами приращения антикризисного государственного и союзного потенциала через комплекс соответствующих мероприятий.

Литература

1. Аманацкий Ю. В., Алиев Я. Л. Возрождение патриотизма и актуальные проблемы патриотического воспитания в России. СПб., 2020.
2. Асеева Т. А. Проблема институциональной эффективности системы патриотического воспитания в регионах Сибирского федерального округа // Социально-политические исследования. 2022. № 2 (15). С. 59–75.
3. Бахлова О. В., Бахлов И. В. Политика идентичности в контексте нациестроительства и интеграционного взаимодействия (на примере Союзного государства Беларуси и России) // Регионология. 2020. Т. 28, № 4. С. 723–753.
4. Волков Ю. Г., Вагина В. О. Доминантные формы патриотических практик молодежи на Юге России (по материалам социологических опросов) // Социология. 2022. № 3. С. 109–115.
5. Голунов С. В. Патриотическое воспитание в постсоветских де-факто государствах: идентичности и практики // Известия Алтайского государственного университета. 2021. № 6. С. 62–66.
6. Гузынин Н. Г. Интерпретация патриотизма как понятия, идеи и ценности в мирные и военные периоды истории России // Конфликтология. 2022. Т. 17, № 2. С. 110–122.
7. Давлятова Е. В., Рудковский Э. И., Далимаева Е. О. Патриотическое сознание и информационная культура студенческой молодежи // Ученые записки УО ВГУ им. П. М. Машерова. 2022. Т. 35. С. 116–121.
8. Ешев М. А. Патриотизм в советской и постсоветской России // Власть. 2014. Т. 22, № 5. С. 85–88.
9. Завершинский К. Ф. «Патриотизм элит» как дискурсивное измерение символических структур национальной памяти // Власть и элиты. 2020. Т. 7, № 2. С. 77–96.
10. Звездкин Н. М. Роль института общественных организаций и движений в формировании патриотизма современной белорусской молодежи // Современная молодежь и общество. 2020. № 8. С. 25–30.
11. Иваненко В. С. Национальная идентичность молодежи как фактор государственной политики в современной России // Вопросы национальных и федеративных отношений. 2020. Т. 10, № 4 (61). С. 859–865.
12. Кишея И. Л., Астрейко А. В. Патриотизм и идентичность: особенности проявления социокультурной и гражданской идентичности у студенческой молодежи // Научные труды

- Республиканского института высшей школы. Исторические и психолого-педагогические науки. 2021. № 21–4. С. 155–163.
13. Кондраль Д. П., Кузьмин А. Г. Модернизация политической системы современной России: развитие консервативных и национал-патриотических проектов // Общество: политика, экономика, право. 2020. № 4 (81). С. 19–24.
 14. Кузнецов И. М. Вариативность дискурсов патриотизма в повседневном сознании россиян // Власть. 2016. Т. 24. № 7. С. 164–171.
 15. Леонова О. В., Волкова А. Е. Государственная политика РФ по формированию гражданственности и патриотизма в молодежной среде: социологический и политологический анализ // Среднерусский вестник общественных наук. 2021. Т. 16, № 1. С. 175–193.
 16. Лубский А. В. Патриотизм и гражданственность в российском обществе, или как преодолеть дефицит гражданственности в российском патриотизме // Гуманитарий Юга России. 2019. Т. 8, № 2. С. 47–66.
 17. Лустенков М. Е., Вологина Н. В. Система гражданско-патриотического воспитания в Белорусско-Российском университете и ее роль в укреплении дружбы братских народов // Вестник РГГУ. Серия «Евразийские исследования. История. Политология. Международные отношения». 2022. № 1. С. 58–66.
 18. Магадиев М. Ф. Государственная система патриотического воспитания современной российской молодежи // Вопросы политологии. 2021. Т. 11, № 4 (68). С. 1033–1041.
 19. Панов С. В., Пунчик В. Н. Патриотическое воспитание белорусской учащейся и студенческой молодежи: социально-педагогическое моделирование // Вышэйшая школа: навукова-метадычны і публіцыстычны часопіс. 2021. № 6 (146). С. 14–18.
 20. Разов П. В., Фарисов Ф. Ф. Социологический анализ процессов развития патриотизма в России // Власть. 2022. Т. 30, № 5. С. 151–155.
 21. Российско-белорусское сотрудничество: время стратегических решений: аналитический доклад / Ассоциация внешнеполитических решений имени А. А. Громыко, Институт Европы РАН. М., 2021.
 22. Санина А. Г. Патриотизм и патриотическое воспитание в современной России // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 44–53.
 23. Семененко И. С., Лапкин В. В., Бардин А. Л., Пантин В. И. Между государством и нацией: дилеммы политики идентичности на постсоветском пространстве // Полис. Политические исследования. 2017. № 5. С. 54–78.
 24. Тишков В. А. Национальная идея России. Москва, 2021.
 25. Трифонов Ю. Н. Формирование патриотизма: политико-идеологические смыслы и технологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер.: Социология. Политология. 2021. Т. 21, № 2. С. 211–217.
 26. Узгорок М. Ю. Основные факторы формирования гражданственности и патриотизма в современных условиях // Труды БГТУ. Серия 6: История, философия. 2021. № 2 (251). С. 90–93.
 27. Упоров И. В. Патриотизм и российская идентичность в контексте исторической динамики отношений власти и общества // Историко-педагогические чтения. 2022. № 26. С. 193–201.
 28. Халий И. А. Патриотизм в России: опыт типологизации // Социологические исследования. 2017. № 2. С. 45–52.
 29. Шатилов А. Б. Формирование концепта государственного патриотизма в России в период 2000–2017 гг.: основные этапы и базовые идеологемы // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2017. Т. 7, № 3. С. 18–23.
 30. Etzioni A. Political Unification Revisited: On Building Supranational Communities. Lanham, 2001.
 31. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt, 1984.
 32. March J., Olsen J. The new institutionalism: Organizational factors in political life // The American political science review. 1984. Vol. 78. N 3. P. 734–749.

Об авторах:

Бахлова Ольга Владимировна, профессор кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; olga.bahlova@mail.ru

Бахлов Игорь Владимирович, заведующий кафедрой всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного уни-

верситета им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация), доктор политических наук, доцент; bakhlov@mail.ru

Уляшкина Екатерина Григорьевна, аналитик кафедры всеобщей истории, политологии и регионоведения Национального исследовательского Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева (Саранск, Российская Федерация) (Саранск, Российская Федерация), кандидат политических наук; katerina.ulyashkina@yandex.ru

References

1. Amanatsky Yu. V., Aliev Ya. L. The revival of patriotism and actual problems of patriotic education in Russia. St. Petersburg, 2020 (in Rus).
2. Aseeva T.A. The issue of institutional effectiveness of the system of patriotic education in the regions of the Siberian Federal District // Social and Political Researches. 2022. N 2 (15). P. 59–75 (in Rus).
3. Bakhlova O.V., Bakhlov I.V. Identity politics in the context of nation building and integration-oriented interaction (the case of the Union State of Belarus and Russia) // Russian Journal of Regional Studies. 2020. Vol. 28. N 4. P. 723–753 (in Rus).
4. Volkov Yu. G., Vagina V. O. Dominant forms of patriotic practices of youth in the South of Russia (based on the materials of sociological surveys) // Sociology. 2022. N 3. P. 109–115 (in Rus).
5. Golunov S.V. Patriotic Education in Post-Soviet de facto States: Identities and Practices // Izvestiya of Altai State University. 2021. N 6. P. 62–66 (in Rus).
6. Guzynin N.G. Patriotism as a concept, idea and value in peaceful and military periods in the history of Russia // Konfliktologia. 2022. Vol. 17. N 2. P. 110–122 (in Rus).
7. Davliatova E. V., Rudkovski E. I., Dalimaeva E. O. Student patriotic consciousness and information culture // Scientific notes of the P.M. Masherov UO VSU. 2022. Vol. 35. P. 116–121 (in Rus).
8. Yeshev M.A. Patriotism in Soviet and post-Soviet Russia // The Authority. 2014. Vol. 22. N 5. P. 85–88 (in Rus).
9. Zavershinskiy K. F. «Elite patriotism» as a discursive dimension of the symbolic structures of the national memory // Power and Elites. 2020. Vol. 7. N 2. P. 77–96 (in Rus).
10. Zvezdkin N.M. Role of the Institute of public organizations and movements in patriotic upbringing of modern Belarusian youth // Modern Youth and Society. 2020. N 8. P. 25–30 (in Rus).
11. Ivanenko V.S. National identity of youth as a factor of state policy in Modern Russia // Issues of National and Federative Relations. 2020. Vol. 10. N 4 (61). P. 859–865 (in Rus).
12. Kisheya I.L., Astreiko A.V. Patriotism and identity: features of the manifestation of socio-cultural and civil identity in student youth // Scientific works of the Republican Institute of Higher Education. Historical and psychological and pedagogical sciences. 2021. N 21–4. P. 155–163 (in Rus).
13. Kondral D. P., Kuzmin A. G. Modernization of modern Russia political system: the development of conservative and national-patriotic projects // Society: Politics, Economics, Law. 2020. N 4 (81). P. 19–24 (in Rus).
14. Kuznetsov I.M. Variability of patriotism discourses in everyday consciousness of Russians // The Authority. 2016. Vol. 24. N 7. P. 164–171 (in Rus).
15. Leonova O.V., Volkova A.E. State policy of the Russian Federation on the formation of citizenship and patriotism in the youth environment: sociological and political analysis // Central Russian Journal of Social Sciences. 2021. Vol. 16. N 1. P. 175–193 (in Rus).
16. Lubsky A.V. Patriotism and citizenship in Russian society, or how to overcome the deficiency of citizenship in Russian patriotism // Humanities of the South of Russia. 2019. Vol. 8. N 2. P. 47–66 (in Rus).
17. Lustenkov M.E., Vologina N.V. System of civic-patriotic education at the Belarusian-Russian University and its role in strengthening the friendship of fraternal Nations. RSUH/RGGU Bulletin. Eurasian Studies. History. Political science. International relations Series. 2022. N 1. P. 58–66 (in Rus).
18. Magadeev M. F. State system of youth patriotic upbringing in modern Russia // Political Science Issues. 2021. Vol. 11. N 4 (68). P. 1033–1041 (in Rus).
19. Panov S.V., Punchik V.N. Patriotic education of Belarusian students and students: socio-pedagogical modeling // Higher School: scientific-methodical and journalistic journal. 2021. N 6 (146). P. 14–18 (in Rus).
20. Razov P.V., Farisov F.F. Sociological analysis of the processes of the development of patriotism in Russia // The Authority. 2022. Vol. 30. N 5. P. 151–155 (in Rus).

21. Cooperation between Russia and Belarus: the time of strategic decisions: analytical report / A. A. Gromyko Association of Foreign Policy Decisions, Institute of Europe, Russian Academy of Sciences. M., 2021 (in Rus).
22. Sanina A. G. Patriotism of Russians and patriotic education in modern Russia // Sociological research. 2016. N 5 (385). P. 44–53 (in Rus).
23. Semenenko I. S., Lapkin V. V., Bardin A. L., Pantin V. I. Between the state and the nation: dilemmas of identity policy in the post-Soviet societies // Polis. Political studies. 2017. N 5. P. 54–78 (in Rus).
24. Tishkov V. A. The National Idea of Russia. M., 2021 (in Rus).
25. Trifonov Ju. V. Formation of patriotism: political and ideological meanings and technologies // Izvestia of Saratov University. New series. Ser.: Sociology. Politology. 2021. Vol. 21. N 2. P. 211–217 (in Rus).
26. Uzgorok M. Yu. The main factors of the formation of citizenship and patriotism in modern conditions // Proceedings of BSTU. Issue 6: History, Philosophy. 2021. N 2 (251). P. 90–93 (in Rus).
27. Uporov I. V. Patriotism and Russian identity in the context of the historical dynamics relations of authority and society // Historical and pedagogical readings. 2022. N 26. P. 193–201 (in Rus).
28. Khaliy I. A. Patriotism in the Russia: typology // Sociological research. 2017. N 2. P. 45–52 (in Rus).
29. Shatilov A. B. Formation of the concept of state patriotism in Russia for the period 2000–2017: main stages and basic ideology components // Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2017. Vol. 7. N 3. P. 18–23 (in Rus).
30. Etzioni A. Political Unification Revisited: On Building Supernational Communities. Lanham, 2001.
31. Luhmann N. Soziale Systeme. Grundriß einer allgemeinen Theorie. Frankfurt, 1984.
32. March J., Olsen J. The new institutionalism: Organizational factors in political life // The American political science review. 1984. Vol. 78. N 3. P. 734–749.

About the authors:

Olga V. Bakhlova, Professor of the Department of General history, political science and area studies of National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Associate Professor; olga.bahlova@mail.ru

Igor V. Bakhlov, Head of the Department of General history, political science and area studies of National Research Ogarev Mordovia State University (Saransk, Russian Federation), Doctor of Science (Political Science), Associate Professor; bahlov@mail.ru

Ekaterina G. Ulyashkina, Analyst of the Department of General History, Political Science and Regional Studies of the N. P. Ogarev National Research Mordovian State University (Saransk, Russian Federation) (Saransk, Russian Federation), Candidate of Sciences (Political Science); katerina.ulyashkina@yandex.ru

Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности

Плотников В. А.^{1, *}, Погодина В. В.¹, Смирнов А. А.²

¹Санкт-Петербургский государственный экономический университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *plotnikov_2000@mail.ru

²Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Современные условия социально-экономического развития России характеризуются чередой макроэкономических шоков, породивших турбулентность и неустойчивость национальной экономики. Следствием этого является формирование новых угроз и ослабление экономической безопасности страны. Изменившаяся ситуация требует новых мер государственной политики по обеспечению устойчивости национальной экономики и достижению национальной экономической безопасности. Авторами постулируется идея, что действенной мерой такого рода политики является стимулирование опережающего развития промышленности. **Цель исследования** состоит в проведении анализа влияния санкций на национальную экономическую безопасность и обосновании рекомендаций по совершенствованию государственного регулирования промышленного развития в современных и перспективных условиях. **Методы исследования:** сравнительный, ретроспективный, структурный и экономико-статистический анализ, ситуационное моделирование и институциональное проектирование. В статье изучаются изменения в промышленности России с учетом приоритета обеспечения национальной экономической безопасности, в результате чего выявлена вялая структурная и количественная ее динамика. В этой связи показана необходимость активизации государственной промышленной политики, придания ей активного характера. Рекомендовано усиление плановых регуляторов в экономике и создание плановых механизмов управления развитием российской промышленности.

Ключевые слова: национальная экономическая безопасность, макроэкономический шок, государственная экономическая политика, государственное регулирование экономики, промышленная политика, национальная промышленность

Для цитирования: Плотников В. А., Погодина В. В., Смирнов А. А. Национальная экономическая безопасность и государственная политика развития промышленности // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 35–44.

National Economic Security and State Policy of Industry Development

Vladimir A. Plotnikov^{1, *}, Vera V. Pogodina¹, Alexander A. Smirnov²

¹St. Petersburg State University of Economics, St. Petersburg, Russian Federation; *plotnikov_2000@mail.ru

²National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P. F. Lesgaft, St. Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The current conditions of the socio-economic development of Russia are characterized by a series of macroeconomic shocks that have generated turbulence and instability of the national economy. The consequence of this is the formation of new threats and the weakening of the economic security of the country. The changed situation requires new state policy measures to ensure the sustainability of the national economy and achieve national economic security. The authors postulate the idea that an effective measure of this kind of policy is to stimulate the rapid development of industry. The purpose of the study is to analyze the

impact of sanctions on national economic security and substantiate recommendations for improving state regulation of industrial development in modern and future conditions. Research methods: comparative, retrospective, structural and economic-statistical analysis, situational modeling and institutional design. The article examines changes in Russian industry, considering the priority of ensuring national economic security, as a result of which its sluggish structural and quantitative dynamics are revealed. In this regard, the need to intensify the state industrial policy and give it an active character is shown. It is recommended to strengthen planned regulators in the economy and create planned mechanisms for managing the development of Russian industry.

Keywords: national economic security, macroeconomic shock, state economic policy, state regulation of the economy, industrial policy, national industry

For citing: Plotnikov V. A., Pogodina V. V., Smirnov A. A. National economic security and state policy of industry development // Managerial consulting. 2023. N 9. P. 35–44.

Введение

Развитие российской экономики в последние годы происходит под мощным влиянием ряда новых угроз, которые не в полной мере были отражены даже в стратегических документах, ориентированных на обеспечение национальной безопасности и ее ключевых составляющих (экономической, энергетической, информационной, продовольственной и иных видов безопасности). Наиболее существенные из них — пандемия Covid-19, продлившаяся почти два года (2020–2021 гг.), а также беспрецедентные санкции, введенные против России «коллективным Западом» после начала специальной военной операции по денацификации и демилитаризации Украины (2022–2023 гг.). Комплексное влияние этих событий дает основание утверждать, что они вызвали макроэкономические шоки [18].

Следствием этих шоков явилось ослабление национальной экономической безопасности [1; 6; 15; 22]. Хотя негативное влияние на объем российского ВВП от рассматриваемых событий оказалось сравнительно небольшим (табл. 1), тем не менее, эти шоки породили структурные изменения в национальной экономике, степень благоприятности которых еще предстоит оценить, а также вызвали общую неустойчивость развития, неопределенность в ожиданиях экономических агентов, что связано, по мнению одного из соавторов данной статьи, с переходом к достаточно продолжительному периоду «постнормальности» [19].

Таблица 1

Индексы физического объема ВВП РФ, % к предыдущему году
Table 1. Indices of the GDP's physical volume of the Russian Federation,
% to the previous year

| 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 | 2020 | 2021 | 2022 |
|-------|-------|-------|------|-------|-------|-------|-------|------|-------|------|
| 104,0 | 101,8 | 100,7 | 98,0 | 100,2 | 101,8 | 102,8 | 102,2 | 97,3 | 105,6 | 97,9 |

Источник: Росстат.

Можно ожидать, что вероятность развития негативных процессов в экономике России в среднесрочной перспективе не только не снизится, но, напротив, будет возрастать. Это неизбежно приведет к ослаблению национальной экономической безопасности и потребует новых, нестандартных мер по ее восстановлению. Одним из направлений реализации подобных мер, по мнению авторов, является опережающее развитие национальной промышленности, нормальное функционирование которой является залогом устойчивости национальной эко-

номики в целом и обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

Материалы и методы

Для оценки процессов, наблюдаемых в предметной области авторского исследования, мы использовали данные официальной статистики, а также материалы, опубликованные в научной и деловой литературе, официальные документы и информационные сообщения органов власти, различные аналитические и экспертные материалы.

Сравнительный анализ количественных данных показывает, что санкционный шок 2022 г. российская экономика пережила легче, чем пандемический шок 2020 г., по крайней мере, если судить по динамике ВВП РФ (табл. 2, где приведены расчетные индексы по отношению к последнему «дошоковому» 2019 г.). Обращает на себя внимание то обстоятельство, что падение экономики в 2020 г. было более затяжным, в 2022 г. же, несмотря на постепенно усиливавшиеся санкции, уже начиная с четвертого квартала началось восстановление экономики. Это дает основание ряду авторов утверждать, что экономика страны в целом уже преодолела последствия введенных против нее санкций [12, 28].

В этой связи следует обратить внимание на два обстоятельства. Во-первых, введение очередного «пакета» санкций, как правило, заблаговременно анонсировалось, что давало возможность подготовиться к ним, в том числе за счет интенсификации трансграничных сделок до фактического введения очередных ограничительных мер. Во-вторых, эта заблаговременность также давала возможность заранее проработать способы обхода санкций. В результате, существенных структурных изменений в экономике России пока не произошло [20].

Можно возразить, что, по имеющимся в открытых источниках данным, существенно вырос за последний год выпуск оборонных предприятий. И это привело к структурным изменениям в экономике, в целом, и в промышленности, в частности. Например, на заседании коллегии Минпромторга России 31 мая 2023 г. премьер-министра страны заявил: «Особое направление, которое сейчас работает в режиме максимальной загрузки, это наш оборонно-промышленный комплекс. Его предприятия многократно увеличили выпуск продукции, нужной для проведения специальной военной операции» (цит. по: https://www.1tv.ru/news/2023-05-31/454193-uspehi_oboronno_promyshlennogo_kompleksa_stali_odnoy_iz_tem_zasedaniya_kollegii_minpromtorga). Имеются и другие аналогичные оценки, касающиеся как отдельных предприятий и видов продукции, так и оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в целом. Фигурируют оценки роста выпуска от десятков процентов, до нескольких раз.

Но насколько существенны эти изменения для экономики России в целом? С позиций качественного анализа следует отметить высокую значимость оборонных

Таблица 2

Квартальные индексы физического объема ВВП РФ, % к соответствующему кварталу 2019 г.

Table 2. Quarterly indices of the GDP's physical volume of the Russian Federation,
% to the corresponding quarter of 2019

| 2020 | | | | 2021 | | | | 2022 | | | | 2023 |
|-------|------|------|------|-------|-------|-------|-------|-------|------|------|-------|-------|
| I | II | III | IV | I | II | III | IV | I | II | III | IV | I |
| 101,5 | 92,7 | 96,7 | 98,7 | 102,1 | 103,1 | 101,5 | 104,4 | 105,2 | 98,5 | 97,9 | 101,6 | 103,3 |

Источник: рассчитано Плотниковым В. А. по данным Росстата.

предприятий для российской экономики [13; 16; 24], особенно с точки зрения поддержки технологического и инновационного развития. Что касается количественного анализа, то данных для его проведения, в силу понятной закрытости экономических показателей, характеризующих сферу национальной обороны и безопасности, недостаточно. Тем не менее, можно давать косвенные оценки. Согласно им [3], доля оборонно-промышленного комплекса (ОПК) в ВВП РФ в 2020 г., например, составляла 4,3%.

Следует остановиться на методике косвенных количественных оценок, использованной для расчета этого показателя. Для этого процитируем указанную публикацию: «Государственные заказы предприятиям ОПК на создание военной продукции относятся к инвестициям. Информация об объемах данных заказов является государственной тайной. В то же время расходы российского бюджета на оборону — это открытая информация и используя ее, а также относительный показатель доли затрат на вооружение в общем объеме военного бюджета можно определить динамику государственных заказов (инвестиций) предприятиям ОПК... [Итоговые количественные оценки получены] в результате проведенного анализа инвестиций... экспорта вооружения и военной техники, а также объемов производства продукции гражданского назначения» [Там же].

Очевидно, что отмеченный выше рост выпуска оборонных предприятий, во-первых, не затронул производство продукции на экспорт; во-вторых, коснулся не всех предприятий, а лишь тех, которые производят наиболее востребованные наименования военной продукции; в-третьих, не касается производства продукции гражданского назначения, напротив, это производство с большой вероятностью сократилось вплоть до полного прекращения в отдельных случаях, в силу нехватки у предприятий ресурсов для его осуществления на фоне роста военного заказа. В итоге, с учетом вклада ОПК в ВВП РФ, наращивание выпуска военной продукции в 2022–2023 гг. оказало положительное влияние на национальное производство на уровне десятых долей процента, что несущественно.

По нашему мнению, проблемы неустойчивости российской экономики, проявившиеся в 2022 г., в результате «санкционного удара», могут быть решены лишь при условии повышения самодостаточности национального производства, а также роста зависимости компаний и населения других стран от потребления российской продукции, что явится сдерживающим фактором для новых санкций или для систематического и последовательного применения уже введенных ограничений, так как будет возрастать степень трансграничной связности экономики России и других стран [7]. Это требует стимулирования опережающего роста и технологического развития промышленного производства.

Отметим, что необходимость поддержки именно такого вектора развития обсуждается уже давно [2; 4; 8; 14]. В подтверждение этого вывода приведем цитату из отчета ЮНИДО «Всеобщее устойчивое промышленное развитие» за 2014 г. [10]: «Реальный вопрос индустриализации состоит не в том, должна ли она быть приоритетным направлением развития. Суть состоит в том, какая именно индустриализация является приоритетом... Мы уверены, что ISID [английская аббревиатура для термина «всеобщее устойчивое промышленное развитие»] обеспечит прочное основание для глобальной экономики, коллективного благосостояния для каждого общества и защиты окружающей среды. Это следующая промышленная революция».

К сожалению, достигнутые в этой сфере результаты пока еще не столь существенны, как хотелось бы. Как показывают данные, приведенные в табл. 3, на протяжении более чем 10 последних лет доля обрабатывающей промышленности в экономике России существенно не изменяется, среднее значение этого показателя за 2011–2022 гг. составляет 13,8%, а коэффициент корреляции между до-

бавленной стоимостью обрабатывающей промышленности и валовой добавленной стоимостью за рассматриваемый период составляет 0,995.

Таблица 3

Доля обрабатывающей промышленности в валовой добавленной стоимости экономики России, %

Table 3. The share of the manufacturing industry in the Gross Value Added of the Russian economy, %

| 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 | 2017 | 2018 | 2019 | 2020 | 2021 | 2022 |
|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 13,4 | 13,3 | 12,7 | 13,1 | 13,8 | 13,0 | 13,7 | 14,4 | 14,5 | 14,9 | 14,3 | 14,2 |

Источник: Росстат.

Между тем, как показывает мировой и отечественный опыт, наличие развитых обрабатывающих производств в национальной экономике способствует ее устойчивости и защищает от вызовов и угроз экономической безопасности. Кроме того, опережающее развитие обрабатывающей промышленности лежит в русле развития процессов технологической трансформации экономики, связанной с современной технологической революцией, наиболее зримым проявлением которой является широкомасштабная цифровизация экономики [5; 9].

Результаты и обсуждение

С учетом изложенных выше положений, становится очевидной необходимость проведения более активной государственной промышленной политики. Развитие отечественной обрабатывающей промышленности в условиях продолжающейся смены «экономических полюсов» в мире, когда технологическая независимость становится основой устойчивости развития страны, приобретает важное значение не только с позиций сугубо хозяйственных, но и с позиций достижения экономической безопасности страны.

Как показывает опыт рыночного реформирования в России и других странах мира, а также развития экономики с опорой на либеральные экономические концепции, целевые пропорции в экономике автоматически сформировать невозможно. Для этого следует проводить специальную экономическую (промышленную, структурную и др.) политику, тесно связанную с четко сформулированными национальными экономическими интересами и направленную на их достижение. И эта политика должна в большей мере оперировать не косвенными, а прямыми инструментами воздействия на отечественную промышленность.

Согласно Положению о Министерстве промышленности и торговли Российской Федерации (утв. Постановлением Правительства Российской Федерации от 5 июня 2008 г. № 438), указанное министерство является уполномоченным органом Российской Федерации в сфере промышленной политики, при этом оно наделено следующими основными функциями: выработка государственной политики и нормативно-правовое регулирование в сфере промышленности; оказание государственных услуг, управление государственным имуществом в промышленности; поддержка экспорта отечественной промышленной продукции. Как следует из этого перечня — задача министерства состоит в реализации «пассивной» политики [21], суть которой состоит в том, чтобы поддерживать, стимулировать и т. д. промышленный бизнес.

Между тем, новые условия и амбициозные задачи опережающего промышленного развития, связанные с обеспечением технологического суверенитета Российской Федерации [11; 17; 29], требуют более активного государственного вмешательства в хозяйственные процессы, сегодня необходимо не только регулировать

их, но и управлять ими. В последнее время появилось довольно много публикаций [23; 25; 26; 27], в которых ставится вопрос воссоздания в том или ином виде централизованного планового механизма развития экономики и промышленности, аналогичного действовавшей в советский период развития нашей страны связи «Госплан — Госснаб — Госкомцен».

Мы понимаем и отчасти разделяем опасения, связанные с тем, что возврат к директивным плановым регуляторам и подавление рыночной инициативы могут негативно сказаться на темпах экономического развития страны, вместо роста привести к деградации промышленности. В то же время в складывающейся макроэкономической ситуации уповать исключительно на рыночные регуляторы по крайней мере наивно. То есть речь идет о сохранении в России модели смешанной экономики, но со смещением акцента, особенно в регулировании и управлении промышленностью, в направлении большей плановости.

При этом вполне может применяться модернизированный подход, имеющий истоки в марксистской концепции структурного деления народного хозяйства, в рамках которого в промышленности выделяются производства группы А (производство средств производства) и группы Б (производство предметов потребления). В советский период развития, в рамках централизованно разрабатываемых планов, приоритет отдавался производствам группы А. Сегодня, вероятно, этот подход следует применять лишь на концептуальном уровне, разделяя промышленные производства не по типу выпускаемой продукции, но по уровню ее критичности для устойчивого развития экономики страны.

Те производства, которые, во-первых, являются стратегически значимыми (критичными) и, во-вторых, требуют государственной поддержки, так как рыночные механизмы в них неэффективны, будут выделены в группу I (для различения известного и предлагаемого подходов мы вместо букв используем римские цифры). Все остальные производства следует отнести к группе II, так как усиления планового начала в управлении ими и регулировании их развития не требуется.

Например, черная металлургия в рамках традиционного подхода относилась к производствам группы А, но в предлагаемом нами подходе ее следует отнести к группе II, аналогично можно поступить в отношении нефтяной промышленности и др. Кроме того, одной из целей государственной промышленной политики должно стать «выталкивание» конкретных производств из группы I в группу II с тем, чтобы снижать административную и финансовую нагрузку на государство, эффективно использовать возможности, предоставляемые рыночным саморегулированием для промышленного развития и функционирования промышленных предприятий.

Ключевую роль в решении этой задачи, по нашему мнению, должны играть существующие и создаваемые институты развития, такие как Фабрика проектного финансирования ВЭБ.РФ, Фонд развития промышленности и др. Кроме того, потребуется перестройка системы органов (на федеральном, региональном и муниципальном уровнях), осуществляющих промышленную политику. В новых условиях они должны получить новые функции, а на их руководителей и сотрудников возложена дополнительная ответственность за получаемые результаты промышленного развития.

Заключение

В современных условиях наблюдается формирование и развитие новых угроз экономической безопасности, что приводит к ослаблению экономической безопасности России. Эти угрозы, преимущественно, связаны с массированными санкциями «коллективного Запада», которые постоянно усиливаются. Задачи обеспечения национальной экономической безопасности, в этой связи, приобретают особую

актуальность. В частности, требуется разработка новых подходов и мер государственной политики, ориентированных на обеспечение устойчивости национальной экономики.

Одним из перспективных направлений такой политики является модернизация государственного регулирования промышленности, ориентированная на стимулирование опережающего развития промышленного производства в стране (прежде всего, тех его секторов, которые относятся к обрабатывающей промышленности). Анализ показывает, что промышленность России в последние годы характеризуется вялой структурной и количественной динамикой. Это является дополнительной угрозой для экономической безопасности страны.

Необходима активизация государственной промышленной политики, придание ей активного характера за счет усиления плановых механизмов управления развитием российской промышленности. Для этого следует более полно использовать потенциал государственных институтов развития, а также произвести структуризацию и приоритизацию видов экономической деятельности, относимых к промышленности, с позиций их вклада в обеспечение национальной экономической безопасности.

Литература

1. *Авдийский В. И.* Современные подходы подготовки кадров как элемент обеспечения национальной безопасности в условиях политических и экономических санкций // Вестник евразийской науки. 2023. Т. 15. № 1 [Электронный ресурс]. URL: <https://esj.today/PDF/77ECVN123.pdf> (дата обращения: 14.03.2023).
2. *Бабич Т. Н., Вертакова Ю. В., Осипова И. В.* Обоснование механизма осуществления технического перевооружения на промышленных предприятиях при реализации направлений государственной экономической политики // Известия Юго-Западного государственного университета. Сер.: Экономика. Социология. Менеджмент. 2017. Т. 7. № 2 (23). С. 24–34.
3. *Батьковский А. М., Батьковский М. А., Кравчук П. В., Хрусталева Е. Ю.* Анализ роли оборонно-промышленного комплекса в экономике России // Экономика и бизнес: теория и практика. 2022. № 5–1. С. 85–88.
4. *Бодрунов С. Д.* К вопросу о реиндустриализации российской экономики // Экономическое возрождение России. 2013. № 4 (38). С. 4–26.
5. *Боркова Е. А., Борискина Е. В., Глазкова А. О.* Уровень цифровизации экономики стран Европейского Союза и Российской Федерации // Вопросы инновационной экономики. 2019. Т. 9. № 3. С. 709–720.
6. *Булгакова М. А.* О метаморфозах национальной экономической безопасности на современном этапе развития России и мирового сообщества // Проблемы экономики и юридической практики. 2023. Т. 19. № 2. С. 222–225.
7. *Василатий О. В.* Устойчивость экономики — как основа устойчивого развития промышленности // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. № 45 (1). С. 61–66.
8. *Вертакова Ю. В., Плотникова Н. А.* Условия развития рынков будущего: точки роста для промышленности // Экономика и управление. 2018. № 4 (150). С. 27–37.
9. *Воронько М. С.* Генезис цифровизации и цифровой экономики в России // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 3 (135). С. 164–168.
10. *Всеобщее устойчивое промышленное развитие / Организация Объединенных Наций по промышленному развитию.* 2014. 16 с.
11. *Горин Е. А., Имзалиева М. Р.* Современная промышленная политика: технологический суверенитет // Бюллетень науки и практики. 2023. Т. 9. № 1. С. 238–245.
12. *Гришков В. Ф.* Воздействие политико-экономической турбулентности на экономику региона (на материалах Ленинградской области) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 4 (136). С. 88–95.
13. *Дородных Е. Е., Курбанов А. Х.* Трансформация управления производством на предприятиях оборонно-промышленного комплекса в условиях цифровизации экономики // Проблемы экономики и управления нефтегазовым комплексом. 2019. № 6 (174). С. 57–61.

14. Дробот Е. В., Макаров И. Н., Колесников В. В. Современная промышленная политика: особенности диверсификации промышленного производства на разных стадиях экономического развития // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 3 (49). С. 5–8.
15. Журавлев Д. М., Чадаев В. К. Стратегирование национальной и экономической безопасности // Управленческое консультирование. 2023. № 4 (172). С. 16–29.
16. Князьнеделин Р. А. Специфика оценки эффективности в оборонно-промышленном комплексе // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2020. № 2 (44). С. 14–18.
17. Пешкова Г. Ю., Бондарь Е. Г. Технологический суверенитет как стратегический приоритет развития российской экономики // Конкурентоспособность в глобальном мире: экономика, наука, технологии. 2023. № 1. С. 197–202.
18. Плотников А. В. Моделирование форм проявления кризиса в национальной экономике под воздействием неэкономического шока (на примере кризисов в России 2020 и 2022 годов) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 5–2 (137). С. 194–199.
19. Плотников В. А. Перспективы экономического развития в условиях постнормальности // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2022. № 6 (138). С. 15–21.
20. Плотников В. А. Структурные трансформации российской экономики под воздействием шоков и национальная экономическая безопасность // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Сер.: Экономика и управление. 2023. № 1. С. 15–25.
21. Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Устойчивость развития российской промышленности в условиях макроэкономического шока и новая промышленная политика // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 10. С. 1037–1050.
22. Погодина В. В., Смирнов А. А. Экономическая безопасность в условиях турбулентности: противодействие шокам и мобилизационная экономика // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Сер.: Экономика и право. 2022. № 12–2. С. 82–85.
23. Рогатин С. И. Направление совершенствования регулирования экономических отношений в сфере Государственного оборонного заказа // Управленческое консультирование. 2022. № 7. С. 128–136.
24. Рогатин С. И. Оборонно-промышленный комплекс и потенциал его влияния на инновационное развитие экономики // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2021. № 4 (50). С. 5–9.
25. Смешко О. Г., Плотников В. А., Вертакова Ю. В. Перспективы российской экономики: новые вызовы экономической безопасности и перестройка государственного управления // Экономика и управление. 2022. Т. 28. № 6. С. 524–537.
26. Сухарев О. С. О необходимости Госплана — новых аналитических и организационных подходов для развития российской экономики // Инвестиции в России. 2022. № 1 (324). С. 3–7.
27. Хлутков А. Д., Шамахов В. А., Межевич Н. М. Воспоминания о будущем: традиционные российские хозяйственные практики в новых внешнеполитических условиях. Статья третья. Госплан // Управленческое консультирование. 2022. № 6 (162). С. 10–21.
28. Цехомский Н. В. Инвестиционная поддержка промышленного развития в условиях санкций // Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии. 2022. № 4 (54). С. 5–9.
29. Шкодинский С. В., Кушнир А. М., Продченко И. А. Влияние санкций на технологический суверенитет России // Проблемы рыночной экономики. 2022. № 2. С. 75–96.

Об авторах:

Плотников Владимир Александрович, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры общей экономической теории и истории экономической мысли, доктор экономических наук, профессор; plotnikov_2000@mail.ru

Погодина Вера Владимировна, Санкт-Петербургский государственный экономический университет (Санкт-Петербург, Российская Федерация), профессор кафедры экономики и управления предприятиями и производственными комплексами, доктор экономических наук, профессор; pogodina.vera@yandex.ru

Смирнов Александр Александрович, Национальный государственный университет физической культуры, спорта и здоровья имени П. Ф. Лесгафта (Санкт-Петербург, Российская

References

1. Avdiyskiy V.I. Modern approaches to personnel training as an element of ensuring national security in the context of political and economic sanctions // Bulletin of the Eurasian Science. 2023. Vol. 15. N 1 [Electronic source]. URL: <https://esj.today/PDF/77ECVN123.pdf> (accessed: 14.03.2023) (in Rus).
2. Babich T.N., Vertakova Yu.V., Osipova I.V. Substantiation of the mechanism for the implementation of technical re-equipment at industrial enterprises in the implementation of state economic policy directions // Izvestiya of the South-Western State University. Ser.: Economy. Sociology. Management. 2017. Vol. 7. N 2 (23). P. 24–34 (in Rus).
3. Batkovsky A.M., Batkovsky M.A., Kravchuk P.V., Khrustalev E.Yu. Analysis of the role of the military-industrial complex in the Russian economy // Economics and business: theory and practice. 2022. N 5–1. P. 85–88 (in Rus).
4. Bodrunov S.D. On the issue of reindustrialization of the Russian economy // Economic revival of Russia. 2013. N 4 (38). P. 4–26 (in Rus).
5. Borkova E.A., Boriskina E.V., Glazkova A.O. The level of digitalization of the economy of the countries of the European Union and the Russian Federation // Issues of innovative economics. 2019. Vol. 9. N 3. P. 709–720 (in Rus).
6. Bulgakova M.A. On the metamorphoses of national economic security at the present stage of development of Russia and the world community // Problems of Economics and Legal Practice. 2023. Vol. 19. N 2. P. 222–225 (in Rus).
7. Vasilatiy O.V. Sustainability of the economy — as a basis for sustainable development of industry // Natural-humanitarian research [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]. 2023. N 45 (1). P. 61–66 (in Rus).
8. Vertakova Yu.V., Plotnikova N.A. Conditions for the development of markets of the future: growth points for industry // Economics and Management. 2018. N 4 (150). P. 27–37 (in Rus).
9. Voronko M. S. Genesis of digitalization and digital economy in Russia // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. N 3 (135). P. 164–168 (in Rus).
10. Universal sustainable industrial development / United Nations Industrial Development Organization. 2014. 16 p (in Rus).
11. Gorin E.A., Imzalieva M.R. Modern Industrial Policy: Technological Sovereignty // Bulletin of Science and Practice. 2023. Vol. 9. N 1. P. 238–245 (in Rus).
12. Grishkov V.F. The impact of political and economic turbulence on the region's economy (on the materials of the Leningrad region) // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. N 4 (136). P. 88–95 (in Rus).
13. Dorodnykh E. E., Kurbanov A.Kh. Transformation of production management at enterprises of the military-industrial complex in the conditions of digitalization of the economy // Problems of economics and management of the oil and gas complex. 2019. N 6 (174). P. 57–61 (in Rus).
14. Drobot E.V., Makarov I.N., Kolesnikov V.V. Modern industrial policy: features of diversification of industrial production at different stages of economic development // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2021. N 3 (49). P. 5–8 (in Rus).
15. Zhuravlev D.M., Chaadaev V.K. Strategizing national and economic security // Administrative consulting. 2023. N 4 (172). P. 16–29 (in Rus).
16. Knyaznedelin R. A. Specifics of efficiency assessment in the military-industrial complex // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2020. N 2 (44). P. 14–18 (in Rus).
17. Peshkova G.Yu., Bondar E. G. Technological sovereignty as a strategic priority for the development of the Russian economy // Competitiveness in the global world: economics, science, technology. 2023. N 1. P. 197–202 (in Rus).
18. Plotnikov A.V. Modeling forms of manifestation of the crisis in the national economy under the influence of non-economic shock (on the example of crises in Russia in 2020 and 2022) // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. N 5–2 (137). P. 194–199 (in Rus).
19. Plotnikov V.A. Prospects for economic development in post-normal conditions // News of the St. Petersburg State University of Economics. 2022. N 6 (138). P. 15–21 (in Rus).
20. Plotnikov V.A. Structural transformations of the Russian economy under the influence of shocks

- and national economic security // Vector of Science of Togliatti State University. Ser.: Economics and Management]. 2023. N 1. P. 15–25 (in Rus).
21. Plotnikov V.A., Vertakova Yu. V. Sustainability of the development of the Russian industry in the context of macroeconomic shock and the new industrial policy // Economics and Management. 2022. Vol. 28. N 10. P. 1037–1050 (in Rus).
 22. Pogodina V.V., Smirnov A.A. Economic security in conditions of turbulence: counteraction to shocks and mobilization economy // Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice. Ser.: Economics and law. 2022. N 12–2. P. 82–85 (in Rus).
 23. Rogatin S.I. Directions for improving the regulation of economic relations in the sphere of the State Defense Order // Administrative consulting. 2022. N 7. P. 128–136 (in Rus).
 24. Rogatin S.I. Defense-industrial complex and the potential of its influence on the innovative development of the economy // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2021. N 4 (50). P. 5–9 (in Rus).
 25. Smeshko O. G., Plotnikov V.A., Vertakova Yu.V. Prospects for the Russian economy: new challenges to economic security and restructuring of public administration // Economics and Management. 2022. Vol. 28. N 6. P. 524–537 (in Rus).
 26. Sukharev O. S. On the need for Gosplan — new analytical and organizational approaches for the development of the Russian economy // Investments in Russia. 2022. N 1 (324). P. 3–7 (in Rus).
 27. Khlutkov A. D., Shamakhov V.A., Mezhevich N.M. Memories of the Future: Traditional Russian Economic Practices in New Foreign Policy Conditions. Article three. Gosplan // Administrative consulting 2022. N 6 (162). P. 10–21 (in Rus).
 28. Tsekhomsky N.V. Investment support for industrial development under sanctions // Theory and practice of service: economics, social sphere, technologies. 2022. N 4 (54). P. 5–9 (in Rus).
 29. Shkodinsky S.V., Kushnir A.M., Prodchenko I.A. Influence of sanctions on the technological sovereignty of Russia // Problems of the market economy. 2022. N 2. P. 75–96 (in Rus).

About the authors:

- Vladimir A. Plotnikov**, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, Professor of the Department of General Economic Theory and History of Economic Thought, Doctor of Economics, Professor; plotnikov_2000@mail.ru
- Vera V. Pogodina**, Saint Petersburg State University of Economics, Saint Petersburg, Russian Federation, Professor of the Department of Economics and Management of Enterprises and Industrial Complexes, Doctor of Economics, Professor; pogodina.vera@yandex.ru
- Alexander A. Smirnov**, National State University of Physical Culture, Sports and Health named after P.F. Lesgaft, Saint Petersburg, Russian Federation, Head of the Department of Law and Civil Security, Doctor of Economics, Professor; a.smirnov@lesgaft.spb.ru

О двух методах анализа деятельности предприятий реального сектора экономики на товарном рынке

Цацулин А. Н.

Санкт-Петербург, Российская Федерация; vash_64@mail.ru

РЕФЕРАТ

Статья посвящена рассмотрению двух концептуальных подходов к оценке состояния и перспектив развития экономических субъектов реального сектора экономики на примере так называемых «золотого правила» экономики и сбалансированной системы показателей. Актуальность материала статьи заключается в том, что заимствованная зарубежная методология исследования фактического состояния предприятия тем не менее позволяет не только оценить производственный и человеческий потенциал экономического субъекта в динамике анализируемого периода, но и оказать помощь в разработке планов развития предприятия на перспективу разной длительности и выработке индивидуальной стратегии развития в конкретном рыночном пространстве по направлениям инвестирования, инновационного совершенствования, разработки маркетинговой политики, корпоративной культуры, повышения рыночной активности, укрепления деловой репутации и конкурентных позиций.

Цель исследования сводится к проверке действенности методологии обоих подходов и эффективности используемого инструментария на примерах предприятий реального сектора экономики. В качестве инструментария был задействован индексный метод статистического исследования при выполнении как золотого правила, так и сбалансированной системы типовых технико-экономических показателей. Расчеты сведены в таблицы, проиллюстрированы графическими рисунками. Результаты анализа обсуждены и прокомментированы с учетом специфических характеристик отраслевой деятельности выбранных экономических субъектов. По статье сделаны необходимые выводы, касающиеся сходства и различия рассмотренных методологий и оценены перспективы их использования при решении прикладных задач анализа.

Ключевые слова: концептуальный подход, золотое правило бизнеса, сбалансированная система показателей, индексный метод, индикатор динамики, конкурентоспособность, мажорантное неравенство, рыночная доля производителя, рыночная активность, деловая репутация

Для цитирования: Цацулин А. Н. О двух методах анализа деятельности предприятий реального сектора экономики на товарном рынке // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 45–66

On Two Methods for Analyzing the Activities of Enterprises in the Real Sector of the Economy in the Commodity Market

Alexander N. Tsatsulin

Saint Petersburg, Russian Federation; vash_64@mail.ru

ABSTRACT

The article is devoted to the consideration of two conceptual approaches to assessing the state and prospects for the development of economic entities in the real sector of the economy on the example of the so-called “golden rule” of the economy and the balanced scorecard. The relevance of the material of the article lies in the fact that the borrowed foreign methodology for studying the actual state of the enterprise, however, allows not only to assess the production and human potential of an economic entity in dynamics of the analyzed period, but also to assist in the development of enterprise development plans for the future of various durations and the development of an individual development strategy in a particular market

space in the areas of investment, innovative improvement, marketing policy development, corporate culture, increasing market activity, strengthening business reputation and competitive positions.

The purpose of the study is to test the effectiveness of the methodology of both approaches and the effectiveness of the tools used on the examples of enterprises in the real sector of the economy. The index method of statistical research was used as a toolkit when fulfilling both the golden rule and the balanced system of standard technical and economic indicators. The calculations are summarized in tables, illustrated with graphic drawings. The results of the analysis are discussed and commented on taking into account the specific characteristics of the sectoral activities of the selected economic entities. The article draws the necessary conclusions regarding the similarities and differences of the considered methodologies and assesses the prospects for their use in solving applied problems of analysis.

Keywords: conceptual approach, golden rule of business, balanced scorecard, index method, dynamics indicator, competitiveness, majoritarian inequality, producer's market share, market activity, business reputation

For citing: Tsatsulin A. N. On Two Methods for Analyzing the Activities of Enterprises in the Real Sector of the Economy in the Commodity Market // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 45–66.

Завтра состояние экономики будет лучше, чем... послезавтра.

*Из осторожных высказываний
академиков РАН*

Введение

Рубеж XX–XXI вв. ознаменовался чередой трансформаций российской экономики, которые оказались связанными со сменой модели управления народным хозяйством — переходом от стертой командно-административной к резко очерченной квазирыночной сущности. А также — со вступлением в фазу постиндустриального, инновационного развития с ускоренной цифровизацией экономики и общества, с разработкой искусственного интеллекта и сложных нейросетей, с активным внедрением робототехники в реальный сектор экономики и, естественно, с обострением геополитических рисков и геостратегических угроз устойчивому росту в связи с глобальной перестройкой не всегда эффективной системы государственного регулирования экономики.

Особенно остро социально-экономические издержки проведения подобных трансформаций проявились в последние годы посткризисного периода до начала СВО. Хотя после резкого спада объема ВВП в 2009 г. отечественная экономика в целом восстановилась, она продолжает испытывать на себе давление набора негативных трансформационных факторов, что выражается в устойчивой макроэкономической стагнации, подтачивающей экономику безостановочно и заметно уже с 2013 г.

Качество финансового состояния экономического субъекта (ЭС) в немалой степени обуславливается уровнем его деловой активности на товарных рынках. В критерии деловой активности предприятия включаются показатели, отражающие качественные и количественные стороны его развития и особенности его производственно-хозяйственной деятельности: объем реализации продукции, работ и услуг, широта рынков сбыта и товарная номенклатура, ассортимент продукции, прибыль разных видов, величина чистых активов, время и скорость их оборачиваемости, характеристики ликвидности и другие общие и специальные финансово-экономические и технико-экономические показатели.

Текущую информацию для проведения финансового анализа состояния экономического субъекта, помимо сведений бухгалтерского учета, можно извлечь из

поволенных форм официальной статистической отчетности: Отчет об использовании денежных средств Ф. № 1-ф; Отчет о составе средств и источниках их образования Ф. № 2-ф; Отчет о финансовых результатах Ф. № 5-ф; Отчет о состоянии расчетов Ф. № 6-ф и некоторые другие специальные формы отчетности предприятия.

От хорошего или плохого финансового состояния ЭС зависит степень его финансовой привлекательности для акционеров, участников, пайщиков, вендоров, покупателей, клиентов, банков и других юридических и физических лиц. Перечисленные акторы финансовых рынков и активные фигуранты экономических процессов имеют вполне рыночную возможность реального выбора способа своих заинтересованных взаимодействий между конкретным и иными ЭС, которые способны удовлетворить их совокупные или отдельные финансовые интересы в полной мере.

Более того, в моделях рыночного поведения того или иного крупного ЭС реального сектора экономики и в его подходах к управлению родной, сложно структурированной организацией должен обязательно присутствовать своеобразный синергетический симбиоз известной философской концепции и этического принципа, смысл которого заключается в том, чтобы относиться к другим участникам так, как хотели бы, чтобы относились к вам. Этот принцип призван помочь организации создать надлежащую управленческую культуру (не обязательно корпоративного типа), основанную на доверии и взаимном уважении между всеми сотрудниками, всеми клиентами и всеми другими заинтересованными сторонами без какого-либо дискриминирующего исключения [11].

Деловая же активность ЭС напрямую связана с его деловой репутацией на рынке, и именно последняя является добровольным критерием в процедуре всевозможных рейтинговых оценок, используемых в конкурсно-тендерных испытаниях городских, региональных и тому подобных отборочных комиссий в строгом соответствии с 44-ФЗ¹. Зафиксированная рейтинговая оценка отражается, а иногда широко освещается в специализированных каналах СМИ.

Тем не менее официальные организации, осуществляющие и афиширующие такие рейтинговые оценки, не должны быть аккредитованы в Федеральной службе РФ по аккредитации — Росаккредитации (Росреестр), но их деятельность должна обязательно вписываться в требования ГОСТ Р-66 от 01.03.2016 и соответствовать условиям сертификации Росстандарта. Отбор по конкурсу пакетов предоставленных от соискателей документов, например, городскому, муниципальному и др. проводится по ряду согласованных критериев. По одному из пунктов требований при отборе предприятий значимость критерия *деловая репутация* оказывается весьма высокой и подчас достигает 30%, т. е. почти $\frac{1}{3}$ среди других весовых характеристик по иным признакам принудительного рейтингования.

Цель исследования

Как достичь высоких публичных рейтингов, как повысить капитализацию солидарной репутации и уровень деловой активности ЭС в рыночном пространстве? Рассмотрим две сравнительно современные и относительно эффективные системы, к сожалению, не являющиеся продуктом отечественных исследовательских раз-

¹ Федеральный закон «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция). См. также Комментарий к Федеральному закону «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» от 05.04.2013 № 44-ФЗ (последняя редакция, с изменениями на 28.12.2022 г. в редакции, действующей с 01.01.2023 г.). URL: <https://docs.cntd.ru/document/499011838> (дата обращения: 25.03.2023).

работок аналитиков, но представляющих определенный интерес. Это концептуально близкие системы, наименования которых вынесены в реферат к статье; их содержательная сторона и перспективы возможного прикладного использования при решении задач технико-экономического анализа образуют скромную цель настоящего материала статьи.

В мировой практике с целью количественной оценки деловой репутации и деловой активности используется «золотое правило экономики предприятия» (*GRB*)¹, в соответствии с которым в упрощенном его варианте рассматриваются три следующие величины: $\mathfrak{S}_{\Pi_{W1,0}}$ — темпы роста балансовой (валовой) прибыли Π_W в отчетном году («1») по сравнению с годом базисным («0»); $\mathfrak{S}_{W1,0}$ — темпы роста объема реализации (W); $\mathfrak{S}_{A1,0}$ — темпы роста суммы всех активов (внеоборотного и оборотного капитала) экономического субъекта (A). Оптимальным здесь является следующее соотношение указанных индексов, традиционно рассчитанных в процентах, в виде строгого мажорантного неравенства:

$$\mathfrak{S}_{\Pi_{W1,0}} > \mathfrak{S}_{W1,0} > \mathfrak{S}_{A1,0} > 100\%. \quad (1)$$

В общем виде соблюдение «золотого правила экономики» (ЗПЭ/*GRB*) означает, что производственно-хозяйственный потенциал ЭС измеряемо возрастает в отчетном году по сравнению с предыдущим, и желательно, чтобы это происходило достаточно долго (например, в рамках заданного жизненного цикла *LCA* и его стадий) в режиме ежегодно повторяющегося цикла. Зачастую экономический анализ развития, скажем, торгового предприятия сетевые трейдеры сводят к оценке коэффициентов оборачиваемости активов, капитала, ликвидности, а также всевозможных характеристик рентабельности. Тем не менее подобная диагностика обладает набором ограничений в использовании:

- статичность оценки финансовых коэффициентов, что затрудняет анализ динамики развития ЭС;
- отсутствие какого-либо универсального индикатора деловой активности для оценки состояния ЭС, принятия оперативного управленческого решения и разработки сценариев стратегического развития;
- трудности установления отраслевых, межотраслевых, нормативных уровней коэффициентов для ЭС с расширенной производственной специализацией и пр.

Проведем оценку деловой активности по методологии ЗПЭ/*GRB* на примере кейса № 1 одного из предприятий машиностроительного объединения Концерна «Алмаз-Антей». Анализируемый объект является промышленно-производственным предприятием реального сектора экономики (точнее, входящего в состав ОПК/ВПК²), по которому имеются более-менее достоверные сведения о хозяйственной деятельности за два года — 2016–2017 гг., составленные с учетом понятных условий дидактики.

Концерн завершил свое формирование на площадке и на базе Обуховского завода Северо-Западного регионального центра (СЗРЦ). Создание единого промышленно-производственного кластера из шести ЭС началось в 2010 г., а закончилось в 2021 г.³ Инвестиции в проект составили 54 млрд руб., в том числе 25 млрд руб. на техническое перевооружение и восстановление коммуникаций. В результате

¹ The «gold rule of business» — it is the general rule of enterprise economics. It is the compartment of tempo of the profit is gross, receipts, own capital and assets [2].

² В связи с резким обострением внешнеполитической ситуации и необходимостью укрепления военной безопасности нашей страны на смену термина ОПК неспешно в понятийный оборот вернулся термин ВПК.

³ Полное название новой компании — Акционерное общество «Северо-Западный региональный центр Концерна воздушно-космической обороны «Алмаз-Антей» — Обуховский завод».

объем производства СЗРЦ в 2020 г. вырос в 2,5 раза по сравнению с 2014 г., а производительность труда — в 1,6 раза.

Следует помнить, что технологическая сложность оборонно-промышленного производства и его высокий уровень наукоемкости определяют его мультипликативное воздействие на всестороннее развитие национальной экономики в целом за счет наличия уже воссозданной многоуровневой кооперации и четкой системы поставок. По некоторым вполне достоверным сведениям, на долю инновационных предприятий приходится до 70,0% совокупности ЭС в составе отечественного ОПК/ВПК [5]. В этом производственном кейсе необходимо проверить по данным, представляющим в табл. 1 шесть стандартных, т.е. наиболее распространенных показателей, выполняемость ЗПЭ/*GRB* по их фактическим соотношениям в динамике. Для начала рассчитаем значения трех первых характеристик $\mathcal{S}_{\Pi_{w1/0}}$, $\mathcal{S}_{W_{1/0}}$, $\mathcal{S}_{A_{1/0}}$, используя табличные сведения в духе требований ЗПЭ/*GRB*.

Исходя из требований ЗПЭ, составляются соотношения указанных величин из граф 4–6, соответственно по строкам 1–3 табл. 1:

1. Поскольку $\mathcal{S}_{W_{1/0}} > \mathcal{S}_{\Pi_{w1/0}} > 100,00\%$, то в этом фрагменте соотношения из выражения (1) правило оказывается нарушенным.

2. $\mathcal{S}_{W_{1/0}} > \mathcal{S}_{A_{1/0}} > 100,00\%$ — в этой части соотношения из выражения (1) правило соблюдается.

3. И последняя пара простых индексов динамики: $\{\mathcal{S}_{\Pi_{w1/0}} < \mathcal{S}_{A_{1/0}}\} > 100,00\%$ — в этой части соотношения из выражения (1) правило опять оказывается нарушенным.

О деловой активности ЭС должна свидетельствовать информация, касающаяся поступательной динамики основных технико-экономических и финансово-экономических показателей развития предприятия и достижение им поставленных оперативных целей. Основными критериями общей эффективности работы предприятия является продуктивность, результативность, прибыльность от производственно-хозяйственной и финансово-экономической деятельности.

Таблица 1

Типовые показатели деловой активности анализируемого предприятия за два года

Table 1. Typical indicators of business activity of the analyzed enterprise for two years

| № п/п | Наименование показателя | Условные обозначения | Базисный период, тыс. руб. | Отчетный период, тыс. руб. | Индекс динамики показателя, % |
|-------|--|----------------------|----------------------------|----------------------------|-------------------------------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 |
| 1 | Прибыль от продаж (балансовая) | Π_w | 201 695,0 | 231 801,0 | 114,93 |
| 2 | Выручка от продаж | W | 1 714 588,0 | 2 053 833,0 | 119,79 |
| 3 | Среднегодовая стоимость всех активов (сумма основного и оборотного капитала) | A | 4 427 090,5 | 5 235 252,5 | 118,25 |
| 4 | Чистая прибыль (нетто прибыль) | Π_{w_n} | 161 356,0 | 194 712,8 | 120,67 |
| 5 | Стоимость активной части ОППФ | F_a | 2 634 113,0 | 2 849 721,4 | 108,19 |
| 6 | Себестоимость товарной продукции | C | 1 519 892,0 | 1 622 023,0 | 106,72 |

Одним из важнейших направлений анализа результативности в рыночном, финансово-экономическом смысле и является деловая активность, которая, с точки зрения безостановочного движения добавленной стоимости, проявляется в скорости и времени оборачиваемости разного вида активов предприятия, темпов их наращивания или падения и парциальной экономической отдачи по видам.

Остальные три простых индекса из графы 6 табл. 1 могут быть имплантированы в цепочку уже созданных попарных соотношений, и читателю предоставляется возможность самому проверить работоспособность ЗПЭ/*GRB* в отношении деятельности анализируемого ЭС по готовым данным графы 6 табл. 1. Идеальным вариантом исполнения правила служит задаваемая в выражении (2) последовательность индексов динамики по выбранным для данного кейса показателям хозяйственной деятельности ЭС.

$$\mathfrak{S}_{\Pi_{W_{N1,0}}} > \mathfrak{S}_{\Pi_{W1,0}} > \mathfrak{S}_{W1,0} > \mathfrak{S}_{F_{A1,0}} > \mathfrak{S}_{A1,0} > \mathfrak{S}_{C1,0} > 100,00\% . \quad (2)$$

Смысл соотношений из выражения (2) сводится к тому, что показатели балансовой прибыли возрастают более высокими темпами, чем объемы продаж, а это обстоятельство может свидетельствовать о сравнительном снижении темпов роста себестоимости. При этом объем продаж увеличивается быстрее, чем совокупные активы предприятия, что доказывает эффективное использование ресурсов предприятия. Далее, эффективный экономический потенциал предприятия возрастает по сравнению с предшествующим периодом при условии опережения темпов роста активной части основных промышленно-производственных фондов (ОППФ) над динамикой всех иных активов предприятия и понесенных прямых производственных затрат и, наконец, издержек обращения.

Согласно расчетам индексов динамики из таблицы исходных данных, на анализируемом ЭС характеристика $\mathfrak{S}_{F_{A1,0}}$ отстает по своим темпам роста от $\mathfrak{S}_{A1,0}$. Здесь объяснение происходящему в анализируемом ЭС вполне доступно. Фактический физический износ станков, машин и оборудования превышал 80,0%, что, разумеется, снижало технические возможности производить на них новые изделия и по Госзаказу, и по Гособоронзаказу.

Но закупать современное оборудование в анализируемые годы за рубежом (при рукотворном развале отечественного станкостроения) было уже затруднительно, и данное предприятие вложило в восстановление практически разрушенных производственных зданий, сооружений и передаточных устройств, составляющих пассивную часть основных промышленно-производственных фондов по перечню общероссийского классификатора — ОКФС ОК 013-2014 (СНС 2008) на 2023 г. Последние включены в совокупную среднегодовую стоимость активов.

Но именно такое строгое исполнение расширенного соотношения простых индексов динамики из выражения (2) и образует содержание ЗПЭ/*GRB* предприятия, получившего такое наименование в международном научном обороте. Здесь остается лишь определить те реальные хозяйственные условия, при которых чистая прибыль организации Π_{W_N} может опережать по своим темпам балансовую (или иную, например валовую, бухгалтерскую, экономическую и т. д.) прибыль организации Π_W , или сопоставимые характеристики по отчетности МСФО — *EBIT*, *EBITDA* и другие.

Методика и методы исследования

Рассмотрим частный случай и упрощенный вариант возможного расхождения двух простых индексов, содержащих приведенные показатели. Для чего построим в общем виде работающие на выполнение ЗПЭ/*GRB* в его нестрогом, тождественном

случае две пропорции для первых двух членов из выражения (2). Для этого уточним главную числовую зависимость показателя размера чистой прибыли $\mathfrak{S}_{\Pi_{W_{N1,0}}}$ от показателя массы валовой прибыли $\mathfrak{S}_{\Pi_{W_{1,0}}}$.

В этой зависимости присутствует единственный множитель tax_{Π_0} — налог на прибыль организации (ст. 25 НК РФ), исходная ставка которого 20,00% при своей количественной неизменности как в отчетном, так и в базисном периодах, в формуле из выражения (3) является величиной сокращаемой $(1 - tax_{\Pi_0})$ в числителе и знаменателе дроби

$$\begin{aligned} \mathfrak{S}_{\Pi_{W_{N1,0}}} &= \frac{\Pi_{W_{N1}}}{\Pi_{W_{N0}}} = \frac{\Pi_{W_1} - \Pi_{W_1} \times tax_{\Pi_0}}{\Pi_{W_0} - \Pi_{W_0} \times tax_{\Pi_0}} = \frac{\Pi_{W_1} (1 - tax_{\Pi_0})}{\Pi_{W_0} (1 - tax_{\Pi_0})} = \\ &= \frac{\Pi_{W_1}}{\Pi_{W_0}} \equiv \mathfrak{S}_{\Pi_{W_{1,0}}} > 100,00\% . \end{aligned} \quad (3)$$

Для того чтобы между рассматриваемыми простыми индексами динамики появилось строгое неравенство «больше» (>), необходимо снижение ставки налога на прибыль организаций в отчетном периоде по сравнению с его базисным уровнем. То есть, для соотношения ставок налога на прибыль организаций в базисном и отчетном периодах $tax_{\Pi_0} > tax_{\Pi_1}$ появляется зависимость, отличная от выражения (3):

$$\mathfrak{S}_{\Pi_{W_{N1,0}}} = \frac{\Pi_{W_{N1}}}{\Pi_{W_{N0}}} = \frac{\Pi_{W_1} (1 - tax_{\Pi_1})}{\Pi_{W_0} (1 - tax_{\Pi_0})} > \frac{\Pi_{W_1}}{\Pi_{W_0}} = \mathfrak{S}_{\Pi_{W_{1,0}}} > 100,00\% . \quad (4)$$

В этом случае как раз возникает желаемое соотношение типовых индикаторов из ЗПЭ/GRB в нужном направлении $\mathfrak{S}_{\Pi_{W_{N1,0}}} > \mathfrak{S}_{\Pi_{W_{1,0}}} > 100,00\%$. Достичь такого положения дел предприятию удается своей активной социально ориентированной, инновационной деятельностью, работой в Особых экономических зонах (ОЭЗ), в составе промышленно-производственного кластера, по Госзаказу и Гособоронзаказу, тесными и полезными контактами с местными органами власти, участием в образовательных, благотворительных, спонсорских, экологических, волонтерских, даже доноро-донаторских программах в соответствии с лучшими отечественными и международными традициями и многое другое.

Высказанные соображения позволяют, кстати, оценить изменение объема чистой прибыли в отчетном году по сравнению с базисным ее состоянием вследствие снижения/роста ставки налога на прибыль организации с помощью аналитического метода разностей (разниц) в стоимостном выражении.

Другими словами, сущность ЗПЭ/GRB сводится к тому, что темпы роста показателей чистой прибыли, затем валовой прибыли должны превышать/опережать темпы роста выручки от продажи продукции, работ, услуг, а темпы роста выручки от продаж должны превышать/опережать темпы роста активной части основных средств темпы совокупной стоимости активов.

Более высокие темпы роста прибыли по сравнению с темпами роста выручки от продажи свидетельствуют об относительном снижении издержек обращения, что отражает повышение экономической эффективности предприятия. Более высокие темпы роста выручки от реализации продукции по сравнению с темпами роста активов организации свидетельствуют о повышении эффективности использования ресурсов предприятия. В целом экономический потенциал предприятия возрастает по сравнению с предыдущим периодом.

Полученные результаты

Отдельные специалисты предлагают в цепочку мажорантных неравенств из выражения (2) включать последним звеном темп изменения валюты баланса ЭС, относящегося к сфере малого и среднего бизнеса [3; 8]. Или варианты модели ЗПЭ/*GRB* с включением в цепочку индексов динамики стоимости оборотных активов и стоимости основных средств. В последнем случае возникает вполне законный содержательный дискурс и даже творческая дискуссия, почему оборотным активам надлежит расти опережающими темпами по сравнению с основными средствами.

С другими любопытными предложениями по совершенствованию ЗПЭ/*GRB* выступает проф. В. Г. Белолипецкий, который представляет свою *общую формулу эффективности* деятельности предприятия, обобщая ее смысловые дефиниции с позиций оценки текущей стоимости бизнеса компании. Разработчик общей формулы утверждает, что это и есть идеальная модель, некая универсальная зависимость из выражения (5) по измерению эффективности функционирования бизнеса и оценки деловой активности, которая закрывает буквально все проблемы исследования динамики [1].

$$\mathfrak{S}_{TR_{N1,0}} > \mathfrak{S}_{RE_{1,0}} > \mathfrak{S}_{A_{N1,0}} > 100,00\%, \quad (5)$$

где $\mathfrak{S}_{TR_{N1,0}}$ — общий чистый доход экономического субъекта;

$\mathfrak{S}_{RE_{1,0}}$ — совокупная налогооблагаемая стоимость имущества анализируемого экономического субъекта;

$\mathfrak{S}_{A_{N1,0}}$ — стоимость чистых активов экономического субъекта.

Более сложной интерпретации может быть подвергнута цепочка соотношений из выражения (6), предлагаемая другим известным специалистом [4, с. 347] для публичных акционерных обществ (ПАО), активно участвующих в открытых торгах на фондовых биржах:

$$\mathfrak{S}_{p(Ak)_{1,0}} > \mathfrak{S}_{\Pi_{N1,0}} > \mathfrak{S}_{EBIT_{1,0}} > \mathfrak{S}_{W_{1,0}} > \mathfrak{S}_{L_{1,0}} > 100,00\% . \quad (6)$$

где $\mathfrak{S}_{p(Ak)_{1,0}}$ — темп роста рыночных цен акций и курсовой стоимости ценных бумаг;

$\mathfrak{S}_{\Pi_{N1,0}}$ — темп роста чистой прибыли (прибыли-нетто);

$\mathfrak{S}_{EBIT_{1,0}}$ — темп роста прибыли до налогообложения по схемам отчетности МСФО;

$\mathfrak{S}_{W_{1,0}}$ — темп роста выручки от реализации товаров;

$\mathfrak{S}_{L_{1,0}}$ — темп роста среднесписочной численности персонала ЭС.

Контент каждого из попарных неравенств имеет свое очевидное объяснение. Так, смысл неравенства $\mathfrak{S}_{W_{1,0}} > \mathfrak{S}_{L_{1,0}}$ предполагает исполнение требования о необходимости опережающего роста производительности живого труда работников. Неравенство $\mathfrak{S}_{\Pi_{N1,0}} > \mathfrak{S}_{EBIT_{1,0}}$ также вполне объяснимо — чистая прибыль, в отличие от прибыли до налогообложения, полностью поступает в распоряжение трудового коллектива хозяйствующего субъекта и может целесообразно быть использована и для промышленно-производственного роста и для общего социально-экономического развития его потенциала.

Естественно предположить, что превосходство опережающего роста показателя чистой прибыли над благополучной динамикой валовой прибыли (прибыль-брутто, по Луке Пачоли¹) до налогообложения является приоритетным обстоятельством

¹ Лука Пачо́[э]ли (итал. Fra Luca Bartolomeo de Pacioli, 1445–1517) — итальянский математик, один из основоположников современных принципов бухгалтерии и системы двойной записи — см. его Трактат о счетах и записях / под ред. Я. В. Соколова. Крупнейший европейский алгебраист XV века, автор трактатов «Сумма арифметики» (энциклопедический расчетный справочник) и «Божественная пропорция», положившего начало теории пропорционирования в архитектурных стилях.

успешной деятельности ЭС. Такое соотношение может быть достигнуто, как уже отмечалось выше, в результате предоставления определенных льгот по налогообложению прибыли организации в связи с инновационным характером ее деятельности, социальной значимостью ее продукции, работ и услуг, социальной ответственностью ее бизнеса перед обществом и государством, участием в цепочках бизнеса на территориях опережающего развития (ТОР). Также это опережение темпов динамики может быть результатом законодательно разрешенных схем оптимизации налоговой базы и общей налоговой нагрузки для ЭС.

Доминирование темпа динамики показателя $S_{p(Ak),0}$ над темпами роста остальных характеристик означает, что желателен опережающий рост курсовой стоимости на биржевых торгах, принадлежащих ЭС акций и котируемых ценных бумаг. Сформулированное правило выражает условие эталонной динамики развития анализируемой организации и является основой управления в интересах ее акционеров-собственников. Степень приближения реальной динамики к эталонной будет должна характеризовать высокий уровень менеджмента управленческих систем и службы финансовых аналитиков.

Можно выделить еще несколько технико-экономических показателей, которые могут быть связаны с ЗПЭ/*GRB*, например, рентабельность инвестиций (*ROI*). Коэффициент сохранности клиентской базы — это показатель, который измеряет, сколько клиентов продолжают пользоваться работами, услугами или покупать товары у компании. Если бизнес относится к своим клиентам с надлежащим уважением и предлагает неизменно им качественные товары, работы и услуги, то это способствует росту динамики данного индикатора по годам [10]. И даже условный налог на бездействие — это понятие в международной системе бухгалтерского учета *GAAP*, которое описывает упущенную прибыль, возникающую из-за несоблюдения ЗПЭ/*GRB* ведения бизнеса.

Так, если ЭС не относится к своим клиентам и партнерам искренне и честно, то это может привести к потере валовой прибыли из-за убыточности ненадлежащих сделок. А по сути дела — это налог, базой для расчета которого служат не реальные финансово-экономические показатели деятельности ЭС, а потенциально возможные или «абстрактные» суммы, рассчитанные по определенной математической формуле. Такая ситуация возникала довольно часто при деятельности ЭС по схеме ЕНВД (Единый налог на вмененный доход), действовавшей до 01.01.2021 г. на территории РФ, и эта схема порождала серьезную проблему для предпринимателя. Налог приходилось платить и тогда, когда, скажем, деятельность не ведется или ведется, но нет дохода/прибыли. Ведь переведенный ЭС на схему ЕНВД не мог выбирать: платить ему налог или не платить, поскольку перевод на схему осуществлялся в обязательном порядке. Поэтому многие и попадали в эту неприятную фискальную ловушку.

По мнению автора данной статьи, в каноническую запись ЗПЭ/*GRB* не следует включать какие-либо вторичные признаки (в виде показателей отношения координации — ОК), как-то: производительность живого труда и средств труда, видовая рентабельность, всякие удельные характеристики сравнительной эффективности (в виде показателей отношения распределения — ОР), а также рыночные цены, курсовые стоимости ценных бумаг и пр. Использовать, как представляется, в цепочке неравенств можно только первичные типовые технико-экономические показатели из официальной статистической и бухгалтерской отчетности независимо от отраслевой специфики деятельности ЭС.

Произведенная оценка отчетных данных состояния головного завода объединения в период 2016–2017 гг. по рассматриваемому правилу показала, что финансово-экономическое состояние стабилизировано и близко к нормативному, что обусловлено выполнением ближних планов корпорации и свидетельствует об ее

эффективном управлении в последнее время. Однако в отдельных случаях, например, в период активных инвестиционных вложений в бизнес при его расширении, модернизации или реструктуризации, ЗПЭ/*GRB* может частично и не выполняться. Но это вовсе не означает, что в долгосрочном периоде деятельность анализируемой компании окажется не эффективной, не продуктивной, не результативной в рыночном смысле самокупаемости и самофинансирования [12].

Обсуждение

Финансовая аналитика последнего времени приобрела ряд особенностей, о которых не имеют представления неопытные финансовые менеджеры сравнительно новых рыночных экономических субъектов и, естественно, начинающие рыночные игроки. Но эти особенности образовали слой памяти профессиональных финансовых аналитиков, стали известны успешным инвесторам — как портфельным рыночным, так и мажоритарным собственникам компаний. Последние, впрочем, уловили суть этих особенностей, скорее всего, на уровне подсознания, деловой интуиции в полном соответствии с духом теории поведенческих финансов, разработанной нобелевскими лауреатами по экономике Д. Канеманом и А. Тверски (*Kahneman Daniel & Tversky Amos*), хотя оба являются профессиональными психологами¹, занимающимися оценками разнообразных рисков и угроз [13].

Удачнее всего, по мнению автора статьи, эти особенности с привязкой к российским реалиям формулирует профессор Т. В. Теплова из московского кампуса Высшей экономической школы (ВЭШ) [6]:

- 1) для диагностирования рыночного успеха и инвестиционной привлекательности недостаточно только традиционных финансовых (на базе стандартной финансовой отчетности) показателей деятельности ЭС;
- 2) цели и интересы отдельных групп стейкхолдеров из числа ЭС различаются, решение каждой задачи предполагает использование своего набора и своих систем отчетных технико-экономических показателей;
- 3) следует увязывать нормативные показатели, нормы, стандарты, в том числе финансовые (маржа прибыли, оборачиваемость активов разного вида и пр.), с динамикой бизнес-цикла, бизнес-процесса и отраслевыми изменениями и придерживаться главного правила: не может быть «вечных» нормативов в отличие от существования естественно-научных констант.

Естественным образом возникает не вполне риторический вопрос: можно ли утверждать, что только финансово здоровый по результатам анализа бухгалтерского баланса ЭС, т.е. способный вовремя расплачиваться по своим обязательствам, эффективно управляющий собственным капиталом, разнообразными активами и способный привлечь в свой бизнес новый капитал, готов и обязан быть успешным, т.е. наращивать нужные компетенции в острой конкурентной борьбе и в создании новых рынков?

Если речь идет о принципах функционирования современной рыночной экономики, то ответ может быть однозначным — лишь финансово здоровый ЭС с собственным реальным инновационным рыночным продуктом высокого качества имеет достоверный шанс на производственно-хозяйственный успех. В условиях же квазирыночной экономики, когда методы конкурентной борьбы из сферы качества продукции, работ, услуг, сервиса и конкурентных цен, тарифов смещаются в область обладания лишь административным ресурсом, ситуация значительно усложняется. Существует,

¹ Д. Канеман & А. Тверски разработали описательную теорию, которая более-менее внятно с позиций бихевиоризма и дифференциальной психологии объясняет, почему индивидуум избегает риска в условиях высокой вероятности выигрыша, но готов при этом делать более рискованные ставки при гораздо менее вероятном вознаграждении по ближним или дальним итогам совершенной сделки.

правда, масса примеров того, как неэффективно работающая компания, реализующая убыточные инвестиционные проекты, предлагающая потребителям экономические блага низкого качества, тем не менее сохраняет высокую рыночную долю и пользуется поддержкой регулирующих и контролирующих органов.

Возможно ли лишь по официальным статистическим и бухгалтерским показателям финансового здоровья ЭС технически предсказать его успех или провал на товарном рынке? В учебно-методической и популярной литературе на этот вопрос часто дается положительный ответ. Но результаты научных исследований на зарубежных рынках¹ и уже достаточно богатая отечественная практика свидетельствуют, что здесь не все так однозначно и прямолинейно, как это трактуется в рейтинговых в образовательной среде учебниках и иных дидактических материалах.

Во-первых, большинство финансово-экономических показателей имеет свой временной лаг действия/последствия. Но поскольку пользователь получает информацию по сложившимся показателям не в режиме реального времени (*Online + time lag*), например, по ряду условно непубличных компаний по бывшему статусу организационно-правовой формы (ОПФ) существования — АО/ЗАО², миноритарный собственник может получить свой годовой отчет (*Annual Report*) только еще через два-три месяца после официального завершения финансового года.

Во-вторых, подчас возникают определенные сомнения в достоверности демонстрируемых компаниями победных реляций и впечатляющих финансовых показателей, например, когда приводятся рыночные (экспертные) или же балансовые оценки активов компании, которые могут не отражать реальной ценности рассматриваемых ресурсов, а при расчете прибыли могут закладываться определенные допущения, например, о переоценке активов, что ведет к появлению так называемой «бумажной» прибыли. Схожая ситуация возникает в случае реализации стратегии *частичной фиксации прибыли или убытка*.

Ориентация практикующего аналитика исключительно на такие финансовые показатели деятельности ЭС, как динамика величины активов, капитала, прибыли, операционных денежных потоков и пр., может сыграть злую шутку с инвесторами и менеджерами компаний. Результаты анализа многолетней истории взлетов и падений североамериканских и европейских компаний демонстрируют, что традиционные финансовые индикаторы, построенные на базе иностранных стандартов бухгалтерского учета (*GAAP, EAS* и пр.), часто опаздывают с глубокой диагностикой хорошо, а иногда профессионально завуалированной проблемы.

Направление будущих исследований

Тревожными сигналами для аналитиков чаще оказываются не собственно финансовые показатели, а падение качества производимого экономического блага и ухудшение деловой репутации компании на рынке, уход квалифицированного персонала, наличие разногласий как среди представителей топ-менеджмента, так и среди стейкхолдеров [11]. Такая закономерность нашла понимание у теоретиков и практиков лишь к середине 1990-х гг., когда разработчики управленческих систем стали понимать и подчеркивать значимость комплексного отслеживания динамики сопряженных финансовых и нефинансовых технико-экономических показателей.

¹ Подробнее см. классическую в этой области работу Нортон и Каплана о Сбалансированной системе показателей (ССП — *Balanced Scorecard, BSC*) [2].

² ЗАО — Закрытое акционерное общество, публичная организация, имеющая свой устав. Акции такого предприятия выпускаются в ограниченном количестве и могут принадлежать только учредителям. Имеется также ограничение по числу акционеров в закрытых депозитариях — их может быть не более 50.

Хронологически именно к этому моменту времени в связи с торжественным шествием и бодрым маршем компаний так называемой новой экономики, рыночное поведение которых не укладывалось в прокрустово ложе стандартной аналитики на базе существующей финансовой отчетности и которые демонстрировали взрывной рост своей капитализации, появились теоретические разработки экономистов, пытающиеся увязать между собой финансовые и нефинансовые показатели и как-то вразумительно объяснить успех компаний-нуборишей, а заодно истолковать финансовые провалы крупнейших промышленных компаний, прежде всего, в сегменте транспортного машиностроения реального сектора экономики¹.

Предлагаемые варианты дополнения набора традиционных финансовых показателей нефинансовыми индикаторами, характеризующими успешность разнообразных маркетинговых программ, высокую эффективность образцовых систем управления персоналом и т.д., — лишь один из возможных способов совершенствования аналитической работы в изучаемых компаниях. Вторым вариантом, как представляется, более перспективным, оказывается переход на принципиально новый уровень финансовой аналитики, нацеленный на интересы рыночных инвесторов, а также позволяющий сблизить целеполагание в управлении бизнесом менеджеров и ключевых собственников.

В рамках последнего направления уже много лет по сей день ведутся массовые и активные исследования по разработке более-менее универсальных систем стоимостных показателей, построенных на базе самых экзотических признаков-факторов экономического движения субъекта. Предполагается, что итогом подобных разработок станет построение композитной системы новых стоимостных и традиционных финансовых показателей, которая поможет экономическим субъектам не только более адекватно диагностировать проблемы финансовой сферы функционирования ЭС, но и достоверно оценивать меру его рыночной успешности.

Авторитетные авторы Р. С. Каплан и Д. П. Нортона, ссылаясь на собственный богатый опыт финансовых аналитиков на службе при офисах крупнейших мировых и транснациональных корпорациях, обнадеживают своего читателя, зрителя, слушателя, т.е. потенциального заказчика, в том, что работоспособная и эффективная сбалансированная система показателей (ССП) для любой компании может быть создана буквально за 16 недель. В этом случае отважившаяся на высокорисковый эксперимент с организацией своего бизнеса коммерческая организация сразу же, по мнению экономических гуру, начнет двигаться к несомненному рыночному успеху при реализации на практике персональной технологии СП, которая максимально учтет специфику всей многообразной деятельности экономического субъекта, что в конце концов и станет искомым «краеугольным камнем всего процесса менеджмента» [2, с. 214].

Однако СП (*Balanced Scorecard — BSC*) представляет известный интерес и заслуживает более подробного рассмотрения. Концепция СП/БС является сравнительно свежим методом корпоративного управления, который позволяет оценить эффективность организации в целом и оперативно контролировать ее достижения в соответствии с ее стратегическими целями. Система СП/БС основана на той содержательной предпосылке, чтобы измерять не только финансовые показатели, но и другие ключевые аспекты деятельности ЭС, такие как клиентоориентированный подход, инновационные процессы, развитие кадров и человеческого потенциала и т.д.

¹ Исследования той поры показали, что оценка эффективности деятельности компании исключительно по финансовым показателям не обеспечивает надежности прогноза о ее будущем развитии, устойчивости рыночного положения. Компании с формально высокими финансовыми индикаторами часто исчезали с привычного рыночного пространства, быстро теряли свои конкурентные преимущества, а «разрушение» их стоимости выражалось в падении уровня капитализации. Убедительным примером сказанного служит ситуация со старейшим американским автопроизводителем Ford, которого конкуренты вытеснили на 3-е место на товарном рынке США [9, с. 221].

Роль системы ССП/*BSC* в экономике хозяйствующего субъекта может быть описана следующими позициями по разным направлениям:

- улучшение продуктивности ЭС, поскольку система ССП/*BSC* реально помогает сосредоточиться на ключевых аспектах своей деятельности и разработать стратегические планы для повышения консолидированной эффективности в каждой из этих областей;
- совершенствование управления рисками и угрозами, поскольку система ССП/*BSC* располагает также возможностями измерения и прогнозирования состояния угрозометрии, связанной с различными аспектами рыночной деятельности ЭС, такими как качество продукции, работ и услуг, удовлетворенность клиентов и вопросы контрактации, геополитические и геостратегические риски и мн. др. В частности, рост уровня удовлетворенности клиентов достигается результативной диагностикой понимания потребностей и ожиданий клиентов-потребителей наравне с разработкой соответствующей стратегии и планов разной длительности улучшения динамики развития;
- развитие инноваций всех типов система ССП/*BSC* обеспечивает путем интегрирования инновационных подходов непосредственно в стратегию существования ЭС, в планы его развития и в его различные бизнес-процессы;
- развитие кадрового состава и человеческого потенциала система ССП/*BSC* осуществляет за счет оценки сложившегося качества кадрового потенциала и человеческого капитала ЭС и разработки соответствующей стратегии и планов их улучшения, согласно утвержденных принципов командной работы ЭС;
- система ССП/*BSC* создает предпосылки достоверного оценивания и прогнозирования конкурентоспособности предпринимательских структур на отраслевых товарных рынках.

Так, возможный и предельно упрощенный вариант механизма ССП/*BSC* для оценивания конкурентоспособности ЭС на отраслевых товарных рынках представлен на рис. 1 схемой из четырех самостоятельных блоков ($B_1 \div B_4$) с пятым блоком сбалансированных технико-экономических показателей — блоком результативных характеристик (B_5).

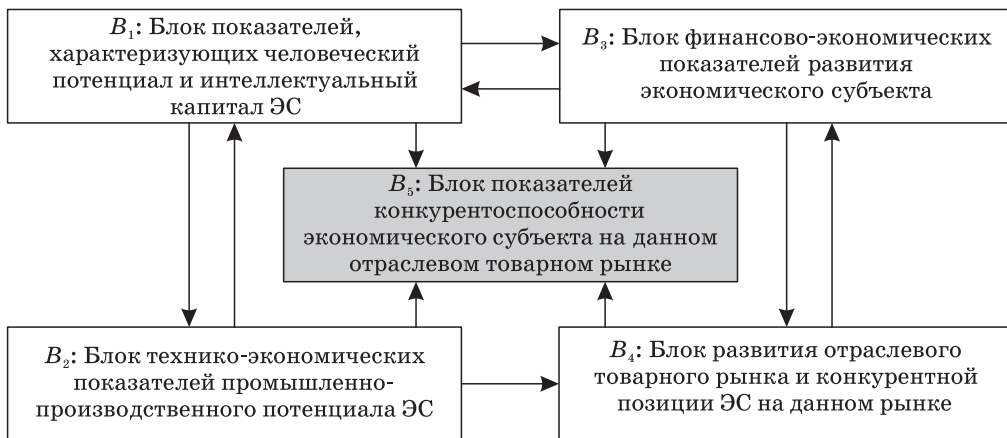


Рис. 1. Предельно упрощенный 4-х блочный вариант системы сбалансированных показателей оценки конкурентоспособности экономического субъекта согласно стандартной методологии по Р.С. Каплану — Д.П. Нортону

Fig. 1. The extremely simplified 4-block version of the balanced scorecard system for assessing the competitiveness of an economic entity according to standard methodology according to R. S. Kaplan — D. P. Norton

Таким образом, система сбалансированных показателей на первый взгляд представляется довольно мощным инструментом для повышения общей эффективности ЭС и успешного управления его деятельностью в соответствии с его стратегическими целями и планами разной длительности. Система ССП/*BSC* служит инструментом управления, которая работает по четырем векторам-перспективам (как бы в единой системе координат), позволяющим измерять эффективность деятельности ЭС по четырем основным группам показателей — традиционные финансовые показатели; показатели, характеризующие внутренние бизнес-процессы, включая обучение кадров; показатели устойчивого экономического роста и рыночного развития; показатели, характеризующие способность ЭС к инновационному развитию.

Рассмотрим по следующему кейсу № 2 порядок оценивания состояния конкурентоспособности ЭС на примере деятельности ПАО «КамАЗ» (Республика Татарстан, г. Набережные Челны, пр. Автозаводский, д. 2) за ряд лет с использованием системы ССП/*BSC*. Исходные данные для проведения подобной предварительной диагностики представлены в табл. 2.¹

Таблица 2

Динамика цепных индексов показателей по блокам оценивания состояния конкурентоспособности ПАО «КамАЗ» с использованием системы ССП/*BSC* за период 2009–2016 гг., в кратях к предыдущему году

Table 2. Dynamics of chain indexes of indicators by blocks of state estimation competitiveness of Kamaz PJSC using the BSC system for the period 2009–2016, in multiples of the previous year

| № п/п | Наименование показателя | 2009 | 2010 | 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 |
|---|--|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
| <i>B₁: Показатели блока оценивания интеллектуального потенциала ЭС</i> | | | | | | | | | |
| 1 | Индекс динамики затрат (С) на воспроизводство человеческого капитала (ЧК) ЭС, $\mathfrak{I}_{C(\text{ЧК})n/n-1}^{(i)}$ | 1,08 | 1,15 | 0,97 | 0,96 | 1,03 | 1,04 | 1,04 | 1,03 |
| 2 | Индекс динамики затрат на информатизацию бизнес-процессов ЭС, $\mathfrak{I}_{C(\text{инф})n/n-1}^{(i)}$ | 1,07 | 1,15 | 1,17 | 1,21 | 1,24 | 1,31 | 1,27 | 1,35 |
| 3 | Индекс динамики стоимости нематериальных активов ЭС, $\mathfrak{I}_{\text{НМА}n/n-1}^{(i)}$ | 1,31 | 1,22 | 1,24 | 1,25 | 1,43 | 1,17 | 1,12 | 1,07 |
| 4 | Средний темп роста показателей блока интеллектуального потенциала, $\overline{\mathfrak{I}}_{\text{инп}n/n-1}^{(i)}$ | 1,15 | 1,17 | 1,12 | 1,13 | 1,22 | 1,17 | 1,13 | 1,14 |
| <i>B₂: Показатели блока оценивания промышленно-производственного потенциала ЭС</i> | | | | | | | | | |
| 5 | Индекс динамики показателя общей фондоотдачи (f) ЭС, $\mathfrak{I}_{fn/n-1}^{(i)}$ | 1,12 | 1,08 | 1,08 | 0,57 | 1,19 | 1,32 | 1,06 | 0,94 |
| 6 | Индекс динамики показателя материалоемкости продукции, $\mathfrak{I}_{mn/n-1}^{(i)}$ | 0,99 | 0,99 | 1,03 | 1,05 | 0,99 | 1,02 | 1,04 | 1,03 |

¹ Исходные данные по предприятию позаимствованы из работы [7] и Годовых отчетов ПАО «КамАЗ» за соответствующие анализируемые периоды.

| № п/п | Наименование показателя | 2009 | 2010 | 2011 | 2012 | 2013 | 2014 | 2015 | 2016 |
|--|---|------|------|------|------|------|------|------|------|
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 |
| 7 | Индекс динамики показателя расходов (С) на инновации ЭС, $\mathfrak{I}_{C(\text{инн})}_{n/n-1}^{(i)}$ | 0,78 | 1,04 | 1,19 | 0,87 | 0,81 | 1,36 | 0,80 | 1,08 |
| 8 | Средний темп роста показателей блока промышленно-производственного потенциала ЭС, $\overline{\mathfrak{I}}_{\text{ПП}}^{(i)}_{n/n-1}$ | 0,96 | 1,04 | 1,08 | 0,78 | 0,99 | 1,21 | 0,93 | 0,99 |
| <i>B₃: Показатели блока обеспечения финансово-экономических расчетов ЭС</i> | | | | | | | | | |
| 9 | Индекс динамики показателя общей рентабельности ЭС, $\mathfrak{I}_{r_{n/n-1}}^{(i)}$ | 1,11 | 1,50 | 1,15 | 0,16 | 4,14 | 1,03 | 1,50 | 1,01 |
| 10 | Индекс динамики коэффициента текущей ликвидности ЭС, $\mathfrak{I}_{K_{\text{тл}}}_{n/n-1}^{(i)}$ | 0,97 | 1,05 | 1,03 | 0,86 | 0,97 | 1,03 | 1,11 | 1,27 |
| 11 | Индекс динамики коэффициента финансовой автономии, $\mathfrak{I}_{K_{\text{фн}}}_{n/n-1}^{(i)}$ | 0,99 | 0,92 | 0,96 | 0,95 | 0,97 | 0,93 | 1,07 | 1,21 |
| 12 | Средний темп роста показателей блока финансово-экономических расчетов, $\overline{\mathfrak{I}}_{\text{ФЭР}}^{(i)}_{n/n-1}$ | 1,02 | 1,13 | 1,04 | 0,50 | 1,57 | 1,00 | 1,21 | 1,16 |
| <i>B₄: Показатели блока оценивания рынка и конкурентной позиции ЭС</i> | | | | | | | | | |
| 13 | Индекс динамики емкости отраслевого товарного рынка, $\mathfrak{I}_{\text{емс}}^{(i)}_{n/n-1}$ | 1,08 | 1,09 | 0,87 | 0,98 | 1,05 | 1,07 | 1,06 | 1,07 |
| 14 | Индекс динамики рыночной доли ЭС, $\mathfrak{I}_{d_{n/n-1}}^{(i)}$ | 1,12 | 1,21 | 0,85 | 1,96 | 0,85 | 0,81 | 0,87 | 0,98 |
| 15 | Индекс динамики показателя затрат на маркетинг и сбыт ЭС, $\mathfrak{I}_{\text{Mar\&S}}^{(i)}_{n/n-1}$ | 1,29 | 1,33 | 0,93 | 0,95 | 1,12 | 1,17 | 1,19 | 1,12 |
| 16 | Средний темп роста показателей блока рынка и конкурентной позиции ЭС, $\overline{\mathfrak{I}}_{\text{M\&C}}^{(i)}_{n/n-1}$ | 1,16 | 1,21 | 0,88 | 0,93 | 1,00 | 1,00 | 1,03 | 1,05 |

Оценка средних темпов роста показателей по каждому из блоков осуществляется по форме простой средней геометрической за каждый i -й год анализируемого периода. Покажем эту оценку на расчетном примере искомого блока B_4 оценивания рынка и конкурентной позиции ЭС в виде следующей формулы из выражения (7) за n -й последний 2016 год рассматриваемого периода ($n = 9$):

$$\begin{aligned} \overline{\mathfrak{S}}_{M\&C_{n/n-1}}^{(n)} &= \sqrt[3]{\mathfrak{S}_{Icmc_{n/n-1}}^{(n)} \times \mathfrak{S}_{d_{n/n-1}}^{(n)} \times \mathfrak{S}_{Mar\&S_{n/n-1}}^{(n)}} = \sqrt[3]{1,07 \times 0,98 \times 1,12} = \\ &= \sqrt[3]{1,174432} = 1,055057 \cong 1,0551 \sim 105,51\%. \end{aligned} \quad (7)$$

Аналогично определяются средние темпы по всем остальным блокам за все годы. Привлекаемые экспертные суждения о значимости каждого из блоков системы ССП/ВSC должны отвечать следующему требованию, или условию теории экспертных оценок — сумма четырех *j*-х парциальных оценок экспертов (*Exp*) должна быть строго равна единице. В более жестком требовании выражение (8) укладывается в строгую единицу за каждый *i*-й год анализируемого отчетного периода

$$\sum_{j=1}^4 Exp_j^{(i)} = Exp_{ИП_{n/n-1}}^{(i)} + Exp_{ППП_{n/n-1}}^{(i)} + Exp_{ФЭР_{n/n-1}}^{(i)} + Exp_{M\&C_{n/n-1}}^{(i)} \equiv 1,000. \quad (8)$$

И наконец, оценка уровня конкурентоспособности ЭС, которую целесообразно проводить в условиях сравнительно представительной динамики, например, за ряд однородных периодов времени, рассчитывается по следующей формуле из выражения (9) для каждого года

$$\begin{aligned} Com^{(i)} &= \overline{\mathfrak{S}}_{ИП_{n/n-1}}^{(i)} \cdot Exp_{ИП_{n/n-1}}^{(i)} + \overline{\mathfrak{S}}_{ППП_{n/n-1}}^{(i)} \cdot Exp_{ППП_{n/n-1}}^{(i)} + \\ &+ \overline{\mathfrak{S}}_{ФЭР_{n/n-1}}^{(i)} \cdot Exp_{ФЭР_{n/n-1}}^{(i)} + \overline{\mathfrak{S}}_{M\&C_{n/n-1}}^{(i)} \cdot Exp_{M\&C_{n/n-1}}^{(i)}, \end{aligned} \quad (9)$$

где *Com*^(*i*) — показатель сравнительного уровня конкурентоспособности ЭС, измеренный с помощью системы ССП/ВSC в *i*-м году исследуемого периода.

На базе полученного показателя *Com*^(*i*) по годам строится график динамики уровня конкурентоспособности ЭС по методологии ССП/ВSC с соответствующим расчетом так называемого компаративного индекса динамики. То есть движения представленного в табл. 3 того же цепного индекса $\mathfrak{S}_{Com_{n/n-1}}^{(i)}$ во времени, что одно-

Таблица 3

Изменение конкурентоспособности во времени ПАО «КамАЗ» за анализируемый период

Table 3. Change in competitiveness over time of Kamaz PJSC for the analyzed period

| № п/п | Годы | Изменение уровня конкурентоспособности ЭС, крат к предыдущему году |
|------------------------|----------|--|
| $i := \overline{0, n}$ | t_i | $\mathfrak{S}_{Com_{n/n-1}}^{(i)}$ |
| 1 | 2 | 3 |
| 0 | 2008 | — (0) |
| 1 | 2009 | 1,0590 (1/0) |
| 2 | 2010 | 1,1512 (2/1) |
| 3 | 2011 | 1,0246 (3/2) |
| 4 | 2012 | 0,8631 (4/3 min) |
| 5 | 2013 | 1,1543 (5/4 max) |
| 6 | 2014 | 1,1102 (6/5) |
| 7 | 2015 | 1,0839 (7/6) |
| 8 | 2016 | 1,0907 (8/7) |

временно демонстрируется рис. 2, позволяющим наглядно проиллюстрировать индивидуальную динамику уровня конкурентоспособности ЭС за анализируемый восьмилетний период.

Соотношение конкурентной позиции ПАО «КамАЗ» по занимаемой рыночной доле относительно основных своих конкурентов — производителей грузового автотранспорта в РФ на отечественном рынке в 2016 г. по результатам анализа представлено в табл. 4 и показано на рис. 3. Требование к размерам занимаемых долей всех рыночных акторов укладывается в тождественную запись $\sum_{k=1}^K d_k = 100,0\%$, но представленные на графике продуценты занимают найденные 94,23%; остальные продуценты (5,77%) в примере не найдены. Возможно, в эту долю попали гражданские изделия Брянского автозавода (АО «БАЗ»), который производил грузовые габаритные автомобили высокой проходимости грузоподъемностью до 40 т для эксплуатации в нефтегазовом секторе, в строительстве, для сложных транспортных операций с перемещением военной и гражданской техники.

После окончательного ухода с рынка компании «ЗИЛ» в 2020 г. ее долю постепенно занимало и расширяло АО «БАЗ», позднее вошедшее в состав СЗРЦ. А часть своих брендов, например, тягачи новейшего типа, АО «БАЗ» передало для сборочного производства в начале 2023 г. Санкт-Петербургскому Обуховскому заводу, который входит в состав Концерна ВКО «Алмаз-Антей» и по которому было рассмотрено «золотое правило экономики» (ЗПЭ/*GRB*) в первом производственном кейсе. Подобная продукция чрезвычайно востребована на просторах СВО.

Тем не менее Обуховский завод не изменил своей 30-летней привычке, сформированной в эпоху все разрушающей конверсии, выпускать продукцию даже не двойного, а сугубо гражданского назначения. Так, предприятие выиграло городской конкурс на изготовление и поставку по Госзаказу, где оно было единственным

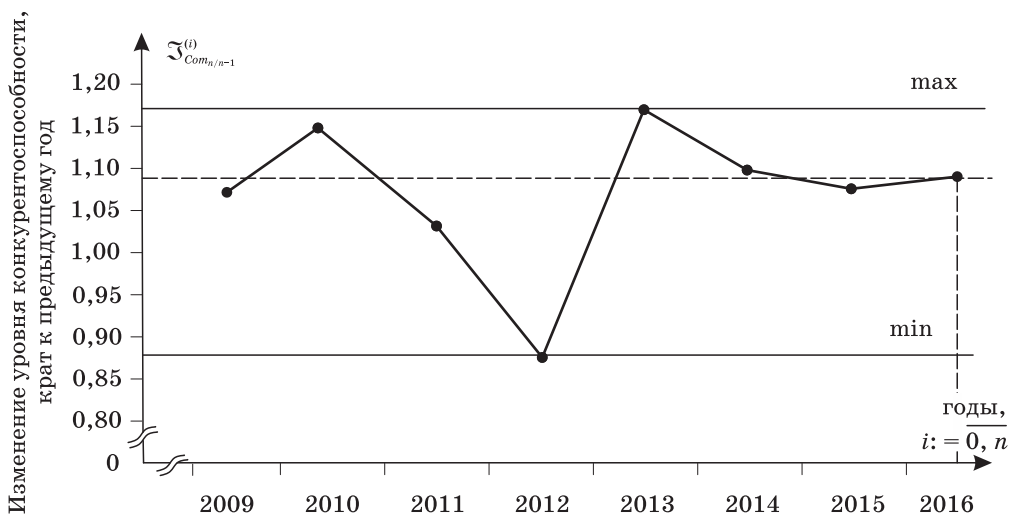


Рис. 2. Динамика уровня конкурентоспособности ПАО «КамАЗ» за период 2009–2016 гг. В (•)А зафиксировано состояние ЭС на 2016 г. (по результатам приведенных расчетов)

Fig. 2. Dynamics of the level of competitiveness of PJSC "KamAZ" for the period 2009–2016. At point A ((•)A), the state of the economic entity for 2016 is recorded (according to the results of the above calculations)

Соотношение занимаемой доли отечественного рынка основных k -х производителей грузового автотранспорта и изменения уровня конкурентоспособности в 2016 г.

Table 4. The ratio of the occupied share of the domestic market of the main k -th producers of trucks and changes in the level of competitiveness in 2016

| № п/п | Наименование российского производителя | Занимаемая доля отечественного рынка, % | Изменение уровня конкурентоспособности k -го ЭС, в крат к предыдущему году |
|------------------------|--|---|--|
| $k := \overline{1, K}$ | k | d_k | $\mathfrak{J}_{Com_{n/n-1}}^{(8)}$ |
| 1 | 2 | 3 | 4 |
| 1 | ПАО «КамАЗ» | 33,32 | 1,0907 |
| 2 | АМО «ЗИЛ» | 1,08 | 0,9607 |
| 3 | ПАО «Нефаз»* | 8,81 | 1,1411 |
| 4 | АО «Аватор» | 12,12 | 1,0210 |
| 5 | ПАО «ВАЗ» | 18,23 | 1,0604 |
| 6 | ООО «УАЗ» | 20,67 | 0,9821 |
| | Итого: | 94,23 | — |
| 7 | Прочие производители | 5,77 | — |
| | Всего: | 100,00 | — |

* ПАО «Нефаз» со штаб-квартирой в г. Нефтекамск является автостроительной компанией, входящей в ГК «КамАЗ» и крупнейшим отечественным производителем специальных надстроек на шасси камазовского автомобиля.

Изменение уровня конкурентоспособности ЭС, $\mathfrak{J}_{Com_{n/n-1}}^{(8)}$

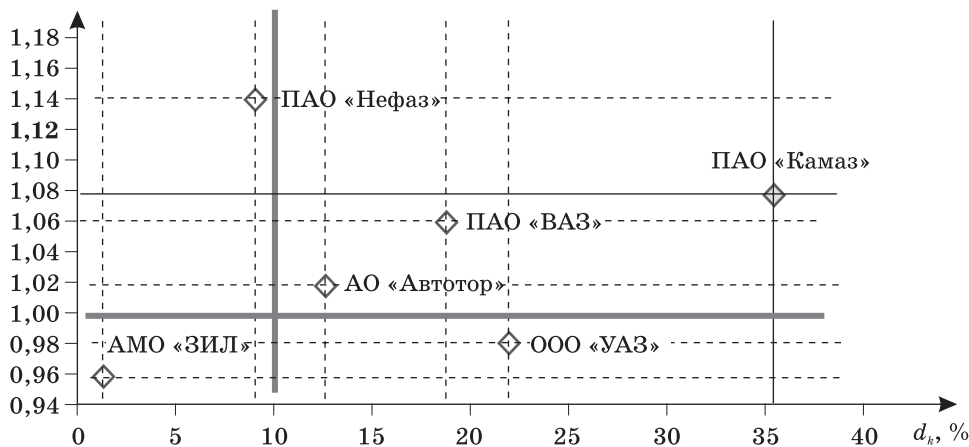


Рис. 3. Конкурентная позиция объекта исследования (сплошная линия) относительно основных отечественных k -х производителей грузового автотранспорта на российском рынке по итогам 2016 г. ($i = 8$) на фоне конкурентного оптимума {1,00; 10,00%}

Fig. 3. Competitive position of the research object (in red) relative to the main domestic k -th producers of trucks in the Russian market in 2016 ($i = 9$) against the background competitive of the optimum {1.00; 10.00%}

участником при стартовой цене конкурса 2 372,0 млн руб., двух однопутных проходческих щитов диаметром 5,63 метра и нескольких укладчиков для тубингов в связи с острой потребностью Санкт-Петербургского метрополитена в прокладке новых линий и дальнейшего развития городского метро. Исполнение этого заказа будет весьма кстати в дополнение к отремонтированному проходческому комплексу «Надежда» производства германского концерна *Herrenknecht AG* и единственном в стране (ныне после ремонта в Москве) щиту для строительства двухпутных тоннелей диаметром 10,82 м.

Возможно, такая комбинация проходческих механизмов обеспечит разъяснение, как говорится, под давлением тяжелых плохо решаемых проблем, долгоиграющего тупика в жизни петербургского метро. Выполняет завод и другие гражданские заказы по изготовлению штучных изделий и выполнению уникальных работ, в частности, анонсирован выпуск в свет электрокара «*Neva*» с пробегом до очередной подзарядки в 400 км, преимущественно для городской среды обитания.

Сбалансированная система технико-экономических показателей или индикаторов/критериев ССП/*BSC* рассматривает цели, задачи и стратегию ЭС в рыночном пространстве сквозь призму некоего всеобъемлющего комплекса оценки ее деятельности, обеспечивая определенной методикой для создания системы стратегических индикаторов/критериев и системы управления в среде частично стандартизированной российской системы бухгалтерского учета (РСБУ), системы финансово-экономической отчетности, включая систему продвинутого управленческого учета.

В последнее время в условиях цифровизации экономики, проектирования в области информационных технологий необходимо уметь быстро адаптироваться к любым внезапным ситуациям, превосходить конкурентов по качеству, скорости и широте предоставления продукции, работ и услуг. Здесь также весьма полезной оказывается методология ССП/*BSC*, которая обеспечивает аналитика направлениями поиска и функционалом сбора, анализа и систематизации той информации, что необходима для принятия обоснованного и оказавшегося верным управленческого решения.

Система ССП/*BSC* помогает квалифицированному менеджменту ЭС выявить ключевые, прозрачные и одновременно сбалансированные в систему показатели сравнительной эффективности, следить за ними и контролировать их динамику с тем, чтобы достигать в объявленные сроки своих стратегических целей. А отличительными характеристиками методологии ССП/*BSC* являются акценты именно на стратегических целях (так понимаемых в настоящее время), сравнительно небольшое число отслеживающих метрик, гибкое сочетание финансовых и нефинансовых данных, инсайдерских сведений и иной релевантной для прикладного исследования информации.

Выводы

Апробирование обоих подходов к финансово-экономическому анализу производственно-хозяйственной деятельности экономических субъектов на примерах кейсов № 1 и № 2 для производственно-промышленного кластера и промышленного предприятия реального сектора экономики позволяет сформулировать некоторые предварительные, по мнению автора, заключения.

1. Первоначально ориентированное на этический нарратив ЗПЭ/*GRB* в части ведения *честного бизнеса* в рамках полноценной цивилизованной корпоративной культуры, формирования деловой и рыночной репутации, высокой планки *good will*, а возможно, даже и бренда, с точки зрения возможностей осуществления надлежащего финансово-экономического анализа, использование метода оказалось более интересным и полезным в своих логических продолжениях. А именно, использование

претворилось в тщательное и обоснованное построение цепочек мажорантных неравенств важнейших технико-экономических показателей в виде цепных простых индексов динамики за отчетный и базисный период с учетом секторальной и отраслевой специфики деятельности ЭС.

2. Метод ЗПЭ/*GRB* позволяет оценить более-менее всесторонне текущее состояние ЭС, установить слабые места, наметить скрытые резервы, обнаружить с новых позиций анализа неэффективные/непродуктивные центры ответственности. И в этом смысле подход ЗПЭ/*GRB* представляется достаточно перспективным инструментом предметного анализа в рыночной деятельности ЭС.

3. В отличие от первого подхода методология ССП/*BSC* позволяет при оценивании динамики за более длительный, но сравнительно гомогенный период построенных на базе средних гармонических характеристик разных степеней мультипликаторов как простых, так и взвешенных, рассчитанных по структурированным блокам специализированных показателей официальной статистической и финансовой (бухгалтерской) отчетности, а также иной привлеченной, желательной, надежной релевантной информации по выбранным направлениям научного поиска получать весьма ценные и достоверные результаты вполне самостоятельного рыночного исследования.

В этом случае ССП/*BSC* создает надежные предпосылки не только для достоверного прогнозирования, оперативно-технического планирования и, наконец, внятного контента по стратегированию развития того или иного ЭС, т. е. разработки пакета детализированных оперативных и стратегических планов с использованием как стандартного (общепринятого), так и гибридного сценарного подхода.

4. Слабым звеном расчетных операций системы ССП/*BSC* служит привлекаемая не всегда надежная информация из случайных, а подчас и сомнительных источников данных. Специальные информационные риски (скажем, риск использования неполной, ненадежной или искаженной информации) следует ввести при обращении к экспертным оценкам, которые могут оказаться и вовсе не достоверными, поскольку они, как правило, неизменно представляют собой материалы сугубо субъективного характера. Но природа субъективности экспертных оценок испытывает на себе не только гнет лапидарной вкусовщины, но и постоянно находится под давлением дискретного воздействия постмодернистской информационной политики в медиа-полях.

Направления дальнейших исследований

Совместное применение одновременно обоих рассмотренных инструментов в некоем гибридном варианте позволяет использовать зримые достоинства/преимущества того и другого метода и понизить ощутимые недостатки изолированного их оперирования за счет реализации таких системных свойств, как синергия и эмерджентность. Понимая, что такой способ рассматривания возможностей комплексного анализа нуждается в инструкции для исследователя, автор предусматривает разработать пошаговую методику обращения к такому гибриднему варианту при проведении финансово-экономического анализа объекта значительной структурной размерности за представительный период времени в контексте Индустрии 4.0/5.0 и устойчивого *ESG*-развития экономики с учетом ее текущих научных наработок. В этом случае взятие отдельным исследователем на вооружение подобного аналитического гибрида разумно понизит особые риски достоверного измерения показателей экономической деятельности ЭС.

Литература

1. Белолипецкий В. Г. Закономерности и факторы развития российского хозяйства : лекции для аспирантов. М. : Экономический факультет МГУ ; ТЕИС, 2005. 106 с.

2. Каплан Р. С., Нортон Д. П. Сбалансированная система показателей. От стратегии к действию / пер. с англ. *Balanced Scorecard, BSC*. 3-е изд., испр. и доп. М. : Олимп-Бизнес, 2023. 474 с.
3. Киселев М. Ретроспективный анализ финансового состояния предприятия // Аудит и налогообложение. 2001. № 9. С. 28–41.
4. Ковалев В. В., Ковалев Вит. В. Факторный анализ финансовых результатов деятельности сельскохозяйственных производителей. М. : Проспект, 2014. 880 с.
5. Седов В. С. Роль оборонно-промышленного комплекса в инновационном развитии экономики страны : автореф. дис. ... канд. экон. наук. СПб., 2014. 16 с.
6. Теплова Т. В. Два контура интересов в политике финансового здоровья компании [Электронный ресурс]. URL: <https://clck.ru/QtvsJ> (дата обращения: 15.09.2022).
7. Фардеева А. Р. Обеспечение конкурентоспособности производственных предпринимательских структур на основе сбалансированной системы показателей / под ред. В. П. Попкова. СПб. : Изд-во СПбГЭУ, 2016. 186 с.
8. Федорова Е. В. Методика экономического анализа деятельности организации // Вестник университета управления. 2009. № 31. С. 62–64.
9. Цацулин А. Н. Анализ хозяйственной деятельности предприятий реального сектора экономики и финансовых организаций / Библиотека финансовой аналитики / Изд. 4-е, исправл. и допол. СПб. : ЦНИТ «Астерион», 2022. 506 с.
10. Reichheld F. Winning on Purpose: The unbeatable strategy of loving customers / Harvard Business Review Press, 2021. 288 p.
11. Suchanek A. Business Ethics and the Golden Rule / Discussion paper Nr. 3. Wittenberg-Zentrum für Globale Ethik e.V., 2008. P. 2–10.
12. Tsatsulin A. N., Babkina N. I. The recovery of the banking system as the guarantee of revival of the industrial sectors of the national economy // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth : the 27th IBIMA conference in Milan. 2016. P. 2667–2677.
13. Tversky A., Kahneman D. (1982) Causal schemata in judgements under uncertainty / in Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (Eds.) // Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 462 p.

Об авторе:

Цацулин Александр Николаевич, Санкт-Петербург, Российская Федерация, доктор экономических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования РФ, действительный член Национальной академии туризма, действительный член Европейской академии естественных наук (Ганновер, ФРГ); vash_64@mail.ru

References

1. Belolipetsky V.G. Patterns and factors of development of the Russian economy: lectures for graduate students. Moscow : Faculty of Economics of Moscow State University; TEIS, 2005. 106 p. (in Rus).
2. Kaplan R. S., Norton D.P. Balanced Scorecard. From strategy to action / transl. from English. *Balanced Scorecard, BSC*. 3rd ed., Rev. and additional. Moscow : "Olimp-Business", 2023. 474 p. (in Rus).
3. Kiselev M. Retrospective analysis of the financial condition of the enterprise // Audit and taxation [Audit i nalogooblozhenie]. 2001. N 9. P. 28–41. (in Rus).
4. Kovalev V.V., Kovalev Vit. V. Factor analysis of the financial results of agricultural producers. Moscow : Prospekt, 2014. 880 p. (in Rus).
5. Sedov V.S. The role of the military-industrial complex in the innovative development of the country's economy / Abstract of the thesis. dissertation for the degree of Ph. D. St. Petersburg, 2014. 16 p. (in Rus).
6. Teplova T.V. Two contours of interests in the company's financial health policy [Electronic resource]. URL: <https://clck.ru/QtvsJ> (date of access: 09/15/2022) (in Rus).
7. Fardeeva A.R. Ensuring the competitiveness of industrial business structures based on a balanced scorecard. Ed. V.P. Popkova. St. Petersburg : St. Petersburg State University of Economics, 2016. 186 p. (in Rus).

8. Fedorova E. V. Methods of economic analysis of the organization's activities // Bulletin of the University of Management [Vestnik universiteta upravleniya]. 2009. N 31. P. 62–64. (in Rus).
9. Tsatsulin A. N. Analysis of economic activity of enterprises of the real sector of the economy and financial organizations / Library of financial analytics // 4th ed., corrected. and add. St. Petersburg : Asterion, 2022. 506 p. (in Rus).
10. Reichheld F. Winning on Purpose: The unbeatable strategy of loving customers / Harvard Business Review Press, 2021. 288 p.
11. Suchanek A. Business Ethics and the Golden Rule / Discussion paper Nr. 3. Wittenberg-Zentrum für Globale Ethik e.V/, 2008. P. 2–10.
12. Tsatsulin A. N., Babkina N. I. The recovery of the banking system as the guarantee of revival of the industrial sectors of the national economy // Innovation Management and Education Excellence Vision 2020: from Regional Development Sustainability to Global Economic Growth : the 27th IBIMA conference in Milan. 2016. P. 2667–2677.
13. Tversky A., Kahneman D. (1982) Causal schemata in judgements under uncertainty / in Kahneman D., Slovic P., Tversky A. (Eds.) // Judgment Under Uncertainty: Heuristics and Biases. Cambridge : Cambridge University Press, 1982. 462 p.

About the author:

Alexander N. Tsatsulin, St. Petersburg, Russian Federation, Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, full member of the National Academy of Tourism, full member of the European Academy of Natural Sciences (Hanover, Germany); vash_64@mail.ru

Стратегические подходы к обеспечению технологического суверенитета в энергетической отрасли

Фадеев А. М.^{1, 2, *}, Спиридонов А. А.²

¹Институт экономических проблем им. Г. П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук», г. Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация

²Высшая школа производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *alexfadeev79@gmail.com

РЕФЕРАТ

Введенные секторальные ограничения в отношении российского нефтегазового комплекса, существующие макроэкономические и геополитические вызовы, запрет на работу с российскими предприятиями для западных поставщиков и производителей оборудования, а также необходимость реализации амбициозных энергетических проектов обусловили возникновение технологических вызовов, решение которых во многом повысит энергетическую безопасность России.

В статье рассмотрены стратегические подходы к обеспечению технологического суверенитета в энергетической отрасли. Отдельное внимание уделено развитию российской системы стандартизации на нефтегазовое оборудование и технологии на основе созданного Института нефтегазовых технологических инициатив, в состав которого входят российские и зарубежные нефтегазовые компании. Предложены эффективные формы и методы реализации программ импортозамещения, консолидации отраслевого спроса на нефтегазовое оборудование и технологии, подготовки стандартов и проведения по ним оценок соответствия предприятий, а также возможные варианты международного сотрудничества на основе создания единого правового поля в сфере стандартизации. Выполненное автором исследование позволило сформулировать стратегические приоритеты проведения отечественной технологической политики в нефтегазовом комплексе, направленной на решение актуальных вопросов импортозамещения и обеспечения технологического суверенитета.

Обеспечение технологического суверенитета в энергетической сфере — стратегическая задача, требующая консолидации усилий на государственном, отраслевом и корпоративном уровнях управления.

Ключевые слова: технологический суверенитет, импортозамещение, стандартизация, нефтегазовое оборудование и технологии, институт нефтегазовых технологических инициатив, секторальные ограничения

Для цитирования: Фадеев А. М., Спиридонов А. А. Стратегические подходы к обеспечению технологического суверенитета в энергетической отрасли // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 67–80.

Strategic Approaches to Ensuring Technological Sovereignty in the Energy Sector

Aleksei M. Fadeev^{1,2, *}, Andrey A. Spiridonov²

¹Institute of Economic Problems named after G.P. Luzin of the Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences”, Apatity, Murmansk Region, Russian Federation

²High School of Production Management of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *alexfadeev79@gmail.com

ABSTRACT

This article discusses strategic approaches to ensuring technological sovereignty in the energy industry. Special attention is paid to the development of the Russian standardization system for oil and gas equipment and technologies based on the established Institute of Oil and Gas Technological Initiatives, which includes Russian and foreign oil and gas companies.

Effective forms and methods of implementing import substitution programs, consolidating industry demand for oil and gas equipment and technologies, preparing standards and conducting conformity assessments of enterprises on them, as well as possible options for international cooperation based on the creation of a unified legal field in the field of standardization are proposed. The research carried out by the author made it possible to formulate strategic priorities for the implementation of domestic technological policy in the oil and gas complex, aimed at solving topical issues of import substitution and ensuring technological sovereignty.

Ensuring technological sovereignty in the energy sector is a strategic task that requires consolidation of efforts at the state, industry and corporate levels of management.

Keywords: technological sovereignty, import substitution, standardization, oil and gas equipment and technologies, institute of oil and Gas technological initiatives, sectoral restrictions

For citing: Fadeev A. M., Spiridonov A. A. Strategic Approaches to Ensuring Technological Sovereignty in the Energy Sector // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 67–80.

Введение

Топливо-энергетический комплекс (ТЭК) имеет стратегическое значение для развития российской экономики, в значительной степени определяя рост валового внутреннего продукта (ВВП) и динамику наполнения федерального бюджета. Так, по данным Росстата, в I квартале 2022 г. доля нефтегазового сектора в ВВП России составила более 21%. Примечательно, что в I квартале 2021 г. вклад отрасли в ВВП составлял порядка 17%. Анализ данных Счетной палаты свидетельствует о том, что доля нефтегазовых доходов в общем объеме доходов федерального бюджета в первой половине 2022 г. выросла на 12%, достигнув уровня 45% [1, с. 32].

Стоит отдельно отметить роль российского ТЭК для устойчивости мирового энергетического баланса в целом: вклад российских энергоресурсов в обеспечение энергобезопасности всей планеты трудно переоценить. Исключение российских углеводородов из мирового энергетического баланса приведет к значительному росту цен на энергоносители и может стать причиной развития энергетического кризиса в глобальном масштабе. Именно по этой причине стабильное и эффективное функционирование российской энергетической отрасли имеет важнейшее мировое значение [7, с. 1].

В 2014 г. в отношении Российской Федерации со стороны США и стран Европейского союза были введены секторальные ограничения, распространяющиеся, в том числе, на деятельность российского нефтегазового комплекса и подразумевающие технологическую автаркию российской энергетической отрасли [12, с. 139]. Был введен прямой запрет для западных поставщиков и производителей оборудования на сотрудничество с российскими энергетическими компаниями, а также предприятиями, производящими нефтегазовое оборудование и технологии [6, с. 8]. Один из признанных мировых сертифицирующих органов — Американский институт нефти (API) — начал прекращать процесс проведения оценок соответствия российского нефтегазового оборудования и технологий с выдачей соответствующего сертификата, а позднее и вовсе имели случаи аннулирования (отзыва) ранее выданных сертификационных решений [2, с. 13].

Как ответ на эти вызовы с целью решения задач обеспечения технологической безопасности российские энергетические компании переориентировали часть поставок оборудования с Запада на Восток, а также начали реализовывать собственные программы импортозамещения, направленные на создание отечественных технологических решений. При этом под импортозамещением понимается создание полноценных российских аналогов или локализация лучших зарубежных производств с проведением НИОКР на территории России [4, с. 25].

В основном реализация подобных программ импортозамещения сводилась к диалогу представителей энергетических компаний с потенциальными производителе-

лями оборудования на предмет возможности производства ими пилотных партий отечественных, ранее импортозависимых решений, на основе технических заданий. В случае возможности выпуска пилотных партий импортозамещающей продукции (производство которых часто финансировалось самими производителями оборудования), следовали опытно-промышленные испытания, призванные подтвердить качество выпускаемого оборудования требованиям заказчика. И только после положительной экспертизы качества пилотных партий оборудования, получения документа, подтверждающего прохождение корпоративной системы сертификации, производитель мог рассчитывать на приглашение к участию в тендерных процедурах той или иной энергетической компании, без гарантий в отношении положительного итога проводимых отборов.

Важно отметить, что процедура получения корпоративного сертификата в ряде энергетических компаний могла составлять от нескольких месяцев до года и более. И, самое главное, полученный корпоративный сертификат не являлся универсальным: производитель оборудования имел возможность работы только с той энергетической компанией, с которой он вел переговоры и для которой производилась пилотная партия продукции. Результаты сложных опытно-промышленных испытаний произведенной импортозамещающей продукции, проводимых энергетическими компаниями, не признавались друг другом, требуя от производителей оборудования повторного прохождения всех этапов сертифицирования и подтверждения оценок соответствия в каждой из энергетических компаний, с которыми планировалось наладить сотрудничество.

Отдельные попытки государства консолидировать спрос на нефтегазовое оборудование и технологии со стороны нефтегазовых компаний и наладить масштабное производство импортозамещающей продукции хоть и имели точечный успех, однако не смогли придать процессу системный характер, что сказалось на темпах динамики достижения государством технологического суверенитета (табл. 1).

Таблица 1

Импортозависимость российского ТЭК на период начала реализации программ импортозамещения, 2015

Table 1. Import dependence of the Russian fuel and energy complex for the period of start of import substitution programs implementation, 2015

| Доля импортного оборудования, % | Потребность в новом оборудовании и материалах | Приоритетные направления |
|---|---|---|
| <ul style="list-style-type: none"> • Традиционные месторождения 62%; • месторождения с «трудными» запасами 80%; • СПГ-проекты 80% • шельф 90% | <ul style="list-style-type: none"> • Флотов гидроразрыва пласта — 15 шт./год; • насосов высокого давления — 48 шт./год; • роторных управляемых систем — 150 шт./год; • систем каротажа (наклонно-направленное бурение) — 90 шт./год; • буровых установок для бурения на шельфе — 30 шт. до 2030 г. | <p>СРЕДНЕСРОЧНЫЕ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Технологии гидроразрыва пласта; • технологии наклонно-направленного бурения; • программные средства для бурения и добычи; • разработка трудноизвлекаемых запасов; • интегрированный сервис строительства скважин; • технологии переработки углеводородного сырья; • катализаторы для нефтепереработки и нефтегазохимии; • сжижение природного газа, компрессоры; |

| Доля импортного оборудования, % | Потребность в новом оборудовании и материалах | Приоритетные направления |
|---------------------------------|---|---|
| | | <ul style="list-style-type: none"> • газовые турбины высокой мощности; • насосно-компрессорное оборудование <p>ДОЛГОСРОЧНЫЕ</p> <ul style="list-style-type: none"> • Шельфовые проекты; • гибкие насосно-компрессорные трубы |

Источник: Что изменилось в российском ТЭК за время санкций [Электронный ресурс]. URL: <https://www.vedomosti.ru/business/articles/2017/12/19/745720-rossiiskom-teke> (дата обращения: 25.10.2022).

Если в 2014 г. санкционные ограничения в ТЭК имели все же точечный характер и касались во много отдельных проектов, то начиная с 2022 г. такие ограничения распространились уже на всю энергетическую отрасль. Именно по этой причине обеспечение технологического суверенитета и снабженческой безопасности предприятий, входящих в ТЭК, является стратегической задачей государства.

Особенно критичным такое положение дел является в контексте выбранного государством курса¹, направленного на масштабное освоение углеводородных и минерально-сырьевых ресурсов Арктической зоны Российской Федерации [10, с. 80].

Очевидно, что для решения такой государственной задачи требуется стратегический подход, основанный на конкурентных преимуществах российских энергети-

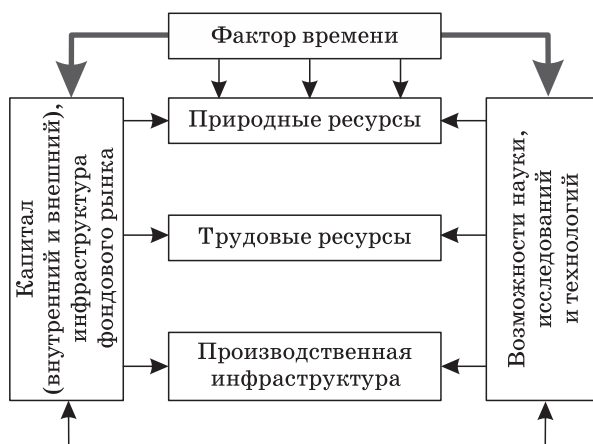


Рис. 1. Основные стратегические факторы экономического развития
 Fig. 1. Key strategic drivers of economic development

Источник: [5, с. 42].

¹ Указ «О Стратегии развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности на период до 2035 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/J8FhckYOPAQQfxN6Xlt6ti6XzpTVAvQy.pdf> (дата обращения: 15.03.2023).

ческих компаний, отечественной промышленности и органов государственной власти и управления [11, с. 4].

Материалы и методы

Эффективная реализация программ, направленных на обеспечение технологического суверенитета, требует четко выверенной стратегии. В соответствии с методологией стратегирования академика РАН В. Л. Квинта, разрабатываемая стратегия должна базироваться на конкурентных преимуществах рассматриваемой системы, с обязательной оценкой ресурсной ограниченности.

В. Л. Квинт определяет стратегию как «результат системного анализа среды, существующих прогнозов будущих условий на основе стратегического мышления, глубоких знаний и интуиции. Конечным продуктом этого анализа является формализованная стратегия, сочетающая предшествующий ей новый прогноз, миссию, видение, приоритеты и долгосрочные цели и задачи с детальным сценарием, требующим осуществления через реализацию плана с использованием системы стратегического мониторинга его законопослушной реализации» [5, с. 42].

Разработку эффективных стратегических подходов к обеспечению технологического суверенитета энергетической отрасли необходимо начинать с анализа внутренней среды. Данный этап должен включать в себя оценку технологических и научных ресурсов объекта стратегирования, оценку их взаимосвязи с существующими технологическими трендами в отрасли, оценку существующих возможностей и угроз, оценку образовательного уровня, подготовленности сотрудников с позиций использования новых научно-технологических преимуществ (рис. 1).

Приоритетная задача данного этапа — определение уникальных технологических преимуществ рассматриваемого объекта, позволяющие предопределить успех в кон-

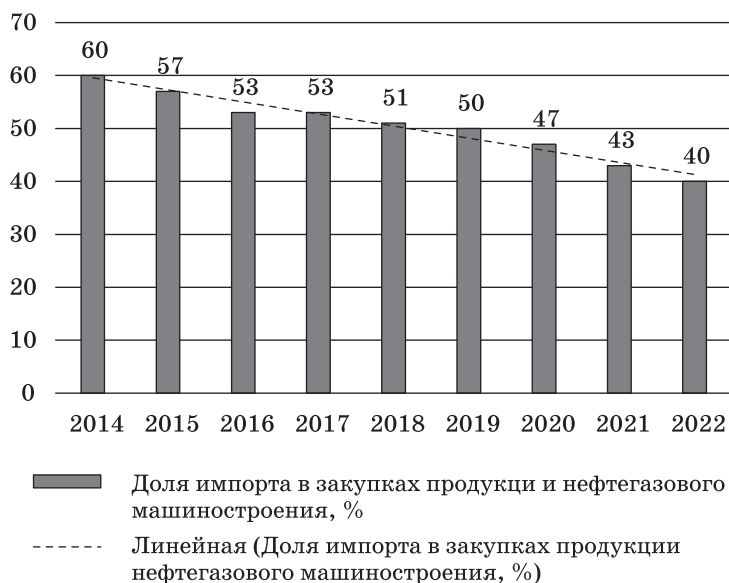


Рис. 2. Динамика изменения доли импорта в закупках нефтегазового машиностроения (2014–2022)

Fig. 2. Changes in the share of imports in purchases of oil and gas engineering (2014–2022)

курентной борьбе. Далее необходимо оценить существующие производственные мощности и существующую инфраструктуру (научно-технологическую, производственную и социальную). Человеческий капитал и природные ресурсы являются последними базовыми экономическими факторами, оцениваемыми на стратегируемый период. Такой порядок оценки свидетельствует о том, что наиболее важным фактором специфичного прогноза являются технологии, способные оказать влияние на остальные экономические факторы внутренней среды объекта.

С целью возможности реализации стратегии развития эффективных подходов в сфере импортозамещения, необходимо выявить основные конкурентные преимущества, на базе которых будет возможным сформировать цели и задачи с детальным сценарием, а также осуществить реализацию плана.

Безусловно, важнейшими конкурентными преимуществами российской промышленности и нефтегазовой отрасли в частности являются:

- значительная ресурсная база углеводородов;
- высокое качество производимой продукции и технологий;
- адаптивность к изменяющимся условиям и возможность диверсификации производимой продукции;
- обширный опыт реализации технологически сложных проектов, в том числе в суровых климатических условиях;
- значительный научный потенциал проектных институтов (накопленный еще с советских времен);
- развитая система отраслевых и профессиональных сообществ в энергетической сфере;
- высокий кадровый и инженерный потенциал;
- оперативность принятия решений в большинстве российских компаний.

Таким образом, проведенный анализ показывает значительный потенциал российской промышленности и нефтегазовой отрасли для реализации государством собственных программ импортонезависимости [3, с. 22].

Результаты

В настоящее время зависимость топливно-энергетического комплекса (ТЭК) от импорта составляет порядка 40% (рис. 2), при этом Президент России обозначил задачу сокращения этого показателя вдвое уже к 2025 г. (для справки: в 2015 г. зависимость от импорта оценивалась на уровне 60%) [7, с. 2].

Рост данного показателя импортонезависимости от года к году выступает гарантом технологического суверенитета в ТЭК, содействуя в формировании благоприятного инвестиционного климата, создании новых рабочих мест, стимулируя технологическое и экономическое развитие отрасли в целом [8, с. 91].

С целью эффективной реализации программы импортозамещения, необходимо оказание системных мер поддержки на каждом этапе создания импортозамещающей продукции: выполнение научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), продвижение созданных решение на рынок, последующее масштабирование производства, а также возможный экспорт. Каждый из перечисленных этапов имеет свое важное значение в общей реализации программ импортозамещения и требует отдельного внимания со стороны органов государственной власти. Стоит отметить и конкретные шаги в этих направлениях [13, с. 135].

Так, стимулирование проведения НИОКР в ТЭК обеспечивается за счет субсидирования затрат на их проведение (Постановление Правительства РФ от 12.12.2019 № 1649), а также посредством субсидирования разработки конструкторской документации (Постановление Правительства РФ от 18.02.2022 № 208).

В соответствии с данными Минпромторга РФ, субсидирование разработки импортозамещающего оборудования уже осуществляется по большому количеству ключевых направлений отрасли — развитие подводной добычи углеводородных ресурсов (11 проектов на общую сумму 3,4 млрд руб.), организация геологоразведки на шельфе (14 проектов на общую сумму около 3,5 млрд руб.), производство сжижения природного газа (16 проектов на 4,7 млрд руб.), а также общая добыча нефти и газа (более 15 проектов на более чем 6 млрд руб.). Планируется также оказание поддержки и по другим направлениям — сжижение природного газа и водородная энергетика.

Оказание мер поддержки в рамках проводимых НИОКР (прежде всего по стратегическим направлениям) также может осуществляться посредством адресных постановлений и распоряжений Правительства РФ. Такую поддержку уже получили проекты, направленные на создание оборудования для гидравлического разрыва пласта (ГРП), а также газовых турбин большой мощности.

Среди мер поддержки развития инжиниринга стоит отметить возможность выделения государством субсидирования разработки конструкторской документации. Так, в 2022 г. в части инжиниринга по стартовавшему в этом году механизму Минпромторгом России было поддержано 12 проектов в сфере нефтегазового машиностроения, а также 11 проектов в области энергетического машиностроения на общую сумму около 1,4 млрд руб. [7, с. 3].

Постановление Правительства РФ от 25.05.2017 № 634 позволяет оказать поддержку выпуску первого опытного образца через механизм субсидирования части затрат на производство и реализацию пилотных партий. Важно отметить, что данный механизм уже позволил поддержать более 50 проектов в сфере нефтегазового и энергетического машиностроения. Поддержка этапа «масштабирование производства» может осуществляться посредством предоставления налоговых льгот, льготным кредитованием российских предприятий, а также стимулированием спроса на отечественную продукцию.

Стимулирование потребления российского оборудования также может осуществляться за счет частичной компенсации затрат на приобретение отечественных решений. Так, подобный подход доказал свою эффективность при обновлении парка буровых установок: указанный механизм позволил частично компенсировать затраты шести отечественных буровых компаний на сумму порядка 1,2 млрд руб. на приобретение отечественных решений, что способствовало производству 12 единиц оборудования на сумму около 8 млрд руб.

Что касается этапа экспорта, то в настоящее время поддержка возможна посредством льготного кредитования, субсидирования транспортных затрат, а также расходов на омологацию (усовершенствование объекта, улучшение технических характеристик с целью соответствия товара каким-либо стандартам или требованиям страны-потребителя товара, получения согласования от официальной организации) и сертификацию.

Говоря о возможных направлениях поддержки российских предприятий в будущем, стоит отметить возможность финансовой поддержки научных команд и небольших коллективов при реализации инновационных проектов, активное стимулирование применения отечественной продукции в закупочных процедурах государственных и частных компаний ТЭКа.

В настоящее время разработан План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации на период до 2024 г. (утвержден Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 2362). План предусматривает установление целевых долей импортозамещенной продукции по следующим направлениям (табл. 2).

Планы по импортозамещению нефтегазового оборудования на период до 2024 г.
 Table 2. Plans for import substitution of oil and gas equipment for the period up to 2024

| № | Наименование продукции | Доля отечественной продукции до реализации планов импортозамещения, % | Доля отечественной продукции до 2024 г., % | Ежегодный спрос на продукцию, млн руб. |
|----|--|---|--|--|
| 1 | Технологии, техника и сервис эксплуатации скважин, увеличение нефтеотдачи | 24% | 41% | 93 234,00 |
| 2 | Техника и технологии бурения наклонно-направленных, горизонтальных и многозабойных скважин | 15% | 31% | 59 980,00 |
| 3 | Программные средства для процессов геологоразведки, бурения, добычи, транспортировки и переработки углеводородного сырья | 10% | 30% | 2100,00 |
| 4 | Технологии сжижения природного газа (СПГ) | 12% | 35% | 55 632,00 |
| 5 | Технологии переработки углеводородного сырья | 27% | 45% | 16 770,00 |
| 6 | Технологии производства катализаторов и присадок для нефтеперерабатывающих производств и нефтехимии | 13% | 29% | 9200,00 |
| 7 | Технологии и оборудование, используемое для реализации шельфовых проектов | 5% | 21% | 45 000,00 |
| 8 | Технологии и оборудование для транспортировки нефти и газа | 24% | 45% | 18 480,00 |
| 9 | Технологии и оборудование для геологоразведки | 8% | 27% | 12 700,00 |
| 10 | Технологии и оборудование для получения газов | 6% | 24% | 4000,00 |
| 11 | Технологии и оборудование для пожаротушения морских нефтегазовых сооружений | 11% | 26% | 9500,00 |
| 12 | Средства производства, используемые в рамках процессов изготовления продукции нефтегазового машиностроения | 26% | 35% | 14 070,00 |
| | Итого: | | | 340 666,00 |

Источник: План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации на период до 2024 г., утвержденный Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 2362.

Таким образом, объем рынка нефтегазового оборудования в размере, превышающем 340 млрд рублей, в настоящее время покрывается в среднем на 15% отечественным производством, что в денежном соотношении равняется 51 млрд руб., а к 2024 г. планируется увеличение этой цифры до 32%, что в денежном соотношении равняется 109 млрд. руб.¹

Обсуждение

Анализ рынка закупаемых материально-технических ресурсов и технологий в нефтегазовой отрасли позволяет сделать вывод о том, что несмотря на существующие положительные изменения в снижении зависимости от импорта нефтегазового оборудования и иных видов продукции, значительная часть рынка нефтегазового машиностроения по-прежнему остается импортозависимой. Такая ситуация обуславливается нехваткой ресурсов, а также необходимых компетенций и уникальных технологий производства высокотехнологичной продукции.

Одним из результатов реализации стратегических подходов к развитию российской системы стандартизации на основе конкурентных преимуществ отечественной промышленности стало создание в 2020 г. автономной некоммерческой организации «Институт нефтегазовых технологических инициатив» (ИНТИ), объединившего энергетические корпорации, производителей оборудования, лицензиаров, а также ЕРС-подрядчиков.

Главной целью ИНТИ является разработка и утверждение единых отраслевых требований (стандартов) на нефтегазовое оборудование и технологии, подтверждение качества оборудования и технологий аудитами и испытаниями, а также формирование базы данных проверенной продукции и технологий.

Учредителями Института выступили четыре нефтегазовых компании России — «Газпром», «Газпром нефть», «Татнефть» и «Сибур». Инициатива создания Института, консолидирующего усилия по созданию единой системы стандартизации, была неоднократно представлена Президенту РФ В. В. Путину, и после соответствующих поручений, еще девять нефтегазовых компаний России присоединились к деятельности Института нефтегазовых технологических инициатив, получив статус наблюдателей. Участникам проекта ИНТИ было поручено консолидировать ресурсы в сфере импортозамещения и обеспечить скорейший переход на единую систему стандартизации и проведения оценок соответствия в энергетической сфере.

Перед Институтом нефтегазовых технологических инициатив учредители сформулировали весьма амбициозные цели. Так, до 2025 г. ожидается разработка и утверждение не менее 500 отраслевых стандартов на нефтегазовое оборудование и технологии. Для достижения этой цели необходимо привлечение из отраслевого и профессионального сообществ более пяти тысяч специалистов по стандартизации, а количество проведенных оценок соответствия должно превысить 3000.

Институт нефтегазовых технологических инициатив в 2020 г. был представлен действующему на тот момент генеральному секретарю организации стран-экспортеров нефти «ОПЕК» Мохаммеду Баркиндо и получил высокую оценку деятельности. Данное обстоятельство положило начало международной экспансии Института, в составе которого, на сегодняшний день, семь зарубежных энергетических компаний: четыре из стран соглашения «Опек +» — Kuwait Petroleum Corporation (Кувейт), ADNOC (ОАЭ), Sonangol (Ангола) и Sonatrach (Алжир). Кроме того, в состав ИНТИ входят три компа-

¹ План мероприятий по импортозамещению в отрасли нефтегазового машиностроения Российской Федерации на период до 2024 г., утвержденный Приказом Министерства промышленности и торговли Российской Федерации от 30 июня 2021 г. № 2362.

нии из стран СНГ — Узбекнефтегаз (Узбекистан), SOCAR (Азербайджан), а также КазМунайГаз (Казахстан).

Наличие в составе Института нефтегазовых технологических инициатив зарубежных компаний дает уникальную возможность работы не только на российском нефтегазовом рынке, но и выход на высокотехнологичный рынок нефтегазового сервиса Ближнего Востока без необходимости дополнительного/повторного подтверждения оценки соответствия.

ИНТИ предлагает обоюдные выгоды как для энергетических компаний, так и для производителей оборудования. Для производителей оборудования данные выгоды заключаются в унификации требований заказчиков, уменьшении себестоимости производства, помощи с подтверждением соответствия, признании результатов испытаний потребителями и продвижении продуктов.

Для энергетических компаний выгоды от сотрудничества с Институтом нефтегазовых технологических инициатив могут заключаться в развитии компетенций и обмене опытом, технологическом развитии, снижении санкционных рисков, расширении пула поставщиков и их развитие, снижении затрат на аудиты и стоимости потребляемых решений.

Важно, что вся деятельность ИНТИ переведена в цифровой формат. На сайте Института размещена цифровая платформа, на которой организуется эффективный диалог между энергетическими корпорациями, инжиниринговыми компаниями и производителями оборудования. Сотрудничество производителей оборудования и конечных потребителей, посредством разработки единых стандартов ИНТИ и проведения оценки соответствия по ним, позволяет эффективно и быстро развивать технологии и оборудование отечественных производителей и разработчиков на внутренних и внешних рынках.

Сегодня Институт приглашает всех заинтересованных производителей оборудования принять участие в разработке, утверждении стандартов. Во многом и это является беспрецедентным фактом и прямым эффективным инструментом импортозамещения, позволяющим самим производителям и энергетическим компаниям вместе определять «правила игры».

Если же стандарт на производимое оборудование уже существует, то для производителей открывается возможность прохождения оценки соответствия этому стандарту, который и позволяет беспрепятственно работать сразу со всеми энергетическими компаниями, которые присоединились к Институту нефтегазовых технологических инициатив.

В перспективе в России может быть создан полноценный аналог Американского института нефти (API), что обеспечит формирование условий для ускоренного и безбарьерного внедрения продукции и технологий (включая инновационные и импортозамещающее) отечественных производителей нефтегазового оборудования и разработчиков в производственную деятельность нефтегазовых компаний.

Вся работа ИНТИ переведена в цифровой режим, что полностью соответствует трендам цифровой трансформации нефтегазового комплекса [18, с. 205]. На электронном ресурсе Института (<https://inti.expert/>) размещена цифровая платформа, включающая три основных цифровых сервиса, обеспечивающих выполнение описанных ранее задач Института¹:

- **INTI Docs** — раздел, посвященный разработке и утверждению отраслевых стандартов;
- **INTI Quality** — раздел, посвященный оценке соответствия и проведению испытаний оборудования и материалов;

¹ Официальный сайт Института нефтегазовых технологических инициатив [Электронный ресурс]. URL: <https://inti.expert/> (дата обращения: 15.03.2023).

- **INTI Insights** — раздел, представляющий формирующуюся базу данных локального оборудования, соответствующего стандартам ИНТИ. Предназначена для конечных потребителей оборудования (энергетические компании, ЕРС-подрядчики, лицензиары). Данный сервис позволяет найти необходимое оборудование и получить доступ к отчетам по итогам оценки соответствия.

Выводы

Решение задач обеспечения технологической независимости в энергетической сфере — государственная задача, которая не может определяться одними лишь законами рыночной экономики. Необходимо формирование такой модели государственного управления, которая будет основана на совместной работе государства, энергетических компаний и отечественной промышленности с активным вовлечением субъектов малого и среднего предпринимательства как важнейших элементов производственной цепочки¹.

Формирование единой отечественной системы стандартизации на нефтегазовое оборудование и технологии будет способствовать скорейшему внедрению в закупочную деятельность энергетических компаний инновационной и импортозамещающей продукции и технологий российских производителей, повышению их доли в крупнейших инвестиционных проектах и операционной деятельности энергетических компаний, а также повышению конкурентоспособности локальных производителей оборудования и технологий [16, с. 47].

Международное сотрудничество в технологической сфере может и должно использоваться в интересах Российской Федерации. Опыт зарубежных стран, например, таких как Норвегия, убедительно показывает, что международное сотрудничество при реализации энергетических проектов может выступать катализатором экономического и технологического развития как отдельных предприятий и отраслей, так и государства в целом [19, с. 5]. И в этом смысле лучшие зарубежные практики к обеспечению технологической независимости могут быть спроецированы на современные российские условия [17, с. 2].

Для этих целей необходима политическая воля, готовность энергетических компаний к прямому диалогу с отечественными производителями оборудования и технологий и желание представителей промышленности сотрудничать в сфере создания импортонезависимых решений для энергетической отрасли.

Сегодня для достижения поставленных задач со стороны государства активно выделяются субсидии, создаются новые продукты в рамках развивающихся проектов, в том числе в сфере сжижения газа [15, с. 68], гидроразрыва пласта, подводной добычи и так далее. Однако значительная часть усилий государства, энергетических компаний и промышленности должна быть сосредоточена в сфере формирования единого правового поля в вопросах стандартизации нефтегазового оборудования и технологий. Развитие единых отраслевых стандартов — еще один шаг к безопасной реализации масштабных энергетических проектов [14, с. 38] как с точки зрения технологий, так и с точки зрения обеспечения промышленной и экологической безопасности [20, с. 3], а также выполнения крупномасштабных транспортно-логистических задач [21, с. 851].

Обеспечение технологического суверенитета — стратегическая государственная задача, требующая консолидации усилий на всех уровнях управления энергетической отрасли России [9, с. 22].

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027> (дата обращения: 15.03.2023).

Литература

1. Голубцова М. В. Импортозамещение в нефтегазовом комплексе как приоритет государственной политики РФ в условиях секторальных ограничений // Конференция «Актуальные вопросы развития экономики и права». 2023. С. 30–35.
2. Голубцова М. В., Фадеев А. М. Вовлечение малого и среднего предпринимательства в нефтегазовые проекты в Арктическом регионе // Сборник статей Международной научно-практической конференции «Международный форум молодых исследователей», 2020. С. 11–27.
3. Импортозамещение в нефтегазовой отрасли 2020 // Дайджест «Нефтегаз». 2020. № 14. 24 с. [Электронный ресурс]. URL: http://oilandgasforum.ru/data/files/web14_1.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
4. Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Экономическая политика импортозамещения: институциональные условия и императивы эффективности // Journal of economic regulation (Вопросы регулирования экономики). 2017. Т. 8, № 1 [Электронный ресурс]. URL: http://hjournal.ru/files/JER_8_1/JER_8_1_6.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
5. Квинт В. Л. Концепция стратегирования. Т. I. СПб. : СЗИУ РАНХиГС, 2019. 132 с.
6. Козлова Е. И., Соболева Д. В. Политика импортозамещения: понятие, методика анализа и основные направления совершенствования [Электронный ресурс] // Вектор экономики (электронный научный журнал). 2019. № 11. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/11/worldeconomy/Kozlova_Soboleva.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
7. Кузнецов М. В. Мы не можем быть постоянно в роли догоняющих // Энергетика и промышленность России. № 23–24 (451–452). Декабрь 2022 г. // WWW.EPRUSSIA.RU — информационный портал энергетика [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/451-452/652303.htm?ysclid=lfjrpjq0q5932710512> (дата обращения: 15.03.2023).
8. Макаров А. Н. Импортозамещение как инструмент индустриализации экономики региона. Инновационный аспект. На примере Нижегородской области // Инновации. 2011. № 5. С. 90–93.
9. Новак А. Окно возможностей для России // Нефтегазовая вертикаль. 2018. № 1. С. 20–26.
10. Ромашева Н. В., Бабенко М. А., Николайчук Л. А. Устойчивое развитие Арктического региона России: экологические проблемы и пути их решения // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2022. № 10–2. С. 78–87.
11. Семькин В. А., Сафронов В. В., Терехов В. П. Импортозамещение как эффективный инструмент оптимального развития рыночной экономики // Вестник Курской государственной сельскохозяйственной академии. 2014. № 7. С. 2–7.
12. Саитова А. А., Ильинский А. А., Фадеев А. М. Сценарии развития нефтегазовых компаний России в условиях международных экономических санкций и декарбонизации энергетики // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2022. Т. 25, № 3. С. 134–144.
13. Соколова О. Ю. Импортозамещение как стратегия промышленной политики // Экономика. 2017. № 1 (41). С. 130–138.
14. Спиридонов А. А., Фадеев А. М. Стратегическое управление рисками освоения арктических шельфовых месторождений // Экономика промышленности. 2022. Т. 15. № 1. С. 36–48.
15. Татаренко В. И., Робинсон Б. В., Ляпина О. П., Усикова О. В. Российские СПГ-проекты: история, современность, перспективы // Интерэкспо Гео-Сибирь. 2018. № 1 (3). С. 61–74.
16. Цыгляну П. П., Ромашева Н. В., Фадеева М. Л. и др. Инжиниринговые проекты в топливно-энергетическом комплексе России: актуальные проблемы, факторы и рекомендации по развитию // Уголь. 2023. № 3. С. 45–51.
17. Emerson A. J., Jabbie M. N. Import substitution industrialization (ISI): an approach to global economic sustainability industry, innovation & infrastructure // Encyclopedia of the un sustainable development goals. Original Publication in Springer Nature, Cham. 2020 [Электронный ресурс]. URL: https://mpr.a.ub.uni-muenchen.de/102316/1/MPRA_paper_102316.pdf (дата обращения: 15.03.2023).
18. Katysheva E., Tsvetkova A. Economic and institutional problems of the Russian oil and gas complex digital transformation. International Multidisciplinary Scientific Geo Conference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM. 2019. Vol. 19. Is. 5.3. P. 203–208. DOI: 10.5593/sgem2019/5.3/S21.026.
19. Romasheva N., Dmitrieva D. Energy Resources Exploitation in the Russian Arctic: Challenges and Prospects for the Sustainable Development of the Ecosystem. Energies 2021, 14, 8300. DOI: 10.3390/en14248300.

20. Tsvetkova A., Katysheva E. Ecological and economic efficiency evaluation of sustainable use of mineral raw materials in modern conditions. *International Multidisciplinary Scientific Geo Conference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. 2017. Vol. 17. Is. 53. P. 259–266. DOI: 10.5593/sgem2017/53/S21.030.
21. Tsvetkova A. Human actions in supply chain management: the interplay of institutional work and institutional logics in the Russian Arctic. *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*, Vol. 51. N 8. P. 837–858. DOI: 10.1108/IJPDLM-09-2019-0277.

Об авторах:

Фадеев Алексей Михайлович, главный научный сотрудник отдела экономической политики, морской и хозяйственной деятельности в Арктике и районах Крайнего Севера Института экономических проблем им. Г. П. Лузина Федерального исследовательского центра «Кольский научный центр Российской академии наук» (г. Апатиты, Мурманская область, Российская Федерация), профессор Высшей школы производственного менеджмента Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук; alexfadeev79@gmail.com

Спиридонов Андрей Алексеевич, аспирант Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); ispbandreii@gmail.com

References

1. Golubtsova M.V. Import substitution in the oil and gas complex as a priority of the state policy of the Russian Federation in conditions of sectoral restrictions // *Conference Topical issues of economic and legal development*. 2023. P. 30–35 (in Rus).
2. Golubtsova M.V., Fadeev A.M. Involvement of small and medium-sized businesses in oil and gas projects in the Arctic region // *Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference "International Forum of Young Researchers"*, 2020. P. 11–27 (in Rus).
3. Import substitution in the oil and gas industry 2020 // *Digest of "Neftegaz"*. 2020. N 14. 24 p. [Electronic source]. URL: http://oilandgasforum.ru/data/files/web14_1.pdf (accessed: 15.03.2023) (in Rus).
4. Ishchenko-Padukova O.A., Movchan I.V. Economic policy of import substitution: institutional conditions and imperatives of efficiency // *Journal of Economic Regulation (Issues of Economic Regulation)*. 2017. Vol. 8, N 1 [Electronic source]. URL: http://hjournal.ru/files/JER_8_1/JER_8_1_6.pdf (accessed: 15.03.2023) (in Rus).
5. Kvint V.L. The concept of strategizing. Vol. I. St. Petersburg: RANEPА, 2019. 132 p. (in Rus).
6. Kozlova E.I., Soboleva D.V. Import substitution policy: the concept, methodology of analysis and the main directions of improvement // *Vector of economics: electronic scientific journal*. 2019. N 11 [Electronic source]. URL: http://www.vectoreconomy.ru/images/publications/2019/11/worldeconomy/Kozlova_Soboleva.pdf (accessed: 15.03.2023) (in Rus).
7. Kuznetsov M.V. We cannot be constantly in the role of catching up // *Energy and industry of Russia*. N 23–24 (451–452). December 2022 // WWW.EPRUSSIA.EN — energy information portal [Electronic source]. URL: <https://www.eprussia.ru/epr/451-452/652303.htm?ysclid=lfjppjq0q5932710512> (in Rus).
8. Makarov A.N. Import substitution as a tool for the industrialization of the region's economy. Innovative aspect. On the example of the Nizhny Novgorod region // *Innovations*. 2011. N 5. P. 90–93 (in Rus).
9. Novak A. Window of opportunity for Russia // *Oil and gas vertical*. 2018. N 1. P. 20–26 (in Rus).
10. Romasheva N. V., Babenko M. A., Nikolaichuk L. A. Sustainable development of the Arctic region of Russia: environmental problems and ways to solve them // *Mining information and analytical Bulletin*. 2022. N 10–2. P. 78–87 (in Rus).
11. Semykin V.A., Safronov V.V., Terekhov V.P. Import substitution as an effective tool for optimal development of the market economy // *Bulletin of the Kursk State Agricultural Academy*. 2014. N 7. P. 2–7 (in Rus).
12. Saitova A. A., Ilyinsky A. A., Fadeev A. M. Scenarios for the development of Russian oil and gas companies in the context of international economic sanctions and decarbonization of energy // *NORTH and MARKET: formation of economic order*. 2022. Vol. 25. N 3. P. 134–144 (in Rus).

13. Sokolova O.Yu. Import substitution as an industrial policy strategy // *Economy*. 2017. № 1 (41). P. 130–138 (in Rus).
14. Spiridonov A. A., Fadeev A. M. Strategic risk management for the development of Arctic offshore fields // *Industrial economics*. 2022. Vol. 15. N 1. P. 36–48 (in Rus).
15. Tatarenko V. I., Robinson B. V., Lyapina O. P., Usikova O. V. Russian LNG projects: history, modernity, prospects // *Interexpo Geo-Siberia*. 2018. N 1 (3). P. 61–74 (in Rus).
16. Tsyglanu P. P., Romasheva N. V., Fadeeva M. L. etc. Engineering projects in the fuel and energy complex of Russia: actual problems, factors and recommendations for development // *Coal*. 2023. N 3. P. 45–51 (in Rus).
17. Emerson A. J., Jabbie M. N. Import substitution industrialization (ISI): an approach to global economic sustainability industry, innovation & infrastructure // *Encyclopedia of the un sustainable development goals*. Original Publication in Springer Nature, Cham. 2020 [Electronic source]. URL: https://mpr.ub.uni-muenchen.de/102316/1/MPRA_paper_102316.pdf (accessed: 15.03.2023).
18. Katysheva E., Tsvetkova A. Economic and institutional problems of the Russian oil and gas complex digital transformation. *International Multidisciplinary Scientific Geo Conference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. 2019. Vol. 19. Is. 5.3. P. 203–208. DOI: 10.5593/sgem2019/5.3/S21.026.
19. Romasheva N., Dmitrieva D. Energy Resources Exploitation in the Russian Arctic: Challenges and Prospects for the Sustainable Development of the Ecosystem. *Energies* 2021, 14, 8300. DOI: 10.3390/en14248300.
20. Tsvetkova A., Katysheva E. Ecological and economic efficiency evaluation of sustainable use of mineral raw materials in modern conditions. *International Multidisciplinary Scientific Geo Conference Surveying Geology and Mining Ecology Management, SGEM*. 2017. Vol. 17. Is. 53. P. 259–266. DOI: 10.5593/sgem2017/53/S21.030.
21. Tsvetkova A. Human actions in supply chain management: the interplay of institutional work and institutional logics in the Russian Arctic. *International Journal of Physical Distribution & Logistics Management*, Vol. 51. N 8. P. 837–858. DOI: 10.1108/IJPDLM-09-2019-0277.

About the authors:

Alexei M. Fadeev, Chief Researcher of the Department of Economic Policy, Marine and Economic Activities in the Arctic and the Far North of the Luzin Institute of Economic Problems of the Federal Research Center “Kola Scientific Center of the Russian Academy of Sciences” (Apatity, Murmansk Region, Russian Federation), Professor of the Higher School of Industrial Management of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Economics; alexfadeev79@gmail.com

Andrey A. Spiridonov, Graduate Student of St. Petersburg Polytechnic University Peter the Great (St. Petersburg, Russian Federation); ispbandre1@gmail.com

Современный российский руководитель в представлениях государственных служащих

*Селезнева Е. В. *, Демидов С. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *selezneva-ev@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье анализируются результаты исследования содержания и структуры представлений государственных служащих о наиболее характерных личностных и деятельностных свойствах современных российских руководителей. Актуальность исследования определяется, с одной стороны, требованиями современной практики управления к структуре личностных и деятельностных характеристик руководителей на всех уровнях и в любой сфере, а с другой стороны, значимостью социальных представлений как субъективных факторов формирования отношений участников управленческих взаимодействий и повышения продуктивности их совместной деятельности.

В качестве диагностического инструмента использовался опросник, построенный на методе свободных описаний. При обработке полученных данных применялся контент-анализ и комплекс статистических методов. Выделенные с помощью контент-анализа понятия описывают личностные и деятельностные свойства руководителя, которые выступают как субъективные факторы, способствующие или препятствующие реализации функций руководителя как субъекта управления. Анализ и обобщение результатов исследования позволили получить психологический портрет современного российского руководителя с позиции государственных служащих. Показано, что наиболее характерными для современного российского руководителя в представлении участников исследования являются личностные и деятельностные свойства, относящиеся к сферам целеполагания и целедостижения, общения и взаимодействия и субъектности.

Описана иерархически организованная структура представлений государственных служащих о наиболее характерных личностных и деятельностных свойствах современных российских руководителей. Установлено, что ядро представлений включает семь характеристик современного российского руководителя (целеустремленность, компетентность, образованность, ответственность, способность брать на себя функцию лидера, решительность, коммуникабельность), которые дополняются личностными и деятельностными свойствами, вошедшими в полупериферию представлений (авторитарность, доброжелательность, харизматичность, справедливость, активность, уверенность в себе, стрессоустойчивость, требовательность, честность). Показано также, что часть периферии представлений участников исследования составляют личностные и деятельностные характеристики, во многом противоречащие тем, которые вошли в ядро и полупериферию. Практическая значимость исследования связана с тем, что выявление содержания и структуры представлений о наиболее характерных личностных и деятельностных свойствах современных российских руководителей открывает большие прогностические возможности для использования в рамках кадровой работы, а также в процессе индивидуального консультирования кадров управления и психологического сопровождения их профессиональной деятельности.

Ключевые слова: руководитель, современный российский руководитель, личностные качества, особенности поведения, государственные служащие, социальные представления

Для цитирования: Селезнева Е. В., Демидов С. А. Современный российский руководитель в представлениях государственных служащих // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 81–95.

The Modern Russian Leader in the Representations of Civil Servants

*Elena V. Selezneva**, *Stanislav A. Demidov*

Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation; *selezneva-ev@ranepa.ru

ABSTRACT

The article analyzes the results of the study of the content and structure of public servants' representations about the most characteristic personal and activity properties of modern Russian leaders. The relevance of the research is determined, on the one hand, by the requirements of modern management practice to the structure of personal and activity characteristics of managers at all levels and in any field, and on the other hand, by the significance of social representations as subjective factors in the formation of relations between participants in managerial interactions and increasing the productivity of their joint activities. A questionnaire based on the method of free descriptions was used as a diagnostic tool. When processing the received data, content analysis and a set of statistical methods were used. The concepts identified with the help of content analysis describe the personal and activity properties of the head, which act as subjective factors that contribute to or hinder the implementation of the functions of the head as a subject of management. The analysis and generalization of the research results made it possible to obtain a psychological portrait of a modern Russian leader from the position of civil servants. It is shown that the most characteristic for the modern Russian leader in the view of the study participants are personal and activity properties related to the spheres of goal-setting and goal-attainment, communication and interaction and subjectivity. The hierarchically organized structure of representations of civil servants about the most characteristic personal and activity properties of modern Russian leaders is described. It is established that the core of ideas includes seven characteristics of a modern Russian leader (purposefulness, competence, education, responsibility, ability to assume the function of a leader, determination, sociability), which are complemented by personal and activity properties included in the semi-periphery of ideas (authoritarianism, benevolence, charisma, fairness, activity, self-confidence, stress tolerance, demanding, honest). It is also shown that part of the periphery of the ideas of the study participants are personal and activity characteristics, which largely contradict those that entered the core and semi-periphery. The practical significance of the research is connected with the fact that the identification of the content and structure of ideas about the most characteristic personal and activity properties of modern Russian leaders opens up great prognostic opportunities for use in the framework of personnel work, as well as in the process of individual counseling of management personnel and psychological support of their professional activities.

Keywords: leader, modern Russian leader, personal qualities, behavioral characteristics, civil servants, social representations

For citing: Selezneva E. V., Demidov S. A. The Modern Russian Leader in the Representations of Civil Servants // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 81–95.

Введение

Качество политических, экономических, социальных и культурных изменений в современном российском обществе в значительной степени определяется качеством управления как на уровне государства в целом, так и на уровне отдельных регионов, отраслей, предприятий и организаций. А так как функции управления реализуются в управленческой деятельности, можно утверждать, что одним из факторов, определяющих эффективность и результативность развития нашей страны, является качество деятельности руководителей на всех уровнях и во всех сферах управления. В свою очередь, качество деятельности руководителей обусловлено уровнем их профессиональных знаний, сформированностью тех или иных умений и навыков

и выраженностью определенных личностных свойств, т. е. уровнем их управленческого потенциала.

В целом набор входящих в содержание управленческого потенциала личностных и деятельностных свойств задается требованиями управленческой деятельности и является достаточно устойчивым. Однако в разное время и в разных социокультурных, экономических и политических контекстах при оценке эффективности деятельности руководителя на первый план по значимости выходят разные личностные и деятельностные свойства. Так, в 40–50-е гг. XX в. ведущими характеристиками хорошего руководителя были его волевые качества и профессиональные знания. В 60–70-е гг. главным было знание различных систем управления и умение создавать организационные управленческие структуры. В 80-е гг. на первое место по значимости вышла коммуникативная компетентность. Начиная с 90-х гг. наиболее значимыми личностными характеристиками руководителя стали готовность к принятию на себя ответственности в условиях риска и аутопсихологическая компетентность [7].

Сегодняшние изменения в политической, экономической, социальной, культурной жизни нашей страны формируют новый контекст управленческой деятельности и предъявляют новые требования к структуре личностных и деятельностных характеристик руководителей на всех уровнях и в любой сфере, а это, в свою очередь, определяет актуальность исследований личностных и деятельностных свойств руководителя.

Анализ публикаций показывает, что существует два основных направления таких исследований.

В рамках первого направления авторы сосредотачиваются на изучении собственно значимых для руководителей личностных и деятельностных характеристик, как факторов, которые определяют эффективность управленческой деятельности в целом [см. например 1] или различные аспекты групповой деятельности и взаимодействия на современном этапе развития общества [см. например 17; 20].

В рамках второго направления предметом исследований являются социальные представления о личностных и деятельностных свойствах руководителя.

Подобные исследования показывают, что именно субъективные факторы, и в первую очередь представления участников управленческих взаимодействий друг о друге и о самих себе, в значительной степени влияют на отношения между ними, а следовательно, и на продуктивность их совместной деятельности. Такое влияние обусловлено тем, что социальные представления конструируют реальность не только для отдельного человека, но и для группы в целом¹, тем самым определяя взаимное восприятие членов группы и выбор ими стратегий поведения в рамках решения общегрупповых задач.

Для нашего исследования также важно следующее.

Во-первых, по своей природе социальные представления динамичны и всегда отражают изменения, происходящие в обществе [9], т. е. результаты проведенного в конкретный период времени исследования представлений о тех или иных социальных и социально-психологических явлениях фиксируют именно их современное состояние.

Во-вторых, социальные представления возникают в ходе повседневных межличностных взаимодействий [36] и являются обыденными коллективными интерпретациями [9], которые формируются в ходе социальной и материальной практики и разделяются членами той или иной социальной группы. Поэтому результаты исследования социальных представлений на выборке, репрезентирующей опреде-

¹ Андреева Г. М. Психология социального познания: учеб. пос. Изд. 2-е, перераб. и доп. М. : Аспект Пресс, 2004. С. 209.

ленную социальную группу, позволяют делать выводы об особенностях картины мира именно данной группы.

В-третьих, социальные представления, являясь одной из форм обыденного сознания и фиксируя индивидуальную позицию каждого из членов социальной группы по отношению к тому или иному значимому для него социальному или социально-психологическому явлению [34], в совокупности отражают это явление во всем его многообразии и противоречивости, зачастую опережая научные обобщения. Поэтому анализ результатов исследования социальных представлений позволяет выявлять актуальные проблемы и тенденции, связанные с конкретными явлениями.

Все это касается и исследований представлений о личностных качествах и особенностях поведения руководителя.

Так, в научных публикациях фиксируются личностные и деятельностные свойства руководителей, характерные именно для современности [32; 35; 37; 38], при этом анализ таких публикаций показывает, что объектом изучения могут быть психологические особенности руководителей любого уровня, любой социальной и производственной сферы, любого пола и возраста [21; 25], а содержание и структура представлений о характеристиках руководителя зависят от социально-демографического состава выборки, на которой проходило исследование [2; 5; 19; 23] и групповых особенностей [14; 29]. Наконец, целью исследования представлений о личностных и деятельностных свойствах руководителя является составление психологического портрета (формирование образа) руководителя. При этом такой портрет (образ) может быть описательным, т. е. фиксировать реально присущие руководителю характеристики, или идеальным, т. е. включать только желательные с точки зрения респондентов характеристики [3; 10; 11; 18].

В то же время не существует исследований, в которых бы анализировались представления государственных служащих о современном руководителе, а образ руководителя государственной службы рассматривается исключительно как элемент формирования имиджа органа государственной власти [13].

Однако в связи с необходимостью перехода к новым принципам и методам управления в сфере государственной службы исследование представлений государственных служащих о личностных и деятельностных характеристиках руководителя является особенно актуальным, так как его результаты позволяют выявить те личностные качества и особенности поведения руководителя, которые в понимании государственных служащих оказывают наибольшее (как положительное, так и отрицательное) влияние на процессы управления коллективом.

Целью нашего эмпирического исследования было составить психологический портрет современного российского руководителя на основе анализа представлений государственных служащих.

В соответствии с этим необходимо было выявить содержание и структуру представлений государственных служащих о наиболее характерных для современного российского руководителя личностных качествах и особенностях поведения.

Методы и выборка

Инструментом для исследования содержания и структуры представлений государственных служащих о современных российских руководителях послужил метод свободного описания. На наш взгляд, именно этот метод в наибольшей степени соответствует специфике социальных представлений как психологического феномена, так как позволяет респондентам наиболее полно и точно выразить свое мнение, не ограничивая его тем или иным набором категорий, который мог бы предложить им исследователь.

Задание было сформулировано следующим образом: «Назовите, пожалуйста, личностные качества и особенности поведения, которые, по Вашему мнению, наиболее характерны для современных российских руководителей», т. е. побуждало участников исследования обратиться к собственному опыту взаимодействия в системе «руководитель — подчиненные» с позиции как подчиненного, так и руководителя и сосредоточиться на тех личностных и деятельностных свойствах, которые присущи именно нынешним российским управленцам.

Обработка данных проводилась с помощью контент-анализа, который позволил определить общий объем, содержание и структуру представлений участников исследования о наиболее характерных для современного российского руководителя личностных качествах и особенностях поведения.

В исследовании приняли участие 137 федеральных государственных служащих: 84 женщины (61,31%) и 53 мужчины (38,69%). 122 (89,05%) респондента занимали руководящие должности (на уровне начальников и заместителей начальников отделов, департаментов и т. п.), 15 участников исследования (10,95%) — должности рядовых сотрудников. Средний возраст респондентов 42,2 года, минимальный — 24 года, максимальный — 62 года. Средний стаж работы на настоящей должности 4,2 года, минимальный — 0,16 года, максимальный — 16 лет.

Обсуждение результатов

Первичная обработка данных показала, что в целом по выборке общее число упоминаний о наиболее характерных для современного российского руководителя личностных качествах и особенностях поведения составило 828, т. е. в среднем 6,04 упоминания на каждого респондента. На основании этих данных уже можно было говорить о том, что образ современного российского руководителя в сознании участников исследования представляет собой многомерное когнитивное образование.

Затем с помощью контент-анализа были выделены 72 понятия, описывающие те или иные личностные и деятельностные свойства руководителя. При этом 69 понятий описывали характеристики руководителя, имеющие высокую значимость для реализации управленческих функций, а 3 понятия — внешние, в определенной степени случайные признаки.

Следует подчеркнуть, что среди выделенных понятий есть не только понятия, описывающие свойства, которые однозначно способствуют реализации функций руководителя как субъекта управления и обеспечивают социальную направленность его деятельности (например, «стратегическое мышление», «принципиальность», «открытость» и др.), но и те, которые могут препятствовать реализации этих функций и обеспечивают индивидуалистическую направленность его деятельности (например, «беспринципность», «жадность», «равнодушие к людям» и др.). Такие, негативные или неоднозначные, понятия составляют почти треть от общего числа выделенных понятий. Это свидетельствует о том, что участники исследования в своих описаниях опирались на реальную практику взаимодействия в рамках системы «руководитель — подчиненные», а не на эталонные представления об идеальном руководителе (вот один из характерных ответов: «Образованность, современность, смелость, активность, решительность, анализирование, хитрость, стремление к справедливости, мудрость, иногда впечатление, что отсутствие вышеуказанного»). А так как большинство респондентов сами занимают руководящие должности, их описания в определенной мере являются результатом рефлексии не только поведения руководителя с позиции подчиненного, но и собственного поведения в роли руководителя.

Дальнейший анализ позволил выделить шесть групп личностных качеств и особенностей поведения, которые участники исследования в своих представлениях

воспринимают именно как личностные и деятельностные свойства, характерные для современных российских руководителей (рис.).

Как видно из рис., чаще всего респонденты упоминали как наиболее характерные для современного российского руководителя те личностные качества и особенности поведения, которые относятся к сферам целеполагания и целедостижения (41,82% от общего числа упоминаний), общения и взаимодействия (28,85% от общего числа упоминаний) и субъектности (23,18% от общего числа упоминаний). В совокупности упоминания о качествах и особенностях поведения, относящихся к этим трем сферам, составляют 93,85% от общего числа упоминаний.

При этом в сфере целеполагания и целедостижения участники исследования наиболее часто упоминали личностные и деятельностные свойства, обеспечивающие или затрудняющие преодоление внешних и внутренних препятствий при достижении поставленной цели (26,96% от общего числа упоминаний), в сфере общения и взаимодействия — свойства, обеспечивающие продуктивность или непродуктивность общения и совместной деятельности (17,01% от общего числа упоминаний), в сфере субъектности — свойства, обеспечивающие процессы самоуправления или затрудняющие их (9,9% от общего числа упоминаний).

Таким образом, представления участников исследования в значительной степени соответствуют результатам научных публикаций об особенностях процесса управления и психологических факторах, обеспечивающих этот процесс. Так, исследования и практика показывают, что в рамках управленческой деятельности главной, системообразующей функцией руководителя является достижение общегрупповых целей путем организации слаженной работы ее членов¹. Следовательно, наиболее значимыми для реализации этой функции являются личностные и деятельностные характеристики руководителя, которые, с одной стороны, обеспечивают качество процессов определения и достижения целей организации или ее подразделений [8; 12], а с другой — способствуют эффективности и продуктивности общения и взаимодействия руководителя в организационной системе [27; 28]. Кроме того, в исследованиях подчеркивается, что способность руководителя эффективно и результа-

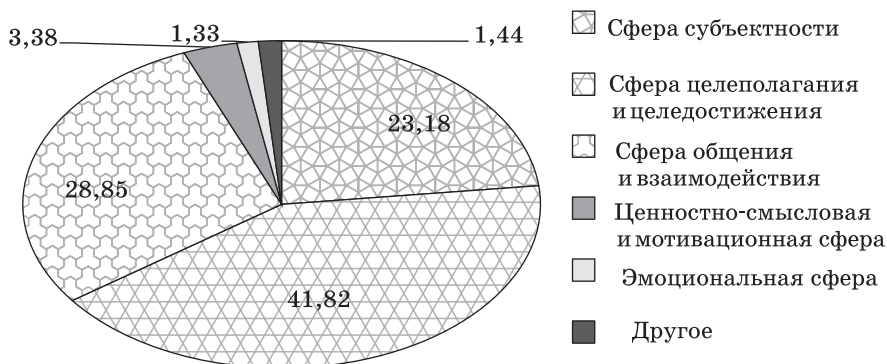


Рис. Группы наиболее характерных для современного российского руководителя личностных качеств и особенностей поведения в представлении участников исследования (% от общего количества упоминаний)

Fig. The groups most characteristic of the modern Russian leader of personal qualities and behavior in the presentation of the study participants (% of the total number of mentions)

Источник: составлено авторами.

¹ Селезнева Е. В. Психология управления: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Юрайт, 2018. 373 с.

тивно осуществлять управленческие функции определяется сформированностью у него субъектности как интегративного качества, обеспечивающего внутреннюю детерминацию целенаправленной творческой активности личности и выступающего как механизм самоуправления и мета-инвариант профессионализма в области управления [16; 22; 24].

Можно говорить о том, что результаты исследования подтверждают научные выводы о значимости для руководителя личностных и деятельностных свойств, которые делают его активным субъектом управленческой деятельности, способным самостоятельно определять цели организации и эффективно взаимодействовать с другими членами организации для достижения этих целей.

В то же время вызывает вопросы «пренебрежение» участниками исследования качествами и особенностями поведения руководителя, которые относятся к ценностно-смысловой и мотивационной, а также к эмоциональной сфере: качества и особенности поведения, относящиеся к ценностно-смысловой и мотивационной, а также к эмоциональной сфере, упоминаются в ответах респондентов крайне редко (соответственно 3,38% и 1,33% от общего числа упоминаний). Можно только предположить, что в отношении ценностно-смысловой и мотивационной сферы для респондентов более значимы свойства руководителя, которые напрямую проявляются в его деятельности и взаимодействии, а не глубинные ценностно-смысловые образования, проявляющиеся в деятельности опосредованно, через определенные действия и поступки. В отношении же эмоциональной сферы, вполне вероятно, респонденты «пропускали» перечисление собственно эмоциональных состояний, рассматривая их как составляющие коммуникативных качеств более высокого порядка.

Дальнейший анализ, проведенный с опорой на идеи Ж. К. Абрика [31], показал, что представления участников исследования о личностных и деятельностных свойствах, характерных для современных российских руководителей, можно описать как иерархически организованную структуру, включающую ядро, полупериферию и периферию (табл.).

Ядро представлений о личностных и деятельностных свойствах, которые наиболее характерны для современного российского руководителя, включает семь психологических характеристик (в % от общего количества упоминаний):

| | |
|--|------|
| Компетентность | 6,88 |
| Ответственность | 5,80 |
| Целеустремленность | 5,55 |
| Способность брать на себя функцию лидера | 4,83 |

Таблица

Структура представлений участников исследования о наиболее характерных для современного российского руководителя личностных качествах и особенностях поведения

Table. Structure of ideas of the study participants about the most characteristic for the modern Russian leader personal qualities and characteristics of behavior

| Составляющие структуры представлений | Число качеств, входящих в структуру представлений | % от общего количества упоминаний |
|--------------------------------------|---|-----------------------------------|
| Ядро | 7 | 33,56 |
| Полупериферия | 9 | 22,33 |
| Периферия | 57 | 44,11 |
| Всего | 73 | 100 |

Источник: составлено авторами.

| | |
|--------------------------|------|
| Коммуникабельность | 3,86 |
| Решительность | 3,38 |
| Образованность | 3,26 |

Можно увидеть, что в представлениях участников исследования для современного российского руководителя наиболее характерны четыре свойства, относящиеся к сфере целеполагания и целедостижения (компетентность, целеустремленность, ответственность и образованность).

В совокупности эти свойства составляют 21,49% от общего количества упоминаний, а наиболее часто среди них упоминается компетентность (6,88% от общего количества упоминаний). Следует отметить, что компетентность, образованность и ответственность являются свойствами, наличие или отсутствие которых обеспечивает или затрудняет преодоление внешних и внутренних препятствий при достижении поставленной цели, а целеустремленность — свойством, обеспечивающим высокую направленность на достижения или ее отсутствие. Кроме того, в ядро структуры представлений вошли два свойства, которые относятся к сфере субъектности (способность брать на себя функцию лидера и решительность; в совокупности 8,21% от общего количества упоминаний), а также одно свойство, относящееся к сфере общения и взаимодействия (коммуникабельность; 3,86% от общего количества упоминаний). При этом способность брать на себя функцию лидера является свойством, наличие или отсутствие которого обеспечивает внутренне детерминированную целенаправленную творческую активность руководителя или препятствует ей, решительность — свойством, которое обеспечивает процессы самоуправления или затрудняет их, а коммуникабельность — свойством, которое обеспечивает продуктивность или непродуктивность общения и совместной деятельности.

Таким образом, в сознании участников исследования современный российский руководитель в первую очередь — это человек, который:

- умеет качественно решать свои профессиональные задачи, опираясь на приобретенные знания и сформированные навыки и умения;
- способен прогнозировать последствия своих действий или бездействия в конкретной ситуации и выбирать варианты действий с готовностью принять последствия выбора;
- склонен проявлять настойчивость и последовательность в достижении поставленных целей;
- способен направлять и организовывать деятельность коллектива;
- умеет легко устанавливать контакты с окружающими;
- умеет принимать и претворять в жизнь быстрые, обоснованные и твердые решения, не поддаваясь чувству страха и не боясь опасностей;
- имеет широкий кругозор, опираясь на который, способен ориентироваться в окружающей среде, приспосабливаться к ней и изменять ее и самого себя.

Дополняют эти ядерные характеристики современного российского руководителя личностные и деятельностные свойства, вошедшие в полупериферию представлений (в % от общего количества упоминаний):

| | |
|---------------------------|------|
| Активность | 2,54 |
| Уверенность в себе | 2,41 |
| Стрессоустойчивость | 2,54 |
| Требовательность | 2,90 |
| Доброжелательность | 2,05 |
| Харизматичность | 2,29 |
| Авторитарность | 2,78 |

| | |
|--------------------------|------|
| Справедливость | 2,41 |
| Честность | 2,41 |

Если основу ядра представлений составляли свойства, относящиеся к сфере целеполагания и целедостижения, то основу полупериферии, как видно из рисунка, составляют свойства, которые относятся к сфере общения и взаимодействия (авторитарность, доброжелательность, харизматичность, справедливость; в совокупности 9,53% от общего количества упоминаний). Отметим, что доброжелательность и харизматичность относятся к свойствам, которые обеспечивают продуктивность или непродуктивность общения и совместной деятельности, справедливость — к свойствам, определяющим отношение к другим и характер общения, а авторитарность — к свойствам, которые определяют стиль общения и взаимодействия в организационной среде.

В полупериферию входят также три свойства, относящиеся к сфере субъектности (активность, уверенность в себе, стрессоустойчивость; в совокупности 7,49% от общего количества упоминаний), при этом активность относится к свойствам, которые обеспечивают внутренне детерминированную целенаправленную творческую активность руководителя или препятствуют ей, уверенность в себе — к свойствам, обеспечивающим процессы самоуправления или затрудняющим их, а стрессоустойчивость — к свойствам, которые обеспечивают процессы самоуправления или затрудняют их.

Кроме того, в структуру полупериферии входит требовательность как одно из свойств, обеспечивающих или затрудняющих преодоление внешних и внутренних препятствий при достижении поставленной цели, и относящаяся к сфере целеполагания и целедостижения (2,9% от общего количества упоминаний) и честность как свойство, отражающее ценностное отношение к своей деятельности и входящее в ценностно-смысловую и мотивационную сферу (2,41% от общего количества упоминаний).

Можно говорить о том, что в сознании участников исследования современный российский руководитель, помимо ядерных характеристик, должен обладать еще рядом высоко значимых личностных и деятельностных свойств и уметь:

- побуждать себя или других к качественному выполнению задач;
- единовластно управлять подчиненными;
- действовать самостоятельно и активно;
- сохранять спокойствие в стрессовой ситуации;
- объективно осознавать свои возможности и действовать решительно;
- действовать беспристрастно, в соответствии с истиной;
- быть правдивым, прямым и добросовестным;
- привлекать внимание людей и влиять на них;
- проявлять участие, расположение к людям.

Из этого следует, что в сознании участников исследования современный российский руководитель при явно выраженной авторитарности, которая по своей природе предполагает игнорирование интересов, мнений и состояний подчиненных [4; 26; 33], склонен в то же время проявлять к ним сочувствие и готов при необходимости содействовать им. Такое противоречие в представлениях можно объяснить тем, что, с одной стороны, для респондентов авторитарный стиль управления, в котором отражаются особенности государственной службы как жесткой иерархически организационной структуры, является привычным, и они рассматривают авторитарность как устойчивую характеристику руководителя. С другой стороны, в данной выборке преобладают женщины-руководители, а, как показывают многочисленные исследования, женщины-руководители в большей степени, чем мужчины, склонны к демократическому стилю управления, который

подразумевает сотрудничество [15], а также к личностно ориентированной коммуникации [6].

Если на уровне полупериферии представлений зафиксировано одно противоречие, то на уровне периферии подобных противоречий достаточно много, например, чинопочитание и независимость, принципиальность и беспринципность, открытость и закрытость, человечность и равнодушие к людям и др. В периферию вошли также личностные и деятельностные характеристики, противоположные свойствам, вошедшим в полупериферию: демократичность, самоуверенность, тревожность, высокомерие.

Интересно, что в периферию представлений участников исследования входят не только негативные (бюрократизм, жадность, страх нового, склонность к самовосхвалению, эгоистичность и др.) и неоднозначные характеристики (жесткость, консерватизм, карьеризм, перфекционизм, хитрость и др.), но и большое число характеристик, которые в научных работах, посвященных личности руководителя, рассматриваются как высоко значимые для продуктивной и результативной деятельности управленца (стратегическое мышление, способность к самодисциплине, креативность, стремление к постоянному саморазвитию, организаторские способности, вовлеченность в работу и т. п.).

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Впервые рассмотрена проблема содержания представлений государственных служащих о современном российском руководителе и выявлена их структура.

Собственный профессиональный опыт в сфере государственной службы (в позиции как подчиненного, так и руководителя) позволил участникам исследования описать современного российского руководителя во всем многообразии и противоречивости его личностных качеств и особенностей поведения, при этом в своих субъективных мнениях во многом приближаясь к научным обобщениям.

Качественный анализ результатов показывает, что ядро и полупериферия представлений о личностных качествах и особенностях поведения, наиболее характерных для современного российского руководителя, по содержанию достаточно высоко согласованы между собой, стабильны и устойчивы, что говорит об однородности участников исследования как профессиональной группы и устойчивости их представлений о личностных и деятельностных свойствах, характерных для современного управленца.

В то же время для периферии представлений характерны подвижность и противоречивость, что свидетельствует о влиянии на формирование представлений участников исследования о руководителе их индивидуального опыта управленческих взаимодействий и реального организационного контекста, в котором эти взаимодействия осуществлялись.

Теоретическая значимость данного исследования состоит в том, что выявление содержания и структуры представлений о личностных и деятельностных свойствах современного российского руководителя, с одной стороны, вносит вклад в дальнейшую разработку проблемы исследования представлений о руководителе как субъекте управленческой деятельности, а с другой стороны, в целом расширяет и углубляет научные знания об особенностях социальной перцепции представителей разных профессиональных групп. В то же время практическая значимость данного исследования определяется возможностью использовать его результаты в процессе индивидуального консультирования кадров управления для разработки индивидуальных траекторий личностно-профессионального развития и программ совершенствования профессионализма кадров управления в рамках ка-

дровой работы и психологического сопровождения профессиональной деятельности управленцев.

Литература

1. Авдонина О. С., Чистоходова Л. И. Эффективный руководитель в сфере муниципального управления // Общество: социология, психология, педагогика. 2021. № 12. С. 157–162. DOI: 10.24158/sPp.2021.12.23.
2. Алексеева М. Г. Образ успешного руководителя в представлениях командиров высшего и среднего звена железнодорожного транспорта // Сб. конференций НИЦ Социосфера. 2013. № 7. С. 112–115.
3. Баришовец Е. М. Идеальный портрет руководителя образовательного комплекса // Власть. 2019. № 6. С. 206–209.
4. Гаджиева Е. Ю. Авторитарный стиль управления при проведении организационных изменений // Вестник Академии знаний. 2017. № 22 (3). С. 71–75.
5. Глебова Г. Ф., Александрова Д. Н. Представления учителей об эффективном руководителе современной общеобразовательной школы // Социально-психологические проблемы ментальности/менталитета. 2020. № 16. С. 44–49.
6. Гололобова Т. М. Особенности женского стиля управления компаниями // Вестник университета. 2021. № 12. С. 5–9. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9.
7. Деркач А. А. Акмеология: личностное и профессиональное развитие человека. Кн. 1–5. Акмеологические основы управленческой деятельности. Кн. 2. М. : РАГС, 2000. 536 с.
8. Егорова Ю. А. Роль целеполагания в системе управления // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2010. № 9. С. 91–92.
9. Емельянова Т. П. Социальные представления: История, теория и эмпирические исследования. М. : Изд-во «Институт психологии РАН», 2016. 476 с.
10. Иванов Е. А., Лычагина С. В. Особенности представлений младших командиров войск национальной гвардии о качествах личности руководителя воинского коллектива // Научное мнение. 2018. № 11. С. 58–61.
11. Ишков А. Д., Милорадова Н. Г. Образ идеального и реального руководителя строительной отрасли в представлении подчиненных специалистов // Экономика и предпринимательство. 2014. № 8 (49). С. 427–431.
12. Киреев М. П. Целеполагание в управленческой деятельности органов внутренних дел: теория и практика // Труды Академии управления МВД России. 2020. № 2 (54). С. 54–61.
13. Кокорина Л. И. Образ руководителя как элемент формирования имиджа органа государственной власти // Международный научно-исследовательский журнал. 2019. № 7 (85). Ч. 2. С. 76–78. DOI: 10.23670/IRJ.2019.85.7.043
14. Кораблин С. И. Особенности представления о руководителе в группах с различным уровнем социально-психологического развития // Территория науки. 2007. № 1. С. 126–132.
15. Михайлова Т. В., Балашкевич И. В. Исследования гендерных аспектов в управленческой деятельности // Евразийский союз ученых. 2020. № 6 (75). С. 62–65. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.75.836.
16. Нигоматуллина Р. М. Субъектность в современном управлении // Манускрипт. 2020. Т. 13. Вып. 12. С. 209–213.
17. Никитин С. И. Личностные качества руководителя как фактор групповой сплоченности коллектива // Перспективы науки и образования. 2018. № 4 (34). С. 256–264 [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-kachestva-rukoditelya-kak-faktor-gruppooy-splochnosti-kollektiva/viewer> (дата обращения: 11.04.2023).
18. Новиков М. М. Представления работников государственных и коммерческих предприятий об образе идеального руководителя // Известия Смоленского государственного университета. 2013. № 1 (21). С. 412–417.
19. Петров К. Г., Александрова Д. Н. Представления директоров школ о модели современного эффективного руководителя общеобразовательной организации // Человек и образование. 2021. № 3 (68). С. 21–27.
20. Реутова В. И. Взаимосвязь управленческих компетенций с личностными качествами руководителей органов внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2019. Т. 27 (1–4). № 3. С. 390–395. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). 3.390-395.
21. Савин А. М. Социальные представления молодежи об андрогинном мужчине-руководителе // Россия в XXI веке: стратегия и тактика социально-экономических, политических

- и правовых реформ: Материалы XIII Всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых, посвященной 75-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Барнаул : Азбука, 2020. С. 512–513.
22. Селезнева Е. В. Жизненные отношения личности как мера ее субъектности // Мир психологии. 2012. № 2. С. 260–270.
 23. Селезнева Е. В. Представления о лидере и руководителе: общее и особенное // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 3. С. 183–194.
 24. Селезнева Е. В., Емельянова О. В. Особенности субъектности государственных служащих // Акмеология. 2010. № 3. С. 62–70.
 25. Семенова С. Н. Психологический портрет женщины-руководителя // Наука и современность. 2014. № 27. С. 98–102.
 26. Сыманюк Э. Э., Девятковская И. В. Власть как фактор развития или деформации личности руководителя организации // Управление персоналом и интеллектуальными ресурсами в России. 2014. № 4 (13). С. 5–8.
 27. Сысоев В. В., Лавров Н. Н. Психологические особенности профессионального общения между руководителем и подчиненным // Психолог. 2018. № 4. С. 32–37. DOI: 10.25136/2409-8701.2018.4.27203.
 28. Толочек В. А., Шпитонков С. В., Палт Е. А. «Вертикальная» организация пространства стилей делового общения менеджеров // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия «Акмеология образования. Психология развития». 2017. Т. 6. Вып. 2 (22). С. 126–133. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-126-133.
 29. Хрисанхова Е. А. Образ руководителя в представлении сотрудников организаций с различным типом организационной культуры // Психология труда, организации и управления в условиях современных технологий: состояние и перспективы развития: материалы Международной научно-практической конференции. Тверь : Тверской государственный университет, 2020. С. 264–269.
 30. Ярмук Ю. В. Целеполагание как основа формирования коммуникаций в управленческой деятельности // Пространство и время. 2015. Т. 9. Вып. 2: Пространство и время принятия решений [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselepolaganie-kak-osnova-formirovaniya-kommunikatsiy-v-upravlencheskoy-deyatelnosti/viewer> (дата обращения: 25.03.2023).
 31. Abric J. C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on Social Representations. Textes sur les Représentations Sociales (1021–5573). 1993. V. 2. N 2. P. 75–78.
 32. Asad M. M., Sherwani F., Asad M. E. Distinctiveness And Characteristic of Competent Manager and Leader In This Advanced Epoch // New York Science Journal. 2014. № 7(4). P. 17–20.
 33. Chiang Jack, Chen Xiao-Ping, Liu Haiyang, Akutsu Satoshi, Wang Zheng. We have emotions but can't show them! Authoritarian leadership, emotion suppression climate, and team performance // Human Relations. 2021. Vol. 74. № 7. P. 1082–1111.
 34. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept et théorie // Psychologie sociale. S. Moscovici (ed.). Paris : PUF, 1984. PP. 357–378.
 35. Karaszewski R., Drewniak R. The Leading Traits of the Modern Corporate Leader: Comparing Survey Results from 2008 and 2018 // Energies. 2021. Vol. 14. № 23 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mdpi.com/1996-1073/14/23/7926> (дата обращения: 12.04.2023)/
 36. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / ed. P. J. Forgas. L., 1981. P. 181–209.
 37. Raišienė A. G. Leadership and Managerial Competences in a Contemporary Organization from the Standpoint of Business Executives // Economics and Sociology. 2014. Vol. 7. № 3. P. 179–193. DOI: 10.14254/2071-789X.2014/7-3/14
 38. Šlehtiči M. Values, Leaders and Social Representations // HSS. 2018. Vol. VII. № 3. P. 13–22. DOI: 10.2478/hssr -2018-0022.

Об авторах:

Селезнева Елена Владимировна, эксперт научно-образовательного центра современных кадровых технологий факультета оценки и развития управленческих кадров Института «Высшая школа государственного управления» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Москва, Российская Федерация), доктор психологических наук, профессор; selezneva-ev@ranepa.ru

Демидов Станислав Александрович, директор Центра развития лидерских и управленческих компетенций Института «Высшая школа государственного управления» ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ» (Москва, Российская Федерация); demidov-sa@anpera.ru

References

1. Avdonina O.S., Chistokhodova L.I. Effective leader in the sphere of municipal administration // Society: Sociology, Psychology, Pedagogics. 2021. № 12. P. 157–162. DOI: 10.24158/sPp.2021.12.23 (in Rus).
2. Alekseeva M.G. The image of a successful leader in the representations of commanders of the highest and middle level of railway transport // Collections of conferences of SIC. 2013. N 7. P. 112–115 (in Rus).
3. Barishovets E. M. Perfect portrait of the head of the educational complex // Power. 2019. N 6. P. 206–209 (in Rus).
4. Gadzhieva E.Y. Authoritarian management style during organizational changes // Bulletin of the Academy of Knowledge. 2017. N 22 (3). P. 71–75 (in Rus).
5. Glebova G. F., Alexandrova D. N. Teachers's ideas of an efficient head of a modern comprehensive school // Socio-psychological problems of mentality / mentality. 2020. N 16. P. 44–49 (in Rus).
6. Gololobova T.M. Features of a woman's style company management // Vestnik Universiteta. 2021. N 12. P. 5–9. DOI: 10.26425/1816-4277-2021-12-5-9 (in Rus).
7. Derkach A.A. Acmeology: personal and professional development of a person. B. 1–5. Acmeological foundations of managerial activity. B. 2. M. : RAGS, 2000. 536 p. (in Rus).
8. Egorova Yu.A. The role of goal setting in the management system // International Journal of Applied and Fundamental Research. 2010. N 9. P. 91–92 (in Rus).
9. Emelyanova T.P. Social representations: History, theory and empirical research. Moscow: Publishing house "Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences", 2016. 476 p. (in Rus)
10. Ivanov E.A., Lychagina S.V. Perceptions of junior commanders of the national guard forces command on the qualities of a leader of a military unit // Scientific opinion. 2018. N 11. P. 58–61 (in Rus).
11. Ishkov A. D., Miloradova N. G. Image of the ideal and the real head of the construction industry in the representation of subordinate specialists // Economics and entrepreneurship. 2014. N 8 (49). P. 427–431 (in Rus).
12. Kireev M. P. Goal setting in the management of internal Affairs bodies: theory and practice of physical culture // Proceedings of Management Academy of the Ministry of the Interior of Russia. 2020. N 2 (54). P. 54–61 (in Rus).
13. Kokorina L. I. Image of an executive as an element of creating the image of a public authority // International Research Journal. 2019. N 7 (85). Part 2. P. 76–78. DOI: 10.23670/IRJ.2019.85.7.043 (in Rus).
14. Korablin S. I. Features of the idea of a leader in groups with different levels of socio-psychological development // The territory of science. 2007. N 1. P. 126–132 (in Rus).
15. Mikhailova T.V., Balashkevich I.V. Research on gender aspects in management // Eurasian Union of Scientists. 2020. N 6 (75). P. 62–65. DOI: 10.31618/ESU.2413-9335.2020.3.75.836 (in Rus).
16. Nigomatullina R.M. Subjectivity in Modern Management // Manuscript. 2020. Vol. 13. N 12. P. 209–213 (in Rus).
17. Nikitin S.I. Personal Quality of the Head as a Factor of Group Coherence // Perspectives of Science & Education. 2018. N 4 (34). P. 256–264 [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/lichnostnye-kachestva-rukovoditelya-kak-faktor-gruppovoy-splochnosti-kollektiva/viewer> (accessed: 11.04.2023) (in Rus).
18. Novikov M.M. The Image of Ideal Leader as Seen by Employees of State and Commercial Enterprises // Proceedings of the Smolensk State University. 2013. N 1 (21). P. 412–417 (in Rus).
19. Petrov K. G., Alexandrova D. N. School principals' views on the model of a modern effective head of a general education organization // Man and education. 2021. N 3 (68). P. 21–27 (in Rus).
20. Reutova V.I. Interrelation of managerial competencies with personal qualities of heads of internal affairs bodies // Man: crime and punishment. 2019. vol. 27 (1–4). N 3. P. 390–395. DOI: 10.33463/1999-9917.2019.27(1-4). 3.390-395 (in Rus).

21. Savin A. M. Social representations of youth about an androgynous male leader // Russia in the XXI century: strategy and tactics of socio-economic, political and legal reforms: Materials of the XIII All-Russian scientific and practical conference of students and young scientists dedicated to the 75th anniversary of Victory in the Great Patriotic War of 1941–1945. Barnaul : ABC, 2020. P. 512–513 (in Rus).
22. Selezneva E.V. Personality's vital relations as a measure of its subjectivity // The world of psychology. 2012. N 2. P. 260–270 (in Rus).
23. Selezneva E. V. Representations about leader and manager: general and special // Bulletin of Moscow region state university. 2018. N 3. P. 183–194 (in Rus).
24. Selezneva E. V., Emel'yanova O. V. Features subject of civil servants // Acmeology. 2010. N 3. P. 62–70 (in Rus).
25. Semenkova S. N. Psychological portrait of a female leader // Science and modernity. 2014. N 27. P. 98–102 (in Rus).
26. Symaniuk E. E., Devyatovskaya I. V. Leadership power as a factor of enhancement or deformation of an organization leader's identity // Human resources and Intellectual resources management in Russia. 2014. N 4 (13). P. 5–8 (in Rus).
27. Sysoev V.V., Lavrov N.N. Psychological features of professional communication between a supervisor and a subordinate // Psychologist. 2018. N 4. P. 32–37. DOI: 10.25136/2409-8701.2018.4.27203 (in Rus).
28. Tolochek V.A., Shpitionkov S.V., Palt E.A. "Vertical" arrangement of the space of managers' business communication styles // Izvestiya of Saratov university. New series. Series: Educational acmeology. Developmental psychology. 2017. Vol. 6. Is. 2 (22). P. 126–133. DOI: 10.18500/2304-9790-2017-6-2-126-133 (in Rus).
29. Hrisankhova E. A. The image of a leader in the representation of employees of organizations with different types of organizational culture // Psychology of labor, organization and management in the conditions of modern technologies: state and prospects of development: materials of the International scientific and practical Conference. Tver : Publishing House "Tver State University", 2020. P. 264–269 (in Rus).
30. Yarmak Yu. V. Goal-setting as the basis for the formation of communications in management activities // Space and Time [Prostranstvo i Vremya]. 2015. Vol. 9. Is. 2: Space and time of decision-making [Electronic source]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tselepolaganie-kak-osnova-formirovaniya-kommunikatsiy-v-upravlencheskoy-deyatelnosti/viewer> (accessed: 25.03.2023) (in Rus).
31. Abric J.C. Central system, peripheral system: their functions and roles in the dynamics of social representations // Papers on Social Representations. Textes sur les Représentations Sociales (1021–5573). 1993. V. 2. N 2. P. 75–78.
32. Asad M. M., Sherwani F., Asad M. E. Distinctiveness And Characteristic of Competent Manager and Leader In This Advanced Epoch // New York Science Journal. 2014. N 7(4). P. 17–20.
33. Chiang Jack, Chen Xiao-Ping, Liu Haiyang, Akutsu Satoshi, Wang Zheng. We have emotions but can't show them! Authoritarian leadership, emotion suppression climate, and team performance // Human Relations. 2021. Vol. 74. N 7. P. 1082–1111.
34. Jodelet D. Représentations sociales: phénomènes, concept et théorie // Psychologie sociale. S. Moscovici (ed.). Paris : PUF, 1984. P. 357–378
35. Karaszewski R., Drewniak R. The Leading Traits of the Modern Corporate Leader: Comparing Survey Results from 2008 and 2018 // Energies. 2021. Vol. 14. N 23 [Electronic source]. <https://www.mdpi.com/1996-1073/14/23/7926> (accessed: 12.04.2023)
36. Moscovici S. On Social representations // Social cognition: Perspectives on everyday understanding / ed. P.J. Forgas. L., 1981. P. 181–209.
37. Raišienė A. G. Leadership and Managerial Competences in a Contemporary Organization from the Standpoint of Business Executives // Economics and Sociology. 2014. Vol. 7. N 3. P. 179–193. DOI: 10.14254/2071-789X.2014/7-3/14.
38. Šleahitiči M. Values, Leaders and Social Representations // HSS. 2018. Vol. VII. N 3. P. 13–22. DOI: 10.2478/hssr-2018-0022.

About the authors:

Elena V. Selezneva, Dr. Sci. (Psychology), Professor, expert of the scientific and educational center of modern personnel technologies of the faculty of assessment and development of managerial personnel, the Graduate School of Public Administration, Russian Presidential

Academy of National Economy and Public Administration (Moscow, Russian Federation);
selezneva-ev@ranepa.ru

Stanislav A. Demidov, Director of the Center for the Development of Leadership and Managerial Competencies, the Graduate School of Public Administration, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow Russian Federation); demidov-sa@ranepa.ru

The Role of China's Social Credit Management in the Socialist Market Economy System

Chen Yuting*, Shi Shuolin

Shanghai Administration Institute, Shanghai, People's Republic of China; *yutingchen322@qq.com

ABSTRACT

Social credit management is a global issue, has become an important aspect of the economic development of various countries. In the process of social transformation in modern China, the social credit management system has undergone three stages of evolution: from scratch to existence, from existence to reality, and from reality to refinement. Based on the review of the transformation of market order and the construction of social credit system in China, this paper makes a systematic analysis of its main content and internal logic. From the perspective of Huntington's "political decline" and other Chinese and foreign theories, this paper discusses the relationship between the three main bodies of social credit construction — market, society, government and market order respectively, in an attempt to provide inspiration and ideas for the construction of China's future social credit system.

Keywords: Socialist, Market economy system, Social credit management

For citing: Chen Yuting, Shi Shuolin. The Role of China's Social Credit Management in the Socialist Market Economy System // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 96–106.

Роль управления социальным кредитом Китая в системе социалистической рыночной экономики

Чэнь Юйтин*, Ши Шолинь

Шанхайский административный институт, Шанхай, Китайская Народная Республика; *yutingchen322@qq.com

РЕФЕРАТ

Управление социальным кредитом представляет собой глобальную проблему, ставшую важным аспектом экономического развития ряда стран. В современном Китае в процессе социальных преобразований система управления социальным кредитом прошла три стадии эволюции: от нуля к существованию, от существования к реальности и от реальности к совершенствованию. Основываясь на трансформации рыночного порядка и построении системы социального кредита в Китае, в статье проводится системный анализ основного содержания и внутренней логики системы социального кредита. С целью предложения идей построения будущей системы социального кредита в Китае авторы рассматривают взаимоотношения между основными элементами его построения — рынком, обществом, правительством и рыночным порядком — с точки зрения политической теории Сэмюэля П. Хантингтона «Политический упадок», а также других китайских и зарубежных теорий.

Ключевые слова: социализм, рыночная экономическая система, управление социальным кредитом

Для цитирования: Чэнь Юйтин, Ши Шолинь. Роль управления социальным кредитом Китая в системе социалистической рыночной экономики // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 96–106.

Since the 1960s, the social credit system of western European and American countries has become more and more perfect and the credit environment more and more mature. At present, developed countries have formed relatively complete social credit systems

through exploration and practice. Brics countries, which are both developing countries with China, also have their own characteristics in the construction of social credit systems. At the same time, countries are also faced with such problems as the limited role played by the government and the shortage of credit management professionals, which have triggered the thinking and research of scholars all around the world.

China's social transformation is an unprecedented new modernization process. On the one hand, Chinese society has achieved the improvement of people's livelihood from a poor society to a well-off society, the institutional innovation from social management to social governance, and the structural transition from a pyramid society to an olive society; On the other hand, Chinese society has also experienced the pain of the disintegration of the traditional credit system, such as the frequent occurrence of dishonesty in market operation, the lack of mutual trust in interpersonal communication, and the loss of public credibility in administrative management, which has aroused widespread concern in the academic and social fields. It can be seen that in the process of economic system transformation and social governance transformation, a series of issues caused by social credit are a key proposition that lies between economic construction and social governance. Market dishonesty will directly lead to chaos in market order, not only detrimental to the healthy and orderly development of the economy, but also making social governance face more challenges. While the phenomenon of dishonesty in many fields is emerging endlessly, the full coverage of credit information collection has not yet been achieved, and the development of credit institutions is uneven, which also makes "the current situation of the construction of social credit systems restrict the effectiveness of social governance" [1, p. 68]. Therefore, "establishing a social credit system is an inevitable requirement for the development of a socialist market economy, and it is also a practical need to maintain sustained and stable growth of the national economy" [2, p. 38]. The report of the 20th National Congress of the Communist Party of China proposes to "promote a culture of integrity and improve the long-term mechanism for building integrity" [3, p. 45]. This also fully shows that the study of the role of China's social credit management in the socialist market economic system has far-reaching theoretical value and international practical comparison value.

1. China's socialist market economic system and social credit management

To explore the role of China's social credit management in the socialist market economy system, it is necessary to clarify two issues: first, what challenges are facing the establishment of market order during the transition of China's economic system from a planned economy to a market economy? Second, as one of the most concerned issues, what is the process of the formation and evolution of social credit management, during the process of the CPC's governing concept's transformation from social control to social management and then to social governance? And in the future, in the Chinese-style modernization, where is the road of China's social credit system construction? What kind of Chinese sample can it provide to the world?

1.1. Challenges to market order in the process of economic restructuring

The socialist market economic system is a great innovation unprecedented in human society. In 1978, the Third Plenary Session of the 11th Central Committee of the Communist Party of China was held, and China has since embarked on the path of reform and opening-up. In 1992, the 14th National Congress of the Communist Party of China was held, officially establishing a socialist market economic system. In 2017, President Xi Jinping pointed out in the report of the 19th National Congress of the Communist Party of China that we will speed up the improvement of the socialist market economy.

In 2022, the report of the 20th National Congress of the Communist Party of China proposed building a high-level socialist market economy. The development of the socialist market economy has also brought unprecedented vitality and achievements to the entire Chinese society. However, in the process of economic system transformation, multiple interest subjects have emerged. "The original system has lost the soil for existence, while the new system has not been fully established, and it is impossible to restrict the behavior of various interest subjects from both inside and outside" [4, p. 17]. One of the most prominent manifestations of social uncertainty caused by this transformation of the old and new systems is the instability of market order.

The market order crisis triggered by the economic system transition does not only occur in China, the practice of countries such as Russia has shown that disorderly transitions without exception face risks such as economic deterioration and social pressure [5, p. 54]. This paper believes that in the context of social transformation, the speed of economic transition is far faster than the speed of establishing a market governance mechanism, leading to market disorder, and market disorder means that interests integration is out of order, competition mechanism is out of order, and resource sharing is out of balance. Managing market order lies in rationalizing various relationships. This paper believes that the market order in the process of social transformation mainly faces three challenges.

The first one is the challenge of market mechanism failure. The market economic order has the ability to regulate itself, and the invisible hand will adjust the market to a balanced state. The confusion of market order may result from the failure of market mechanism itself and the lagging establishment of market order, or from the interference of non-market forces and the limited role of market mechanism.

Secondly, the challenge comes from the lack of public awareness. Some people are eager to seek wealth and take risks, and even there is a group of "crazy" emotions that cannot be effectively suppressed, leading to the credit collapse of market behavior, and frequent attacks of dishonesty from various entities.

Third, challenges from non-market force intervention. In the early stages of reform and opening-up, economic construction was a top priority, and the development of social governance was relatively lagging, especially the lack of a social credit system, which had a certain degree of disjunction in regulating the imbalance of market order. The institutional vacuum during the transition from planned economy to market economy is one of the main reasons for the disorder of China's market economy. Among them, the vacuum in the social credit governance system seriously hinders the self-regulation of market order, leading to a lack of self purification ability of market order.

To sum up, relying solely on the regulation of the market mechanism itself and relying on the consciousness of the public cannot fundamentally solve the problem of market order chaos, which requires the active intervention of the social credit governance system. Therefore, social credit management in market transformation is an inevitable requirement for stabilizing market order, and is also an important part of promoting the modernization of national governance system and governance capacity.

1.2. Sorting out and reviewing the establishment process of social credit system

Over the past 45 years of reform and opening-up, China's social credit system has emerged as a major country. Based on existing research results and the laws of credit system construction at home and abroad, this paper believes that the construction of China's social credit system has experienced four stages: "none", "some", "substantial", and "refined", as shown in Table 1.

The first stage: 1978–1998, which is not only the preparation and initial stage of China's economic system transition, but also the stage where the social credit system

Construction History of Social Credit System

| Stage | Phased achievements in the construction of social credit system | The Relationship between Market Order and Social Credit System |
|--------------|---|--|
| 1978–1998 | The term «social credit» first appeared in State Council documents | Disordered market order impairs social credit |
| 1999–2002 | The Party Central Committee first proposed the concept of «social credit system» | Social credit is a national market norm |
| 2003–2013 | The State Council Issued the First Special Document on «Construction of Social Credit System» | Promote the construction of government, business, social integrity, and judicial credibility |
| 2014–present | The State Council issued the first top-level design plan for «construction of social credit system» | Establish the construction of three main bodies of government, enterprise, and personal credit |

has not yet been established but is ready to emerge. Before the transition of the economic system, economic activities were operated under clear instructions, and credit management and credit construction hardly existed; After the transition of economic system, market disorder has damaged market credit, and market credit has gradually become independent of national credit, and preliminary exploration has begun. Therefore, at this stage, it is more emphasized that market order damages social credit, and attention to social credit is mainly focused on the economic market field. The landmark events include: In 1987, the State Council issued the “Interim Regulations on the Administration of Corporate Bonds”, and the construction of market credit began to sprout from the financial field. In 1988, China’s first socialized professional credit evaluation company was established in Shanghai. In 1990, it was the first time that the term “social credit” has appeared in the document of the State Council.

The second stage: From 1999 to 2002, the social credit system, as a standard to ensure national market transactions, stepped onto the historical stage and achieved a qualitative change from scratch. With the deepening of the marketization process, various types of economic disorder have seriously hindered the healthy development of the economy. As a social mechanism, social credit is a national market norm and an external governance to address the challenges posed by the failure of the market mechanism itself. Notable events include: In August 1999, Comrade Zhu Rongji, then Premier of the State Council, pointed out that “the bank credit registration and consultation system should be established as soon as possible and connected nationwide”, which opened the prelude to the construction of the social credit system. In October 1999, the research group of the Chinese Academy of Social Sciences first proposed the concept of a social credit system, and took the construction of the social credit system as a fundamental measure to rectify and standardize the order of the market economy. In November 2002, the 16th National Congress of the Communist Party of China proposed the goal of “rectifying and standardizing the order of the market economy, establishing and improving the social credit system of the modern market economy”, which was the first time that the Party Central Committee proposed the concept of “social credit system”.

The third stage: 2003–2013, with the further deepening of reform, various group incidents caused by economic disorder have shown an upward trend, and the conflict of

interests between the people and the government has become increasingly acute, seriously affecting social harmony and stability. Extending the construction of the social credit system from the economic field to the government, judicial, and social fields brooks no delay. As a result, the construction of the social credit system has also achieved further deepening from the existing to the reality. The document of the State Council addresses the institutional “vacuum” problem in the process of transition from a planned economy to a market economy at the institutional level. Notable events include the authoritative interpretation of the social credit system in the “Decision on Several Issues Concerning the Improvement of the Socialist Market Economic System” issued by the Third Plenary Session of the 16th CPC Central Committee in 2003. In 2007, “Several Opinions on the Construction of Social Credit System” was the first special document of the Chinese government on the construction of social credit system. In 2013, the “Regulations on the Administration of Credit Reporting Industry” of the State Council was officially implemented.

The fourth stage: Since 2014, the construction of China’s social credit system has entered a stage of gradual improvement from reality to refined. Unlike Western developed countries, China has established a social credit system that includes an economic transaction credit system and a social integrity system [6, p. 110]. Market construction and moral construction are carried out simultaneously, and a social credit system that adapts to the digital era is established. Notable events include: In June 2014, the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council issued China’s first top-level design plan for the construction of the entire social credit system, “the Outline of the Social Credit System Construction Plan (2014–2020)”. In addition to comprehensively promoting the construction of government integrity, business integrity, social integrity, and judicial credibility, comprehensive arrangements have been made for the work tasks of the three main bodies, government credit construction, enterprise credit construction and personal credit construction. In 2019, the government work report explicitly proposed “improving the social credit system” in the part of strengthening and innovating social governance, marking that the construction of the social credit system has gradually played an important role in the field of social governance.

From the analysis of the various stages of the development of the social credit system, it can be seen that the three main bodies in the construction of the social credit system: government credit, enterprise credit, and personal credit are closely related to the three challenges faced by the market order in the transformation process proposed above: challenges from the intervention of non-market forces, challenges from the market mechanism itself, and challenges from the lack of public awareness. This also fully demonstrates that when discussing the relationship between market order and the construction of social credit systems, it is necessary to clarify the relationship between market order and the three main bodies of government, market, and the public.

2. Research on the joint point between market order and social credit construction subjects

One of the most obvious characteristics presented by the chaos of market order is the credit crisis. Specifically, the lack of personal integrity, the lack of market credit, and the decline in government credibility constitute the three main dimensions of the credit crisis. Among them, the central role is the government’s credibility. Although market credit has the ability to self-regulate, and personal integrity in society also has the logic of seeking benefits and avoiding disadvantages, it requires the improvement of the government’s credibility and governance capabilities to guide the benign development of the internal cycle of market credit and social credit. The governance of the credit crisis requires the comprehensive improvement of the social governance system and

governance capabilities. The relationship between the market, society, and the government is also very close. Therefore, the following sections will analyze the characteristics of the convergence of market order and social credit in four stages, combining Fei Xiaotong's "social erosion" theory, Sun Liping's "social collapse" theory, and Huntington's "political decline" theory. Each section will involve these three main bodies, but each section focuses on different aspects.

2.1. Economic order and credit loss in the process of "erosion"

The concept of "social erosion" [7, p. 56] mentioned by Fei Xiaotong in his book "Rural Reconstruction" reflects the crux of China's social transformation in the 1930s. Fei Xiaotong believes that due to the erosion of Western ideological trends, there has been a loss of "knowledge", "power", and "wealth" in the process of transforming China's traditional agricultural society into a modern industrial society [8, p. 39].

Fei Xiaotong's theory of "social erosion" can also be used to reveal the crux of the credit crisis in the process of China's economic transition. Under the original planned economy system, there was a stable economic structure, so the planned economy period reflected a high degree of government credit based on the public ownership economy. However, with the transition from a planned economy to a market economy, the unregulated and unregulated market economic order has begun to erode the stable structure of the original planned economic system. Problems such as waste of economic and social resources and lack of integrity have seriously affected the harmonious and healthy development of market order. Therefore, this paper believes that standardizing economic order is only to control the speed of erosion, and the most fundamental thing is to address the issue of "loss" of credit. That is, establishing a social credit system has become an urgent need to develop a socialist market economy at that time.

Combining the four stages of the social credit system from scratch to existence, from existence to reality, and from reality to refinement, the characteristics of the economic order and market credit "loss" in the process of "erosion" can be summarized as follows. (1) During the planned economy period, there were clear instructions for the conduct of economic activities. Since the transition of the economic system, market disorder has begun to damage market credit, and market credit has gradually been explored independently of the social credit system, at a stage of "there's no making without breaking ". (2) With the deepening of the marketization process, "credit loss" has seriously hindered the orderly development of the economy, and the market credit system has entered a stage dominated by market evaluation and measurement. (3) With the initial establishment of a modern market system and the initial success of market credit governance, "credit loss" has begun to spread to the social sphere. The social credit system has been comprehensively promoted towards government integrity, business integrity, social integrity, and judicial credibility. (4) Since the 18th National Congress of the Communist Party of China, from governance to prevention, emphasis has been placed on addressing economic information asymmetry to maintain market norms. Market credit has entered the stage of "checking erroneous ideas at the outset ", and the social credit system has developed towards refinement. In short, the establishment of market credit has effectively curbed the rate of "loss" of market credit and effectively managed the "decay" of market economic order in the process of erosion.

There is still a point to discuss about the "loss" of credit. In Fei Xiaotong's theory of social erosion, the first batch of people who actively left the village were the intellectual elite, the wealth elite, and the power elite. After these elites left the village, the rural structure changed, and the situation faced by the originally middle and bottom level villagers continued to deteriorate. The bottom level villagers had

no way to retreat and passively fled the village, leaving only the middle class of the original village to continue to adhere. Therefore, there has been a polarization in the “drain”. In addition to the active “drain” of the elite, there is also a part of the forced “drain” of the bottom. Similarly, in the process of market economy transition, credit loss can also be divided into two types: active credit loss and passive credit loss. The loss of market credit in the market field itself is an act of active choice, more manifested in the phenomenon of dishonesty and violation by power and capital holders, and is based on the “only profit” choice of economic resource allocation when power is out of control. As the crisis of market credit has destroyed the first layer of soil, it is closely followed by the loss of passive credit from the bottom up. This passive form is more manifested in the lack of social integrity in which many individuals participate, which is the content of market order and social credit discussed in the next section.

2.2. From the market credit crisis to the collapse of social credit

The chaos of market order and the lack of social credit can be described as a twin relationship. The chaos of market order has brought about complex social contradictions, social conflicts, and even group incidents. Social credit not only refers to the individual integrity of each individual in society, but also includes the moral atmosphere presented by the entire society. Since the transition of market economy, the issue of economic dishonesty has not only become a difficult problem to be solved in the economic field, but has gradually risen to the level of the entire society and become a part of social credit crisis and even social conflict.

The construction of a social credit system is a process of curing social structural contradictions. The cells of social organisms undergo necrosis and functional failure, and instead of relying on external forces, they begin to fester from the inside. Similarly, the collapse of social credit is a pathological change in the social organism from the inside to the appearance. The external manifestation of the disease is market disorder, while the real lesion is the loss of internal power. According to the theory of the New Institutionalist School of Economics, everyone has an opportunistic tendency to seek the maximum benefit for themselves. “Credit capital is the best choice for the allocation of social resources” [9, p. 2]. A sound social credit system can optimize the allocation of credit as a social resource, thereby improving the integrity level of the entire society, ultimately making trustworthy behavior a habitual behavior, and making trustworthy culture the mainstream culture of society.

Combining the four stages of establishing a social credit system, the relationship between the market credit crisis and the “collapse” of social integrity can be summarized as follows. (1) During the planned economy period, market credit and social integrity construction were almost non-existent, and social integrity had been affected by economic weakness, and was already in the “there’s no making without breaking” stage. (2) With the continuous deepening of the marketization process, although the social credit system has been established, it still focuses on the governance of market credit, and social integrity has not received sufficient attention. Compared to the construction of market credit, social integrity governance is still at the stage of “be biased”. (3) As the “collapse” of credit has begun to spread to the social field, market credit governance has also begun to achieve results, and social credit construction has increasingly been placed in an important position. With the focus on governance of individual integrity in social organisms, promoting an atmosphere of honor in keeping faith to the entire society, and social credit construction has entered the stage of “radical solutions”. (4) Since the 19th National Congress of the Communist Party of China, improving the social credit system has begun to develop towards refinement as an important component of strengthening and innovating social governance, and has entered the stage of simulta-

neous construction of market and moral. In short, it can be seen from the process of establishing the social credit system that when the loss of credit causes the individual credit part of the social organism to show signs of collapse, the construction of social credit is increasingly reaching an important position.

2.3. Market disorder and power loss

The phenomenon of lack of integrity exposed in the market order is an external manifestation of credit loss, and the underlying problem is that power has become a force that cannot be constrained externally or internally, that is, “power is out of control.” According to the theory of political decline proposed by Huntington, the loss of power caused by the maladjustment, disharmony, and mismatch between the political system and the social environment is the essential attribute of political decline. That is, “Political decline is a disorder caused by the ‘disconnection’ between the political system and economic development” [10, p. 6]. The so-called loss of power is a manifestation of a disorder in the relationship between political power, economic power, and social power during political change [11, p. 117]. Strong political power may be transformed into strong economic power, monopolizing economic resources and opportunities; “Strong economic power can also be transformed into political power, controlling channels and opportunities for political participation” [12, p. 12]. Therefore, the chaos of market order is only one of the external manifestations of power disorder, and its root cause is the power overstepping within the power order. Therefore, to establish a social credit system to deal with market disorder, the fundamental task is to establish a system that can effectively distinguish power. The main body of China’s social credit system construction is the state, which is a social transformation led by the government. Therefore, the construction of China’s credit system has become a political act at the national level. In the process of establishing the social credit system, the improvement of government credibility has experienced a W-shaped curve path.

Combining the four stages of establishing a social credit system, the characteristics of the four stages closely related to government credibility can be summarized as follows. (1) During the planned economy period, the government represented a high degree of credit, and society generally recognized that “if there are problems, find organizations, if there are difficulties, find work units.” The government’s credibility was at the first top of the W-shaped curve, which is the “high credit” stage. (2) With the continuous occurrence of various social conflicts, the credibility of the government has shown a downward trend. Although the concept of a social credit system has been proposed and a research group on the national credit management system has been established, the focus is on rectifying market credit, and the governance of government credit issues is still stagnant in the “hindsight” stage. However, the 2008 Beijing Olympic Games played a temporary role in various social conflicts, so after the decline of government credibility, rise again to the second tip of the W-shaped curve. (3) With the increasing number of mass incidents, the credibility of the government has plummeted. Not only is “integrity construction in a prominent position”, but also efforts to promote government credit and judicial credibility have been proposed. In addition, a series of anti-corruption measures since the 18th National Congress of CPC have increased the credibility of the government to the third highest level, and the improvement of the credibility of the government has entered the “catch up” stage. (4) In 2014, the Central Committee of the Communist Party of China and the State Council issued the first top-level design for the construction of the entire social credit system, identifying the three main bodies for the construction of the credit system. Since then, the improvement of the government’s credibility has entered the stage of “having regulations to abide by”.

3. Prospects for the Credit Construction of Large Countries in the Process of Transformation

The establishment of social credit system in China is not only a historical continuation of traditional Chinese credit culture, but also an important component of the socialist market economic system, and also a manifestation of China's construction of "great credit" [13, p. 126] in the global credit system. President Xi Jinping clearly pointed out that for the prominent problem of loss of credit, we should not only speed up the establishment of a credit investigation system covering the whole society, but also improve the law-abiding and the reward and punishment mechanism, so that people dare not lose the credit and cannot lose the credit. In general, over the past 45 years of reform and opening-up, China's social credit system management has made certain achievements.

First, focus on using joint rewards and punishments, information sharing, and industry supervision to improve the system planning and infrastructure construction of social credit management. "We should optimize the measures to punish trust-breaking, make the necessary punishments appropriate, simplified and effective, and control the joint punishment within the necessary scope" [14, p. 43]. On October 10, 2022, the Credit Bureau of the People's Bank of China stated that the People's Bank of China will further build and improve a credit reporting system that covers the entire society and provides high-quality credit reporting services for economic and social development [15, p. 10].

Second, focus on using credit law, public credit regulations, and credit code management to promote the legal construction of social credit management. "The social credit system includes a credit system including credit records, credit collection, credit investigation, credit guarantee, credit system and credit management" [16, p. 50]. Great progress has been made in the construction of public credit mechanisms, and the construction of market credit mechanisms needs to be coordinated. Therefore, it is necessary to promote the construction of public credit mechanisms and market credit mechanisms [13, p. 110].

Third, focus on leading the overall design of social credit through the construction of government credit and integrity culture. "People's cities serve the people", build a service-oriented government that satisfies the people, comprehensively enhance government credibility, and create a highly creditable government; And "Improving the integrity awareness and credit level of the whole society" [17, p. 36] are all necessary answers for building a great country's credit in the future.

Fourth, focus on using big data technology, information platforms, and artificial intelligence to achieve technical support for social credit management. Financial technologies such as big data and artificial intelligence can integrate different dimensions of credit data to improve the accuracy of credit scoring model predictions [18, p. 126]. In the future, it is still necessary to further establish a social credit system compatible with the digital age, apply the achievements of digital technology innovation to the construction and governance of the credit society, and build a new social credit system compatible with the economic development and social governance in the digital age [19, p. 72].

4. Conclusion

The report of the 20th National Congress of the Communist Party of China mentioned social credit for many times. The report pointed out that we should build a high-level socialist market economic system, improve such basic market economic systems as property rights protection, market access, fair competition and social credit, and optimize the business environment. We will steadily advance law-based administration, transform government functions, and improve administrative efficiency and credibility. We will im-

prove the level of civilization of the whole society, carry forward the culture of integrity, and improve the long-term mechanism of integrity construction. All of these reflect the practical needs and far-reaching significance of China's social credit management in the socialist market economic system. The strategic significance of promoting the healthy development of economy and society and meeting people's expectation of credit society by building a social credit system is further highlighted [20, p. 48].

Over the past 45 years of reform and opening-up, China's social credit system has explored, developed, and even blazed a path of great country credit with Chinese characteristics in some fields. This paper systematically analyzes the development context, main content, and internal logic of the market order and China's social credit system, striving to summarize valuable experience in China's credit management and contribute to further development in the future.

References

1. Dong Shugong, Yang Zhilin. Research on the Construction of Social Credit System Based on Social Governance: Academic Logic and Path Choice // Credit Reference [Zhengzhou China]. 2020. N 8. P. 67–72 (in Chinese).
2. Ai Wen, Zhang Huichao. Promote the Construction of Credit System and Promote the Standardization of Market Order // People-Rule of Law [Beijing China]. 2016. N 9. P. 38–40 (in Chinese).
3. Xi Jinping. The Report of the 20th National Congress of the Communist Party of China // People's Publishing House [Beijing China]. 2022 (in Chinese).
4. Wang Linchang, Lin Zheng. Analysis on the Causes of Market Disorder in China's Economic Transition Period // Research on China Market Regulation [Beijing China]. 2001. N 10. P. 17–19 (in Chinese).
5. Tian Chunsheng. The Failure of Neoliberal Doctrine and its Policies in Transition Countries. A Case Study of the Results of the First 10 Years of Russia's Transition // World Economics and Politics [Beijing China]. 2004. N 5. P. 53–58 (in Chinese).
6. Han Jiaping. Analysis on the Characteristics and Trends of China's Social Credit System Construction // China Credit [Beijing China]. 2018. N 7. P. 108–112 (in Chinese).
7. Fei Xiaotong. Country Reconstruction // Citic Press [Beijing China]. 2019. P. 56 (in Chinese).
8. Zheng Weibin. Analysis on Fei Xiaotong's "Social Erosion" // Science Economy Society [Lanzhou China]. 2017. N 35. P. 37–42+50 (in Chinese).
9. Wu Jingmei. The Requirements of the Times to Construct Social Credit System // Credit Reference [Zhengzhou China]. 2015. N 33. P. 1–4 (in Chinese).
10. Zhou Kai. From Huntington to Fukuyama: Development and Evaluation of Western Political Decay Theory // Journal of Shanghai Jiaotong University (Philosophy and Social Sciences) [Shanghai China]. 2017. N 25. P. 5–12 (in Chinese).
11. Yuan Chao. Analysis and Reconstruction of the concept of political Decay. An attempt based on the "three-level" concept construction method // Foreign Theoretical Trends [Beijing China]. 2015. N 2. P. 114–121 (in Chinese).
12. Huang Qixuan. National governance and power transformation // Academic Monthly [Shanghai China]. 2014. N 46. P. 12–16+20 (in Chinese).
13. Wu Weihai, Zhang Xiaoli. Great country Credit: China's social credit System from a Global Perspective // China Credit [Beijing China]. 2018. N 7. P. 126 (in Chinese).
14. Zhou Ronghua. Convenience of Credit: the Substantial Decision of Credit Rewards and Punishments and the Choice of Measures // Credit Reference [Zhengzhou China]. 2021. N 39. P. 38–45 (in Chinese).
15. People's Bank of China. Establish a credit investigation system covering the whole society // Times Finance [Kunming China]. 2022. N 11. P. 10–11 (in Chinese).
16. Liu Jianzhou. Construction of Social Credit System: Connotation, Mode and Path Choice // Journal of the Party School of the Central Committee of the C P C [Beijing China]. 2011. N 15. P. 50–53 (in Chinese).
17. Sun Jinyang, Gong Weibin. Forty years of construction of China's social credit system // Social Governance Review [Beijing China]. 2018. N 11. P. 31–37 (in Chinese).

18. Follow the Law of Credit Development and Strengthen the Construction of Credit System // China Credit [Beijing China]. 2018. N 7. P. 126 (in Chinese).
19. Qin Guangyuan, Zhang Jiayi, Liu Yilin. Digital Transformation of China's Social Credit System: A Literature Review // Rural Finance Research [Beijing China]. 2022. N 12. P. 71–81 (in Chinese).
20. Zhou Ronghua, Li Xin. On the High-Quality Development of the Social Credit System // Journal of Nanjing University of Science and Technology (Social Sciences) [Nanjing China]. 2023. N 36. P. 47–53 (in Chinese).

About the authors:

Chen Yuting, Doctor of Sociology, Associate Professor, Sociology department, Shanghai Administration Institute (SAI), Shanghai, China; yutingchen322@qq.com

Shi Shuolin, Sociology department, Shanghai Administration Institute (SAI), Shanghai, China; shishuolin20@outlook.com

Об авторах:

Чэнь Юйтин, доктор социальных наук, доцент, факультет социологии, Шанхайский административный институт (Шанхай, КНР); yutingchen322@qq.com

Ши Шолин, факультет социологии, Шанхайский административный институт (Шанхай, КНР); shishuolin20@outlook.com

Формирование механизмов и технологий взаимодействия органов власти и общества в условиях цифровизации государственного управления*

Иванов Д. Ю.¹ *, Волков В. А.²

¹ Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; * ivanov-dy@ranepa.ru

² Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен процесс цифровизации коммуникативного пространства между государством и обществом в современной России. С точки зрения концепций «нового государственного управления» и «сервисного государства» исследованы этапы становления электронного правительства. Изучены причины и предпосылки, которые привели к формированию концепции цифрового государственного управления. Проанализированы политические и институциональные перспективы развития новых интерактивных форматов и цифровых технологий, применяемых органами государственного управления в практике своего взаимодействия с населением. На основе проведенного исследования авторы делают выводы о том, что цифровые технологии являются современным и необходимым полифункциональным дополнением в масштабной институциональной среде политической системы России. При этом цифровые технологии требуют развития действующих политических институтов, а также гармонизации всех организационных структур государства.

Ключевые слова: государство, общество, цифровизация, правительство, взаимодействие

Для цитирования: Иванов Д. Ю., Волков В. А. Формирование механизмов и технологий взаимодействия власти и общества в условия цифровизации государственного управления // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 107–117.

Formation of Mechanisms and Technologies for Interaction between Authorities and Society in the Context of Digitalization of Public Administration

Denis Yu. Ivanov¹ *, Vitaliy A. Volkov²

¹ Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint-Petersburg, Russian Federation; *ivanov-dy@ranepa.ru

² Saint-Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

This article discusses the process of digitalization of the communicative space between the state and society in modern Russia. From the point of view of the concepts of "new public management" and "service state", the stages of the formation of e-government are studied. The reasons and prerequisites that led to the formation of the concept of digital public administration are also studied. The political and institutional benefits and prospects for the development of new interactive formats and digital technologies used by government bodies in the practice of their interaction with the population are analyzed. On the basis of the study, the authors conclude that digital technologies are a modern and inevitable multifunctional addition

* Исследование выполнено в рамках инициативной НИР СЗИУ РАНХиГС при Президенте РФ, номер в системе ЕГИСУ НИОКТР – 223071200007-4.

to the large-scale institutional environment of the Russian political system, which requires changes in the qualitative and quantitative representation of existing political institutions, as well as harmonization of the infrastructure and all organizational structures of the state.

The reported study was funded by Foundation for the Development of Scientific Research and Applied Developments of NWIM RANEPА

Keywords: state, society, digitalization, government, interaction

For citing: Ivanov D. Yu., Volkov V. A. Formation of mechanisms and technologies for interaction between authorities and society in the context of digitalization of public administration // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 107–117.

Введение

Глобальной тенденцией начала XXI в. в теории и практике государственного управления стал повсеместный поиск оптимальных и высоко адаптивных подходов, механизмов и технологий на фоне процессов динамичного внедрения новых информационных технологий [2, с. 264]. В свою очередь, в развитии информационно-коммуникационных технологий в последнее десятилетие произошел существенный сдвиг: было переосмыслено восприятие пользователями таких технологий, и изменилась их роль в процессах информационного взаимодействия [9, с. 152]. Если раньше эта роль характеризовалась как «пассивное потребление», а за информационную наполняемость электронных ресурсов отвечали их владельцы, то, начиная со второго десятилетия, роль пользователя меняется и в основу функционирования все возрастающего количества интернет-ресурсов закладывается конкурентный принцип борьбы за «клиента» [1, с. 692–693].

Происходят перемены в структуре сети интернет: потребители активно вовлекаются в процессы создания и обмена информацией. Изменилась организация связи между объектами информационной среды и сами технологии; государство, как ключевой политический институт, становится активным игроком на информационном поле. Динамичное использование информационных технологий в практиках публичного сектора — создание социальных сетей, развитие блогосферы и сайтов совместного документопользования, — а также выгоды, получаемые частным сектором при использовании этих принципиально новых инструментов коммуникаций, не могли не привлечь внимание органов государственного управления [13, с. 107]. Интеграция цифровых технологий в модели государственного и муниципального управления вкуче способствовала выходу взаимодействия государства и общества на принципиально новый уровень. Этот подход к взаимодействию в интерпретациях разных исследователей и экспертов называется: правительство 2.0 [8, с. 18], открытое правительство, государство как платформа [11, с. 360], цифровое государство [6, с. 96].

Начиная с 2010 г., в российской практике государственного управления также формируются некоторые тренды в применении цифровых технологий для повышения эффективности коммуникаций общества и власти [7, с. 213]. Вместе с тем, состояние и перспективы развития российского цифрового правительства в этом направлении требуют детального анализа. В связи с этим целью данного исследования является оценка этих перспектив с учетом специфики российского государственного управления как с точки зрения государства — стороны, предоставляющей услуги обществу, так и с точки зрения граждан как потребителей этих услуг [14, с. 9]. Также в данной статье выделяется ряд факторов и механизмов, которые способствуют дальнейшему развитию такого подхода в политических реалиях современной России.

Материалы и методы

Данное исследование базируется на содержательном, в том числе ретроспективном, анализе обширного пласта научных публикаций, посвященных вопросам цифровой трансформации взаимодействия государства и общества, с последующим PEST-анализом условий формирования цифрового правительства. Основанием развития политических институтов и технологий, увеличивающих возможности для вовлечения граждан в деятельность органов государственного и публичного управления, является концепция «нового государственного управления». В качестве методологического базиса по изучению пространства коммуникаций и кооперации общества и государства в сфере потребления и предоставления услуг авторы придерживаются концепции «сервисного государства».

Предпосылки цифрового характера взаимодействия государства и общества

Двумя крупнейшими причинами к формированию концепции цифрового государственного управления стали широкомасштабные процессы конца XX в.: развитие и распространение информационно-коммуникационных технологий и глобальные реформы моделей государственного управления в целях повышения эффективности деятельности государства [18, с. 160]. Этот период характеризовался значительным ростом спроса на государственные услуги, заметным снижением уровня доверия граждан к институтам власти по причине роста коррупции в государственном секторе, а также роста издержек, связанных с функционированием государственного аппарата. Кроме того, возросли требования граждан к эффективности государственного управления в целом. В связи с этим, в ряде стран появились концептуально новые модели государственного управления, такие как хорошее государственное управление (Good Governance) и новое государственное управление (New Public Management) [10, с. 110]. В основе модели нового государственного управления — принципы повышения эффективности работы государственного сектора за счет внедрения рыночных механизмов (в частности, контрактов государственного и частного секторов), децентрализации управления (передачи части функций на другие уровни государственного управления), повышения производительности и эффективности работы государственных органов по предоставлению государственных услуг (удовлетворение растущего спроса на государственные услуги), ориентация на потребителя (приоритетность интересов граждан как потребителей государственных услуг по сравнению с интересами государства и повышение качества этих услуг), а также управление по результатам (увязка вознаграждения государственных служащих с результатами их деятельности, четкое целеполагание и установление измеряемых критериев эффективности, оценка результата деятельности, а не процесса, и, наконец, достижение поставленного результата с минимальными издержками).

Параллельно с развитием концепции нового государственного управления начинается повсеместное распространение информационно-коммуникационных технологий. Сначала это произошло в частном секторе. Такие преимущества информационно-коммуникационных технологий, как повышение скорости и эффективности бизнес-процессов, а также процессов коммуникаций и распространения информации, которая в XX в. рассматривается как одно из важнейших конкурентных преимуществ [19] компании, стали очевидны, и оказались двигателем реформ в государственном секторе. В обществе появились новые стандарты взаимоотношений «поставщик — потребитель»: обмен информацией и совершение транзакций должно было происходить быстро, удобно и с минимальными издержками. С целью оптимизации процессов предоставления государственных услуг и функционирования государственного аппарата, развития ориентированных на потребите-

ля подходов в предоставлении этих услуг и повышения общей эффективности деятельности государства началось формирование концепции электронного правительства.

Возникновению и активному развитию концепции электронного правительства способствовал ряд политических, экономических, социальных и технологических предпосылок, которые для удобства дальнейшего анализа представлены в табл. 1.

Таблица 1

**Предпосылки формирования концепции электронного правительства
(авторская разработка).**

Table 1. Preconditions for the formation of the concept of e-government
(author's development)

| Характер предпосылок | Детальное описание предпосылок |
|----------------------|---|
| Политические | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Опыт предыдущих политических реформ государственного управления; ▪ низкий уровень прозрачности государственного аппарата; ▪ демократические преобразования; ▪ необходимость повышения эффективности государственного управления; ▪ глобализационные тенденции; ▪ инициативы правительств различных стран по внедрению ИКТ в государственный сектор |
| Экономические | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Рост спроса на услуги государственного сектора; ▪ формирование сетевой экономики, основанной на знаниях; ▪ рост издержек на функционирование государственного аппарата |
| Социальные | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Развитие информационного общества; ▪ изменение требований к качеству государственных услуг; ▪ изменение отношений государства и общества вследствие роста коррупции и бюрократии; ▪ снижение доверия граждан к работе государственных органов; ▪ самоизоляция населения в период карантинных мероприятий по профилактике и предотвращению COVID-19 [3, с. 15] |
| Технологические | <p>Повсеместное и динамичное развитие цифровых технологий и распространение их во все сферы и отрасли общества и государства</p> |

Этапы развития технологий цифрового взаимодействия

На начальном этапе важной составляющей системы электронного правительства является технология «одного окна» [12, с. 88]. Она характеризуется тем, что оказание любых государственных услуг концентрируется в одном месте: все документы подаются один раз, одному специалисту и в одно ведомство. Медиатором, который представляет такую технологию, становится сеть многофункциональных центров государственных услуг, которая формируется по принципу шаговой доступности. Сам заявитель после единовременной подачи документов никакого участия в процессе согласования информации между ведомствами и оформлении

бумаг не принимает. Таким образом, при использовании данного подхода к предоставлению государственных услуг снижается время, которое граждане тратят на вынужденные коммуникации с государственными учреждениями. Еще одна важная характеристика технологии «одного окна» — минимизация количества необходимых документов, которые гражданин или юридическое лицо должны предоставить при обращении в государственные органы. Достичь этого возможно при применении информационно-коммуникационных технологий, которые обеспечивают эффективное взаимодействие между ведомствами и позволяют объединить существующие базы данных, поэтому технология «одного окна» на практике не реализуется отдельно от системы электронного документооборота. Помимо физических точек доступа к технологии «одного окна», обращения в соответствующие государственные инстанции можно было осуществлять не выходя из дома, используя интернет, услуги call-центров, специальные терминалы и проч.

В данном случае рост эффективности достигается, прежде всего, за счет перехода на электронные транзакции вместо бумажных (электронный документооборот, оказание услуг в режиме онлайн и т. п.), что значительно снижает издержки, возникающие, к примеру, в случае повторного ввода информации или перепроверки данных. Кроме того, создание единых электронных баз данных упрощает и ускоряет взаимодействие между государственными органами и также способствует снижению транзакционных издержек.

Также происходит сокращение государственных расходов. Использование единых электронных баз данных, как только что отмечалось выше, не только ускоряет процесс получения государственных услуг, но и значительно способствует снижению транзакционных издержек.

В качестве выгод для населения такой формат взаимодействия способствует прозрачности, что результативалось принятием Федерального закона № 210, регламентирующего порядок предоставления государственных и муниципальных услуг. Суть данного закона заключается в обеспечении доступности государственных и муниципальных услуг для населения и упрощении процесса их получения. Согласно этому закону, гражданин имеет право подать заявление на предоставление ему государственной или муниципальной услуги в электронном виде. При этом органы, предоставляющие эти услуги, не вправе требовать от заявителя ни предоставления документов и информации, которые находятся в их распоряжении, ни осуществления действий, связанных с обращением в иные государственные органы, органы местного самоуправления, многофункциональные центры [16, с. 26].

Следующим этапом, который мы можем наблюдать в настоящее время, является платформенное цифровое взаимодействие между обществом и государством, построенное на базе технологии Web 2.0 [8, с. 19]. Свое применение технология Web 2.0 получила в проектах и сервисах, которые активно развиваются и улучшаются самими пользователями: сетевые сообщества, такие как блоги, социальные сети, сервисы обмена, сайты совместного использования документов, а также вики (англ. wiki — веб-сайт, структуру и содержимое которого пользователи могут самостоятельно изменять с помощью инструментов, предоставляемых самим сайтом) [17]. Ключевым платформенным ядром в данном случае выступает государственный портал «Госуслуги».

В качестве третьего перспективного этапа можно выделить тенденцию формирования интернет-сообществ. Суть технологии заключается в том, что пользователи могут подписываться на различные ресурсы (например, новостные, или посвященные определенной теме — политике, экономике, финансам и т. п.), на которые уже подписаны пользователи, находящиеся в так называемом «списке друзей».

Сегодня мы можем наблюдать широкое многообразие форм сообществ: телеграмм-каналы, социальные сети, форумы, блоги, чаты, сетевые игры и др.; во-

вторых, благодаря растущей популярности и доступности информационно-коммуникационных технологий, объем пользовательских данных, хранящихся на серверах интернета, огромен, что значительно упрощает поиск нужной информации и конкретных людей в глобальной сети. Немаловажен и психологический фактор, объясняющий рост популярности интернет-сообществ: для многих людей общение посредством обмена сообщениями начать проще, чем при личном контакте. Сообществ в интернете сегодня существует великое множество, и их роль в жизни общества возрастает. Среди таких объединений людей важное место занимают группы по интересам, посвященные политическим вопросам жизнедеятельности общества, поскольку в условиях создания электронной демократии они являются сильным действующим инструментом [20].

В практике деятельности государственных органов и органов публичного управления упрочилась традиция представления результатов деятельности в сетевых ресурсах, путем создания официальных страниц и каналов в социальных сетях и мессенджерах (ВКонтакте, Одноклассники, Telegram, WhatsApp), в том числе для получения обратной связи от населения по всем насущным вопросам на данных сетевых ресурсах. Возможность получать быструю обратную связь и комментарии граждан на опубликованные материалы дает возможность органам управления консолидировать и контролировать возможную негативную повестку, привлечь жителей к решению вопросов регионального и местного значения, содержательно корректировать мероприятия, включенные в программы и проекты, обнародовать результаты реализации региональных и местных проектов [4, с. 77].

Данные цифровые технологии, несомненно, привели к повышению степени открытости государства и применяются в качестве механизма легитимации политических решений.

В ходе анализа данных этапов развития цифрового государственного управления, прослеживается эволюция не только понимания этого термина, но и самой концепции. Изначально электронное правительство определяется исключительно как способ предоставить государственные услуги быстрее, качественнее и эффективнее. При этом ведущая роль в процессе взаимодействия принадлежит государству: именно оно определяет потребность в тех или иных государственных услугах или информации, которые должны быть предоставлены обществу. Затем цифровое правительство трактуется в соответствии с идеями «сервисного государства» как принципиально новый уровень взаимодействия государства и общества: акцент смещается в сторону потребителя государственных услуг, и именно он определяет спрос на услуги, необходимость в них и оптимальную для себя форму их предоставления [15, с. 601]. Наконец, при определении цифрового государственного управления как высшей степени ориентированности на потребителя и полной трансформации взаимоотношений его с государством во главу угла ставятся прозрачность и подотчетность государства обществу, а также высокий уровень вовлеченности граждан в процессы государственного управления. Таким образом, в ходе своего развития цифровое правительство за счет использования информационно-коммуникационных технологий в государственном секторе все в большей степени способствует поддержке и усилению демократических процессов в обществе и расширению доверительного пространства между государством и обществом.

Выгоды и перспективы развития новых механизмов и технологий

Сегодня можно с уверенностью утверждать об устойчивом формировании тенденции на максимально полную «оцифровку» государственных сервисов и услуг, которыми может воспользоваться гражданин вне зависимости от места его нахож-

дения. Это формирование обуславливается двумя факторами: быстрым развитием информационно-коммуникационных технологий и их доступностью, а также увеличением числа различных видов услуг, которые перемещаются в электронную среду полностью или частично. Развитие информационно-коммуникационных технологий в общественном секторе приводит к повышению качества предоставляемых государственных услуг и способствует повышению уровня информационного взаимодействия с гражданами.

В зависимости от характера выгод — политические, экономические или институциональные — они сгруппированы в табл. 2.

Говоря об интернет-сообществах, важно отметить, что в последние годы, наряду с популяризацией сообществ, произошли заметные перемены и в стиле жизни людей, вызванные повсеместным распространением сети интернет и увеличением возможностей доступа к ней за счет роста и развития технологических возможностей (увеличение общественных точек доступа; снижение цен на услуги связи; появление большого количества портативных технических устройств, в том числе и по доступной цене, позволяющих подключиться к глобальной сети практически в любой точке), что оказывает существенное влияние, в том числе и на политические процессы жизнедеятельности общества.

Выгоды принципиально нового уровня информационного обмена стали очевидны и для государственного сектора и не могли не вызвать интерес со стороны государственных деятелей как способы дальнейшего повышения эффективности деятельности и взаимодействия с гражданами. Интернет-сообщества, основанные на добровольном объединении людей в группы по интересам, — мощный инструмент лоббирования как со стороны граждан, так и со стороны власти. В последние годы прослеживается тенденция использования информационно-коммуникационных технологий чиновниками и политиками с целью привлечения большего количества сторонников и увеличения собственной популярности.

Таблица 2

**Классификация выгод от использования технологий цифрового правительства
(авторская разработка)**

Table 2. Classification of benefits from the use of digital government technologies
(author's development)

| Характер выгод | Политические | Экономические | Институциональные |
|----------------|---|--|--|
| Описание выгод | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Повышение эффективности государственного управления; ▪ содействие в достижении целей государственного управления; ▪ повышение уровня демократизации в стране; ▪ контроль за эффективностью государственной деятельности; ▪ прозрачность и подотчетность государственных органов | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Вклад в достижение экономических целей государства; ▪ снижение издержек функционирования госаппарата и предоставления госуслуг; ▪ более эффективное использование государственных средств бюджета; ▪ сокращение временных и финансовых издержек граждан и бизнеса | <ul style="list-style-type: none"> ▪ Повышение уровня доверия граждан к государству; ▪ вовлеченность граждан в политические процессы; ▪ снижение уровня коррупции и бюрократии; ▪ повышение качества госуслуг; ▪ повышение доступности госуслуг |

Особенно интенсивно социальные сети и блогосфера используются политиками в период предвыборных кампаний с целью повышения осведомленности избирателей о своих политических программах и повышения уровня доверия к себе. Одной из основных задач политических деятелей всегда является задача повышения собственного рейтинга в глазах граждан, и использование новых подходов к взаимодействию с ними позволяет эффективно ее решать. Это происходит, прежде всего, за счет создания ощущения большей доступности, прозрачности и открытости для диалога с гражданами, что, в свою очередь, способствует продолжительному росту доверия граждан.

Одновременно с этим каждый год растет число активных интернет-пользователей, повышается уровень распространения ИКТ в различных сферах жизнедеятельности общества. В связи с быстрым развитием цифровых технологий в частном секторе происходят изменения в самой структуре интернета. Отличительной чертой этого канала коммуникаций является не только большая способность аккумулировать и распространять информацию с высокой скоростью в потенциально неограниченных масштабах и объемах, но и сложность контроля и установления цензуры со стороны правительственных органов. Появляются способы обхода государственных информационных ограничений и блокировок, реализуются механизмы подмены информации о конечном пользователе, распространение чат-ботов. Именно высокая скорость распространения информации, ничем не ограниченные масштабы данных, вызовы постоянно совершенствующихся нейросетей и искусственного интеллекта обуславливают фактическую невозможность установления прямого и своевременного контроля за распространяемой информацией [5, с 408]. Тем не менее, с изменением роли пользователей в процессах информационного обмена (получение пользователями возможностей самим наполнять электронные ресурсы информацией, редактировать ее и обновлять) происходит рост гражданского правосознания и увеличение числа людей с активной гражданской позицией.

Выводы

Следует заметить, что цифровое правительство не является альтернативой действующему политическому институту или аналогом. Напротив, цифровые методы, технологии и форматы взаимодействия и коммуникаций необходимо рассматривать как полифункциональное дополнение действующей системе. Необходимость цифрового правительства продиктована условиями современного динамично развивающегося общества, в котором информационно-коммуникационные технологии и, в первую очередь в интернет играют все большую роль. В будущем не исключен полный или практически полный переход, цифровой формат взаимодействия, однако, речь идет не об исключении традиционной системы, а об ее расширении и усовершенствовании при помощи современных технических средств.

Анализ российского опыта использования цифровых технологий к взаимодействию государства и общества демонстрирует прямую зависимость успеха программ такого взаимодействия от определенного ряда факторов — политических, экономических, социальных, технологических, — зачастую обусловленных историческими предпосылками. Без высокого уровня развития демократических институтов в обществе, политических прав и свобод граждан, доверия граждан к властям и подотчетности государства обществу эффективное взаимодействие этих двух сторон — равноправных участников политических процессов — невозможно в принципе, независимо от того, с помощью каких инструментов и технологий оно реализуется.

Уровень развития цифрового правительства определяется не только сложившимися традициями взаимоотношений в стране, но и также уровнем развития и доступности информационно-коммуникационных технологий, которые, будучи исполь-

зованы в государственном управлении как лучшие практики из частного сектора, способствуют повышению эффективности такого взаимодействия и еще большей вовлеченности граждан в процессы политического управления.

Глобальные цифровые преобразования в области государственного управления — итерационный процесс, требующий не только значительных временных затрат, но и необходимости перемен в институциональной среде государственной деятельности, и гармонизации всех организационных структур и инфраструктур и систем с целью успешного осуществления намеченных планов преобразований.

Литература

1. *Абрамов В. И., Андреев В. Д.* Проблемы и перспективы цифровой трансформации государственного и муниципального управления в регионе (на примере Кемеровской области) // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2022. Т. 14. № 4. С. 667–700.
2. *Аубакирова К. И., Голубева А. А., Соколова Е. В.* Мотивация электронного участия граждан в развитии города (на примере портала «Наш Санкт-Петербург») // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент.* 2021. Т. 20, № 2. С. 263–290.
3. *Баранов Н. А.* Выборы как институт доверия: особенности функционирования в условиях пандемии COVID-19 // *Управленческое консультирование.* 2021. № 10. С. 10–21.
4. *Иванов Д. Ю.* Вопросы конструирования доверительных механизмов в проектировании социально-экономического развития // *Управленческий учет.* 2022. № 12–1. С. 71–78.
5. *Ильина Е. М.* Политика и управление в условиях цифровой трансформации: политологический ракурс искусственного интеллекта // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2022. Т. 14. № 3. С. 403–421.
6. *Кочетков А. П., Мамычев А. Ю.* Государственная политика России в цифровую эпоху: основные тренды, сценарии и регуляторные практики // *Полис. Политические исследования.* 2023. № 1. С. 96–113.
7. *Купряшин Г. Л., Шрамм А. Е.* О принципах датацентризма, сетецентризма и командоцентризма в контексте информатизации государственного управления // *Государственное управление. Электронный вестник.* 2019. № 76. С. 211–242.
8. *Курочкин А. В., Парфенова Ю. В.* Электронное участие в структуре современного политического процесса // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2015. Т. 11, № 4. С. 17–26.
9. *Лапкин В. В.* Государство во временах и пространствах: многообразие и изменчивость // *Полис. Политические исследования.* 2020. № 6. С. 148–162.
10. *Майоров В. И.* Административная реформа в России: совершенствование государственного управления на основе концепции нового государственного менеджмента // *Юридическая наука и правоохранительная практика.* 2017. № 3 (41). С. 109–116.
11. *Неверов К. А.* Проблемы цифровизации гражданского участия в развивающихся странах: «правительство как платформа» в странах Латинской Америки // *Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС.* 2021. Т. 17, № 4. С. 360–370.
12. *Плотников В. А., Маслюк А. В.* Перспективы цифровизации процессов государственного управления // *Управленческое консультирование.* 2022. № 3 (159). С. 87–94.
13. *Сморгунов Л. В.* Современные тенденции в государственном управлении: от нового государственного менеджмента к управлению публичной политикой // *Политическая наука.* 2022. № 3. С. 100–121.
14. *Соловьев А. И.* Политическая повестка правительства, или зачем государству общество // *Полис. Политические исследования.* 2019. № 4. С. 8–25.
15. *Тетерюк А. С., Ляликов А. А.* Опыт разработки методологии анализа процесса принятия решений в сфере регулирования цифровой экономики в России // *Ars Administrandi. Искусство управления.* 2020. Т. 12. № 4. С. 595–617.
16. *Устинович Е. С.* «Электронное взаимодействие» граждан и власти (политико-правовой обзор) // *Гражданское общество в России и за рубежом.* 2019. № 2. С. 26–27.
17. *Gil-Garcia R. et al.,* 2018. Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review.* Vol. 20. N 5. P. 633–646.
18. *Golubeva A. A., Gilenko E. V., Dzhedzheya V. B.* Enhancing Public Value of Local Public Services through Electronic Interaction // *Russian Management Journal.* 2019. Vol. 17. N 2. P. 159–178.

19. *Edwards S. B., Santos D.* (eds.). *Digital Transformation and its role in progressing the relationship between states and their citizens.* Hershey PA: IGI Global Information Science Reference, 2020, 231 p.
20. *Schmidt E., Cohen J.* *The new digital age: reshaping the future of people, nations and business.* London : John Murray, 2013, 315 p.

Об авторах:

Иванов Денис Юрьевич, доцент кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; ivanov-dy@ranepa.ru

Волков Виталий Александрович, профессор, профессор кафедры теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук; vitv@rambler.ru

References

1. Abramov V.I., Andreev V.D. Problems and prospects of digital transformation of state and municipal governance in a region (the case of the Kemerovo region) // *Ars Administrandi.* 2022. Vol. 14. N 4. P. 667–700 (in Rus).
2. Aubakirova K.I., Golubeva A.A., Sokolova E.V. Motivation for citizen e-participation in urban development: The case of “Our St. Petersburg” portal // *Vestnik of Saint Petersburg University. Management.* 2021. N 20 (2). P. 263–290 (in Rus).
3. Baranov N.A. Elections as an Institution of Trust: Features of Functioning in the Context of the COVID-19 Pandemic // *Administrative Consulting.* 2021. N 10. P. 10–21 (in Rus).
4. Ivanov D.Yu. Issues of formation of trust mechanisms in designing socio-economic development // *Management Accounting.* 2022. N 12–1. P. 71–78 (in Rus).
5. Ilyina E.M. Politics and administration under conditions of digital transformation: A political science perspective of artificial intelligence // *Ars Administrandi.* 2022. Vol. 14. N 3. P. 403–421 (in Rus).
6. Kochetkov A.P., Mamychyev A.Yu. Russian public policy in the digital age: trends, scenarios and regulatory practices. // *Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya].* 2023. N 1. P. 96–113 (in Rus).
7. Kupryashin G.L., Schramm A.E. On principles of data, network, and chain-of-command centrality in the context of digital governance // *Public Administration. E-journal.* 2019. N 76. P. 211–242 (in Rus).
8. Kurochkin A.V., Parfyonova J.V. E-participation in the structure of modern political process. // *Political expertise: POLITEX.* 2015. Vol. 11. N 4. P. 17–26 (in Rus).
9. Lapkin V.V. The State in Times and Spaces: Diversity and Variability // *Polis. Political Studies.* 2020. N 6. P. 148–162 (in Rus).
10. Mayorov V.I. Administrative reform in Russia: improving the public administration based on the concept of new public management // *Legal Science and Law Enforcement Practice. Section 7. Law enforcement policy.* 2017. N 3 (41). P. 109–116 (in Rus).
11. Neverov K.A. Issues of digitalization of civic participation in developing countries: «government as a platform» in Latin America // *Political Expertise: POLITEX.* 2022. N 17(4), P. 360–370 (in Rus).
12. Plotnikov V.A., Maslyuk A.V. Prospects for digitalization of public administration processes // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie].* 2022. N 3. P. 87–94 (in Rus).
13. Smorgunov L.V. Modern trends in public administration: from new public management to governance of public policy // *Political science [Politicheskaya nauka].* 2022. N 3. P. 100–121 (in Rus).
14. Solovyov A.I. Political agenda of the government, or why the state needs the society // *Polis. Political Studies [Polis. Politicheskie issledovaniya].* 2019. N 4. P. 8–25 (in Rus).
15. Teteryuk A., Lyalikov A. Experience in developing a methodology for analyzing the decision-making process in the field of digital economy regulation in Russia // *Ars Administrandi.* 2022. N 12 (4). P. 595–617 (in Rus).
16. Ustinovich E.S. Electronic cooperation between the citizens and the government (a political and legal review) // *Civil Society in Russia and Abroad.* 2019. N 2. P. 26–27 (in Rus).

17. Gil-Garcia R. et al., 2018. Digital government and public management research: finding the crossroads. *Public Management Review*. Vol. 20. N 5. P. 633–646.
18. Golubeva A. A., Gilenko E. V., Dzhedzheya V. B. Enhancing Public Value of Local Public Services through Electronic Interaction // *Russian Management Journal*. 2019. Vol. 17. N 2. P. 159–178.
19. Edwards S. B., Santos D. (eds.). *Digital Transformation and its role in progressing the relationship between states and their citizens*. Hershey PA: IGI Global Information Science Reference, 2020, 231 p.
20. Schmidt E., Cohen J. *The new digital age: reshaping the future of people, nations and business*. London : John Murray, 2013, 315 p.

About the authors:

Ivanov D. Yu., Associate Professor of the Chair of Management of the Chair of Economics and Finance of North-West Institute of Management of RANEPA (Saint-Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Sciences, ivanov-dy@ranepa.ru

Volkov V. A., Professor of the Chair of Theories and Philosophy of Politics of the Chair of Political Sciences of St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Political Sciences), Professor; vitv@rambler.ru

Политика в сфере искусственного интеллекта как область исследования: предварительные результаты библиометрического анализа

Болгов Р. В.

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; rbolgov@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Цель статьи — способствовать лучшему пониманию литературы в области политики искусственного интеллекта (ИИ) и продемонстрировать возможности использования программного обеспечения для автоматизированной обработки информационных массивов, загруженных из библиографических баз данных, для библиометрического анализа этой сложной междисциплинарной области исследования.

Методы. Во-первых, мы используем описательный анализ статей и авторов, чтобы определить, что такое «политика в области ИИ», и основные направления этой исследовательской области. Во-вторых, мы определяем концептуальную структуру области исследования с помощью библиометрического анализа, который позволяет создать карту основных и особо важных изучаемых тем. Эти темы были проанализированы и сгруппированы. В-третьих, мы выявляем направления будущих исследований.

Результаты. Всего было проанализировано 1545 публикаций из баз данных Google Scholar за период 1968–2022 гг. Полученные результаты свидетельствовали о возможности эффективного использования функциональных возможностей специального программного обеспечения для анализа тенденций в науке.

Выводы. Качественная интерпретация результатов позволила предложить несколько направлений исследований, которые следует развивать в будущем. Первое заметное наблюдение — это малое количество исследований, изучающих политику ИИ и ее качество в условиях геополитических потрясений. Второе исследовательское наблюдение заключается в том, что на данный момент мало исследований того, какие последствия имеет политика в области ИИ.

Ключевые слова: искусственный интеллект, политика ИИ, стратегия ИИ, технологическая платформа, библиометрический анализ

Для цитирования: Болгов Р. В. Политика в сфере искусственного интеллекта как область исследования: предварительные результаты библиометрического анализа // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 118–123.

AI Policy as a Field of Study: Preliminary Findings from a Bibliometric Analysis

Radomir V. Bolgov

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; rbolgov@yandex.ru

ABSTRACT

The **aim** of the article is to contribute to a better understanding of the literature in the field of artificial intelligence (AI) policy and to demonstrate the possibilities of using software for automated processing of information arrays loaded from bibliographic databases for bibliometric analysis of this complex interdisciplinary research field.

Methods. First, we use a descriptive analysis of articles and authors to define what “AI policy” is and the main directions of this research field. Secondly, we define the conceptual structure of the research field using bibliometric analysis, which allows us to create a map of

the main and especially important topics of study. These themes have been analyzed and grouped. Third, we identify areas for future research.

Results. In total, 1545 publications were analyzed from the Google Scholar database for the period 1968–2022. The obtained results testified to the possibility of effective use of special software for the scientific trends analysis.

Conclusion. The qualitative interpretation of the results made it possible to propose several areas of research that should be developed in the future. The first notable observation is the paucity of research examining AI policy and its quality in the face of geopolitical shock. The second research observation is that there is little research on the effects assessment of AI policies.

Keywords: artificial intelligence, AI policy, AI strategy, technology platform, bibliometric analysis

For citing: Bolgov R. V. AI Policy as a Field of Study: Preliminary Findings from a Bibliometric Analysis // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 118–123.

Введение

Ведущие страны сегодня идут по пути модернизации за счет новых технологий, в том числе искусственного интеллекта (ИИ). Безусловно, сотрудничество стран по ИИ стратегически необходимо. Однако текущая динамика отношений между ведущими странами [2; 4] говорит о противостоянии в цифровом пространстве.

Настоящее исследование направлено на то, чтобы способствовать лучшему пониманию литературы по политике в сфере ИИ тремя способами. Во-первых, мы используем описательный анализ статей и авторов, чтобы определить, что такое «политика в области ИИ», и основные направления этой исследовательской области. Во-вторых, мы определяем концептуальную структуру области исследования с помощью библиометрического анализа, который позволяет создать карту основных и особо важных изучаемых тем. Эти темы были проанализированы и сгруппированы. В-третьих, мы выявляем направления будущих исследований.

ИИ как исследовательская область развивается с 1950-х гг. Однако социальное и политическое звучание ИИ приобрел только в последние годы. Многие страны разрабатывают национальные стратегии в области искусственного интеллекта, которые официально опубликованы.

Ранее предпринимались попытки анализа и сравнения национальных политик в области ИИ как отдельными исследователями [6; 8–10], так и международными организациями, такими как ОЭСР [5]. Были предложены интересные подходы к анализу национальных стратегий и политики в области искусственного интеллекта. В частности, ван Беркел и коллеги [12] оценивают семантическое сходство между документами, используя языковую модель «Универсальный кодировщик предложений». Путем тематического моделирования они определили 10 тем (компонентов политики ИИ), таких как стратегия развития, инфраструктура, частный сектор, государственный сектор, управление данными, этические основы, образование, здравоохранение, сотрудничество и исследование. Галиндо и коллеги [5] принимают во внимание такие компоненты, как оборона, энергетика, аэрокосмическая отрасль, умные города и т. д. Раду [8] обсуждает ситуацию с точки зрения того, кто является движущей силой развития ИИ и какова роль промышленности, научных кругов и государства. Салас-Пилко [11] предлагает такие параметры для сравнения национальных политик в области ИИ, как «Приоритеты», «Бюджет», «Достижения» и «Вызовы».

Исследовательский подход

В данном библиометрическом исследовании мы попытались рассмотреть современное состояние исследований политики в области ИИ, отраженное в статьях,

наиболее цитируемых авторов, источниках (журналах) и т. д., а также определить ключевые темы.

Согласно подходу Зупича и Чатера [13], стандартный процесс библиометрического анализа включает пять этапов (дизайн исследования, сбор данных, анализ данных, визуализация данных и интерпретация). Мы принимаем за основу этот подход и включаем в анализ следующие этапы.

Дизайн исследования включал выбор библиографической базы для сбора данных (в данном случае Google Scholar); разработку стратегии поиска.

Сбор данных включал:

- поиск в Google Scholar на основе выбранной стратегии поиска. Всего мы нашли 1946 публикаций за период 1991–2023 гг. при поиске по названию страны и ключевым словам: «Политика ИИ», «Стратегия ИИ», «Политика ИИ», «Инициативы ИИ», «Регулирование ИИ», «Управление ИИ», «Законодательство об ИИ», «Законы об ИИ»;
- экспорт извлеченных библиографических записей в формат EndNote;
- импорт этой же коллекции в формате EndNote в Mendeley для просмотра. Формат EndNote был единственным общим как для загрузки из Google Scholar, так и для импорта в Mendeley;
- автоматическую проверку дубликатов в Mendeley;
- загрузку коллекции на Biblioshiny в формате bib [1]¹;
- экспорт коллекции из Biblioshiny в виде файла Excel.

Анализ данных включал:

- просмотр заголовков каждой записи в Google Scholar, удаление нерелевантных записей, как описано ниже. В соответствии с подходом Лань и Андерс [7], мы исключили из анализа рецензии, препринты, редакционные статьи и предисловия, поскольку они давали ограниченное представление о рассматриваемой теме. Мы включили только элементы на английском языке, так как английский язык наиболее широко используется для публикации исследований.

В соответствии с подходом Деккер и Беккерса [3], мы выбрали набор критериев для включения статей в обзор:

- 1) рецензируемые статьи на английском языке;
- 2) оригинальные исследования (эмпирические и теоретические исследования);
- 3) релевантность для данного исследования. Были исключены статьи, которые:
 - а) не касаются конкретно политики ИИ;
 - б) обращаются к неполитическим темам (ИИ и торговля, искусство и культура и т. д.);
 - с) рассматривают другой контекст (например, здравоохранение, образование, сельское хозяйство, охрана окружающей среды).

После всех этих действий мы отобрали 178 публикаций.

- загрузку окончательной коллекции на Biblioshiny и выполнение различных библиометрических операций (например, расчет основных библиометрических показателей, таких как наиболее продуктивные авторы, сетевой анализ совместных появлений).

Визуализация данных выполнялась с помощью функционала Biblioshiny с использованием графиков Excel.

Интерпретация результатов

За последние пять лет мы можем наблюдать экспоненциальный рост исследований политических аспектов ИИ. Некоторое снижение в 2022 г. можно объяснить тем,

¹ Biblioshiny — это веб-интерфейс пакета R Bibliometrix: <https://bibliometrix.org/Biblioshiny.html?text=biblioshiny%20is%20a%20shiny%20app,o%20Data%20filtering>

что данные еще не включены в базу. Но этот аргумент кажется неубедительным в отношении 2021 и 2020 гг. после пика публикаций в 2019 г. В любом случае, мы не можем утверждать, что это направление исследований достигло определенной точки, за которой наступает «зрелость». Количество публикаций все еще намного больше, чем 8–10 лет назад.

Что касается источников, то можно выделить следующие наиболее продуктивные издания: *Telecommunications Policy*, *AI and Ethics*, *Government Information Quarterly*, *Philosophical Transactions of the Royal Society A: Mathematical, Physical and Engineering Sciences*, *Policy and Society*, *Science and Engineering Ethics*, *Technology in Society*. Трудно выделить явного лидера в этой области. Так или иначе, многие журналы по политическим и социальным наукам все чаще включают статьи о политике в сфере ИИ. Появляются специализированные журналы по данной тематике, растут их квартили, снижается доля публикаций в сборниках конференций (за счет увеличения количества публикаций в журналах), что свидетельствует о повышении качества исследований. Можно заметить, что количество источников с 2014 г. увеличилось. Интересно, что среди всех источников наблюдалась общая тенденция: первый год появления характеризовался ростом, затем были периоды без изменений.

Что касается авторских коллабораций, то, анализируя сеть совместных появлений авторов (*author co-occurrence network*), нам удалось выделить несколько групп наиболее продуктивных авторов, которые в той или иной степени изолированы друг от друга: 1) Floridi — Taddeo — Cowis — Roberts — Cath — Hine — Wang — Morley; 2) Van Roy — Perset; 3) Misra — Assibong P. — Assibong PA — Adewumi; 4) Armuna — Arenal; 5) Wanjiku — Knight — Leach — Stahl — Ulnikane.

Анализ сети заголовков (*title network*) показал, как термины соотносятся и используются вместе. Наиболее распространенными терминами были «политика», «стратегия искусственного интеллекта», «политика искусственного интеллекта» и «Китай». Стоит отметить, что исследователи ориентируются преимущественно на национальные стратегии и платформы, а также перспективы и технологии. Это означает, что в настоящее время в исследованиях политики ИИ доминирует институциональный подход. «Политика» является крупнейшим узлом в сети, за ней следуют «стратегия искусственного интеллекта», «политика искусственного интеллекта» и «Китай». Мы видим несколько сегментов сети. Например, один из сегментов показывает совместное появление слов «стратегия ИИ», «сравнительный анализ», «вызов» и «роль», что можно интерпретировать как то, что основной целью сравнительного анализа является изучение роли и проблем ИИ в национальных стратегиях. Другой сегмент показывает совместное появление слов «политика», «национальная стратегия» и «технология», что мы можем интерпретировать как влияние технологий на политику и стратегии ИИ.

Кроме того, функционал *Biblioshiny* предоставил возможность составить тематическую карту (*thematic map*). Здесь мы видим отсутствие (или слабую представленность) таких тем, как «Политические эффекты ИИ» и «Оценка стратегий ИИ». Это означает, что эти темы все еще недостаточно исследованы. К «базовым» темам (т. е. малоизученным, но с высокой степенью актуальности) отнесены «история и уроки», «политика ИИ», «вызовы, управление» и др. К «передовым» (уже достаточно изученным, но по-прежнему с высокой степенью актуальности) темам можно отнести «критика и этические аспекты ИИ», «подход ЕС», «данные, индустрия, интернет». К «нишевым» темам (достаточно изученным, но с низкой актуальностью) относятся «демократия, сила, возможности», «эра алгоритмов» и др. Наконец, к «возникающим» или «теряющим актуальность» темам относятся «теория», «законодательство», «применение ИИ». Мы видим, что политика ИИ — это область, которая включает в себя множество арен и широкий спектр методов.

Ограничения исследования

Следует отметить, что выбор ключевых слов для поиска определяется исходными знаниями автора по данной теме. Это обстоятельство определило выводы. Мы использовали данные поиска не в Scopus или Web of Science (WoS), традиционно используемых для таких целей, потому что эти сервисы закрыли доступ из России из-за санкций, по иронии судьбы являющихся предметом этой статьи. Мы использовали Google Scholar, где невозможно экспортировать данные из списков цитируемой литературы, аннотаций или сведений об авторах. Мы можем выделить «Авторов», «Заголовки», «Источники» и «Годы публикации» как области исследовательского интереса. Конечно, в Scopus и WoS данные качественнее и разнообразнее, чем в Google Scholar. Однако преимуществом Google Scholar здесь является индексация книг, а не только журнальных статей и материалов конференций.

Обсуждение и заключение

Обзор литературы помог нам предложить несколько направлений исследований политики в области ИИ, которые следует развивать в будущем. Первое заметное наблюдение — это отсутствие исследований, изучающих стратегии ИИ и их качество в условиях геополитического шока (пандемия, вооруженные конфликты, санкции, экологический кризис). Политика ИИ ранее изучалась в периоды определенности, но наш библиометрический анализ показал недостаток теоретических выводов и эмпирических исследований политики ИИ в кризисное время. Следующая исследовательская идея заключается в том, чтобы понять, что представляет собой политика в области ИИ и какие последствия она имеет. Лишь в нескольких исследованиях было предложено определение политики ИИ и описан ее процесс с точки зрения научного вклада. Однако политика ИИ не всегда эффективна, поскольку может иметь негативные последствия для участников. Это влияние должно быть глубоко изучено.

Политика ИИ, наряду со смежными направлениями, изучается с позиций разных областей. Междисциплинарный характер этого научного направления, пересечение различных подходов делает кейсы особенно интересными для использования в библиометрических исследованиях. Полученные результаты свидетельствуют о возможности использования функциональных возможностей конкретных программ для анализа междисциплинарных тенденций в мировой науке. Используя не вполне репрезентативную выборку, мы выявили множество признаков, которые могут служить предметом дальнейшего более детального анализа.

Литература / References

1. *Aria M., Cuccurullo C.* bibliometrix: An R-tool for comprehensive science mapping analysis // *Journal of Informetrics*, 2017, 11, pp. 959–975. <https://doi.org/10.1016/j.joi.2017.08.007>.
2. *Bolgov R., Filatova O., Yag'ya V.* The United Nations and Russian initiatives on international information security // *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*, pp. 31–38.
3. *Dekker R., Bekkers V.* The contingency of governments' responsiveness to the virtual public sphere: A systematic literature review and meta-synthesis // *Government Information Quarterly*, 2015, 32 (4), pp. 496–505. <https://doi.org/10.1016/j.giq.2015.09.007>.
4. *Filatova O., Bolgov R.* Strategic communication in the context of modern information confrontation: EU and NATO vs Russia and ISIS // *Proceedings of the 13th International Conference on Cyber Warfare and Security, ICCWS 2018*, pp. 208–218.
5. *Galindo L., Perset K., Sheeka F.* An overview of national AI strategies and policies // *OECD Going Digital Toolkit Notes*, 2021, 14, OECD Publishing, Paris. <https://doi.org/10.1787/c05140d9-en>

6. *Jobin A., Ienca M., Vayena E.* The global landscape of AI ethics guidelines // *Nature Machine Intelligence*, 2019, 9(1), pp. 389-399. <https://doi.org/10.1038/s42256-019-0088-2>.
7. *Lan Z., Anders K.* A Paradigmatic View of Contemporary Public Administration Research: An Empirical Test // *Administration & Society*, 2000, 32(2), pp. 138–165.
8. *Radu R.* Steering the governance of artificial intelligence: national strategies in perspective // *Policy and Society*, 2021, 40(2), pp. 178–193. <https://doi.org/10.1080/14494035.2021.1929728>.
9. *Reis J., Espírito Santo P., Melão N.* Influence of artificial intelligence on public employment and its impact on politics: a systematic literature review // *Brazilian Journal of Operations & Production Management*, 2021, 18 (3), e20211114. <https://doi.org/10.14488/BJOPM.2021.010>.
10. *Roche C., Wall P. J., Lewis D.* Ethics and diversity in artificial intelligence policies, strategies and initiatives // *AI Ethics*. 2022. <https://doi.org/10.1007/s43681-022-00218-9>.
11. *Salas-Pilco S.Z.* Comparison of National Artificial Intelligence (AI): Strategic Policies and Priorities. Towards an International Political Economy of Artificial Intelligence // T. Keskin and R. D. Kiggins (eds.), *International Political Economy Series*, 2021, Springer, pp. 195-217. https://doi.org/10.1007/978-3-030-74420-5_9.
12. *van Berkel N., Papachristos E., Giachanou A., et al.* A Systematic Assessment of National Artificial Intelligence Policies: Perspectives from the Nordics and Beyond // *Proceedings of the 11th Nordic Conference on Human-Computer Interaction: Shaping Experiences, Shaping Society (NordiCHI '20)*. ACM, New York, USA, 2020. Article 10, pp. 1-12. <https://doi.org/10.1145/3419249.3420106>.
13. *Zupic I., Čate, T.* Bibliometric Methods in Management and Organization // *Organizational Research Methods*, 2015, 18 (3), pp. 429–472. <https://doi.org/10.1177/1094428114562629>.

Об авторе:

Болгов Радомир Викторович, доцент кафедры мировой политики Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; rbolgov@yandex.ru

About author:

Radomir V. Bolgov, Associate Professor of the World Politics Department of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; rbolgov@yandex.ru

Государственная политика зарубежных стран в области сохранения архитектурного наследия

Палий К. Р.*, Палий Р. Р.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, *paliy-kr@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Статья освещает актуальную на сегодняшний день проблему совершенствования государственной политики в области сохранения архитектурного наследия, авторы обращаются к позитивному опыту Китая, Японии и США. Основное содержание настоящего исследования составляет анализ структуры органов государственной власти и местного самоуправления, задействованных в вопросах охраны архитектурного наследия. В статье авторы обращаются к наработкам США в области сохранения памятников архитектурного наследия города силами органов местного самоуправления, активно вовлекающих в работу гражданское общество, которое содействует проведению мероприятий по сохранению объектов архитектурного наследия. Особый акцент делается на отношении органов государственной власти Китая к древностям, как к источнику мудрости и здравого смысла, способствующему «Великому возрождению китайской нации». Подробно авторы останавливаются на инициативе Японии на местах по взятию под охрану целых групп архитектурных зданий, представляющих особую историческую ценность.

В результате исследования были обоснованы некоторые принципы государственной политики Китая, Японии и США в области сохранения архитектурного наследия, которые были бы уместны и применимы в отечественной практике, а именно, высокая степень популяризации и образования населения в вопросах охраны архитектурного наследия, демократический характер управления объектами архитектурного наследия, создание органами государственной власти благоприятных условий для привлечения неправительственных организаций, возможность организации системы «охраняемых территорий комплекса исторических зданий», автономия органов местного самоуправления и др.

Ключевые слова: органы государственной власти, органы местного самоуправления, гражданская инициатива, неправительственные организации, национальные фонды, финансовая поддержка

Для цитирования: Палий К. Р., Палий Р. Р. Государственная политика зарубежных стран в области сохранения архитектурного наследия // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 124–134.

State Policy of Foreign Countries in the Field of Preservation of Architectural Heritage

Kristina R. Paliy*, Ruslan R. Paliy

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *paliy-kr@ranepa.ru

ABSTRACT

The article highlights the actual problem of improving state policy in the field of conservation of architectural heritage. The main content of this study is an analysis of the structure of state authorities and local self-government involved in the protection of architectural heritage. The authors turn to the positive experience of China, Japan and the USA including the best prac-

tices of the United States in the field of conservation of architectural heritage by local governments which are actively involving civil society in the work. Special emphasis is placed on the attitude of Chinese state authorities to antiquities as a source of wisdom and sanity, contributing to the "Great Revival of the Chinese Nation". The authors considered the initiative of Japan to take under local authorities' protection entire groups of architectural buildings of special historical value.

As a result of the study, some principles of the state policy of China, Japan and the USA in the field of conservation of architectural heritage were substantiated. The principles would be appropriate and applicable in domestic practice, namely, the high degree of popularization and education of the population in matters of architectural heritage protection, the democratic nature of the management of architectural heritage objects, the creation by public authorities of favorable conditions for attracting non-governmental organizations, the possibility of organizing a system of "protected areas of a complex of historical buildings", the autonomy of local self-government bodies, etc.

Keywords: state authorities, local authorities, civil initiative, non-governmental organizations, national funds, financial support

For citing: Paliy K. R., Paliy R. R. State Policy of Foreign Countries in the Field of Preservation of Architectural Heritage // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 124–134.

В XXI в. в рамках модернизации всего государства одним из важнейших элементов реформирования государственной культурной политики является изменение отношения государственной власти к многовековым традиционным ценностям, в частности к объектам архитектурного наследия. Поэтому вопрос об охране архитектурного наследия все чаще обращает на себя внимание как российское государство, так и гражданское общество. Стоит отметить, что, несмотря на единый международный подход к вопросам сохранения архитектурного наследия, каждое государство имеет свои собственные концепции и методы их сохранения, поэтому опыт зарубежных стран представляется авторам весьма интересным и полезным. Различия в основном касаются общих принципов государственной политики, в том числе механизмов государственного регулирования в области сохранения архитектурного наследия, степени участия государственных органов власти и местного самоуправления, а также методов привлечения гражданского общества.

Данное исследование проводилось авторами на основе принципов контент-анализа доктринальных документов по культурной политике в области сохранения архитектурного наследия, выступлений политических деятелей, публикаций в СМИ, а также сравнительного анализа нормативно-правовых актов государств Японии, Китая и США в области регулирования объектов архитектурного наследия. Кроме того, авторами были использованы материалы научных журналов, а также официальных интернет-порталов и информационно-правовых баз, где имеются сведения о деятельности интересующих властных институтов, их правовая природа.

Далее рассмотрим более подробно на примере Японии, Китая и США деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и неправительственных организаций в области сохранения архитектурного наследия.

В настоящее время в **США** действует модель охраны объектов архитектурного наследия, основанная на традиционно сильной гражданской позиции, эффективных мерах федерального правительства и правительств штатов, а также на широких правах и полномочиях органов муниципального самоуправления.

Система охраны материальных объектов архитектурного наследия США работает на нескольких уровнях: федеральном, штатов, округов, муниципалитетов. Основные вопросы охраны архитектурного наследия в США на федеральном уровне, согласно Закону «Об охране памятников истории, имеющих национальное значение»

1966 г.¹, решают *Министерство внутренних дел* (United States Department of the Interior)² и *Консультативный совет по сохранению памятников истории* при Президенте и Конгрессе США (Advisory Council on Historic Preservation (ACHP))³. Основные задачи федерального правительства заключаются в нормативном регулировании, общей организации деятельности, а также в оказании помощи штатам, местным муниципалитетам и Национальному фонду по охране памятников истории и культуры с целью расширения их деятельности и реализации программ по охране и использованию объектов архитектурного наследия.

Министерство внутренних дел США является главным федеральным исполнительным органом власти, ответственным за реализацию государственной политики в сфере охраны объектов архитектурного наследия. Перед Министерством стоит важная задача сохранения и демонстрации архитектурного наследия США, которая способствует укреплению идентичности народа и экономики страны. Министерство внутренних дел использует ряд инструментов для развития партнерских отношений, таких как разработка образовательных программ для населения, обучение местных гидов-туристов и содействие культурному обмену с международными коллегами, помогает правительствам штатов и местным сообществам определять способы защиты объектов архитектурного наследия и получать выгоды культурного и экономического характера.

Консультативный совет по сохранению памятников истории является независимым федеральным агентством, на которое возложена миссия по содействию в сохранении культурно-исторических ресурсов страны. Совет консультирует Президента и Конгресс США по вопросам национальной политики сохранения исторического наследия, а также обеспечивает доступ к информации заинтересованным сторонам и общественности. Совет был создан в соответствии с Законом «О национальном историческом сохранении» (NHPA) 1966 г., в котором излагаются основные обязанности и полномочия Совета. Консультативный совет по сохранению памятников истории способствует сохранению, приумножению и устойчивому использованию архитектурного наследия страны. Организационная структура Совета включает следующие отделы:

- *Управление программами федерального агентства* (The Office of Federal Agency Programs) разрабатывает и реализует инициативы по совершенствованию программ, оказывает техническую поддержку и занимается разъяснением Закона федеральным агентствам и заинтересованным лицам. Оно также контролирует выполнение Правительственного указа «Сохраним Америку», разрабатывает и организует программы обучения, включая проведение курсов, вебинаров;
- *Управление делами коренных американцев* (The Office of Native American Affairs) консультирует руководство и персонал Совета по политическим и программным вопросам, связанным с проблемами коренных американцев;
- *Управление инициативами по сохранению наследия* (The Office of Preservation Initiatives (OPI) анализирует законодательство, разрабатывает рекомендации, а также реализует программы, связанные с сохранением национального наследия;
- *Управление коммуникациями, образования и связей с общественностью* (The Office of Communications, Education, and Outreach) ведет работу с партнерами, заинтересованными сторонами и широкой общественностью через печатные

¹ National Historic Preservation Act (NHPA) 1966 (Public Law 89–665; 16 U. S. C 470 et seq.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.nps.gov/history/local-law/nhpa1966.htm> (дата обращения: 12.04.2023).

² About United States Department of the Interior // United States Department of the Interior [Электронный ресурс]. URL: <https://www.doi.gov> (дата обращения: 10.02.2023).

³ About the Agency // Advisory Council on Historic Preservation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.achp.gov> (дата обращения: 12.04.2023).

и электронные СМИ, отвечает на информационные запросы граждан и Конгресса¹.

Чтобы обеспечить управление историко-культурными ресурсами на уровне штатов губернатором назначается *Уполномоченный по охране памятников истории штата* (Governor-appointed State Historic Preservation Officer (SHPO))². В его обязанности входит надзор за состоянием памятников истории в сотрудничестве с федеральными и штатными агентствами, местными муниципалитетами, частными организациями и отдельными лицами; представление объектов архитектурного наследия для включения их в Национальный реестр; разработка и осуществление государственного плана сохранения памятников истории штата (State Historic Preservation Plan (Plan)) и др.³

Департамент охраны археологического и исторического наследия (Department of Archaeology & Historic Preservation (DAHP))⁴ как и Уполномоченный по охране памятников истории штата отвечает за охрану архитектурного наследия на уровне штатов. Миссия Департамента состоит в том, чтобы предоставлять услуги отдыха и культурного образования всем жителям и гостям штатов, призывать к ответственности за сохранение ценных природных, исторических и культурных ресурсов, а также оказывать техническую помощь в сохранении архитектурного наследия⁵. Департамент разрабатывает и реализует государственный план сохранения памятников истории штата в сотрудничестве с государственными структурами, органами местного самоуправления, обществами охраны архитектурного наследия, коммерческими и некоммерческими организациями, специалистами в таких областях, как архитектура, археология, планирование, проектирование, образование, искусство и гуманитарные науки.

Из вышесказанного следует, что Федеральное правительство и штаты реализуют систему морального и материального поощрения инициатив в области охраны архитектурного наследия [6], непосредственное же право регулировать вопросы охраны архитектурного наследия делегировано органам местного самоуправления: округам и муниципалитетам. Именно они находят тонкую грань между необходимостью сохранить исторический облик города для следующих поколений и соблюсти интересы местных жителей в части современной застройки, отвечая актуальным вызовам будущего. *Муниципальные советы по сохранению архитектурного наследия* (к примеру, Historic Architectural Review Board (HARB)⁶, Сент-Огастин; The Landmarks Preservation Commission (LPC)⁷, Нью-Йорк) принимают решения о запрете сноса и изменения облика исторической недвижимости частными владельцами, о предоставлении им налоговых льгот, ведут реестры объектов архитектурного наследия [3]. В сотрудничестве

¹ About Program Offices [Электронный ресурс]. URL: <https://www.achp.gov/about/offices> (дата обращения: 10.02.2023).

² The Washington State Historic Preservation Plan 2021–2026 // Washington State Historic Preservation Plan 2021–2026 [Электронный ресурс]. URL: <https://dahp.wa.gov/sites/default/files/Final%20State%20Historic%20Preservation%20Plan%202012.10.20.pdf> (дата обращения: 10.02.2023).

³ США // ВООПИК [Электронный ресурс]. URL: http://www.voopik.ru/doc/practice/international-law/01_usa.pdf (дата обращения: 10.02.2023).

⁴ Look. Learn. Explore // Department of Archaeology & Historic Preservation [Электронный ресурс]. URL: <https://dahp.wa.gov/> (дата обращения: 10.02.2023).

⁵ Historic Sites, Office of Parks // Recreation and Historic Preservation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.parks.ny.gov> (дата обращения 10.02.2023).

⁶ City of St. Augustine // Historic Architectural Review Board (HARB) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.citystaug.com/601/Historic-Architectural-Review-Board-HARB> (дата обращения: 15.02.2023).

⁷ The Official Website of the City of New York // The Landmarks Preservation Commission [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.nyc.gov/site/lpc/designations/designations.page> (дата обращения: 15.02.2023).

с сообществами округа Советы разрабатывают и реализуют Генеральный план сохранения архитектурного наследия (к примеру, План сохранения исторического наследия округа Колумбия¹)². Высокая оценка богатства архитектурного наследия города может способствовать продуманной системе планирования мероприятий по сохранению архитектурного наследия. Советы предоставляют гранты на восстановление фасадов некоммерческим организациям и собственникам зданий, расположенных в исторических районах или являющихся памятниками истории и культуры³. Тем, кто получил грант, сотрудники Совета оказывают практическую помощь, помогают в подготовке пакета документов, в выборе квалифицированных подрядчиков, а также посещают реставрируемые объекты по мере выполнения работ⁴.

Кроме того, в вопросах охраны объектов архитектурного наследия активно участвует большое число неправительственных организаций, таких как Фонд сохранения достопримечательностей Нью-Йорка⁵, Фонд Сохранения Саратога Спрингс⁶ и другие. Эти организации берут под охрану отдельные общественно значимые здания и сооружения.

Национальный фонд охраны памятников истории (The National Trust for Historic Preservation) является финансируемой из частных источников некоммерческой организацией, которая возглавляет движение за спасение исторических мест Соединенных Штатов Америки. В течение 70 лет Фонд спасает национальное наследие посредством своих программ, ресурсов и пропаганды⁷.

Ряд дочерних компаний Фонда следуют той же миссии, что и головная организация, работают ради сохранения культурного богатства Америки.

Национальная трастовая инвестиционная компания (National Trust Community Investment Corporation (NTCIC))⁸. обладает отличным опытом организации синдицированных кредитов для клиентов. С момента своего создания в 2000 г. Компания предоставляет инвестиционный налоговый кредит для реализации проектов, в том числе в области восстановления исторических построек, на федеральном уровне и уровне штатов. Такого рода кредиты поддерживают некоммерческие организации по всей стране.

Национальный страховой фонд (National Trust Insurance Services (NTIS))⁹ — ведущая страховая организация страны, специально созданная с целью оказания

¹ DC Historic Preservation Plan // DC Historic Preservation Plan [Электронный ресурс]. URL: https://planning.dc.gov/sites/default/files/dc/sites/op/publication/attachments/Preserving%20For%20Progress_2020%20Historic%20Preservation%20Plan.pdf (дата обращения: 15.02.2023).

² Ward Heritage Guides // The Historic Preservation Office [Электронный ресурс]. URL: <https://planning.dc.gov/page/ward-heritage-guides> (дата обращения: 15.02.2023).

³ Designations // The Official Website of the City of New York [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.nyc.gov/site/lpc/designations/designations.page> (дата обращения: 15.02.2023).

⁴ Historic Preservation Grant Program // Historic Preservation Grant Program [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.nyc.gov/site/lpc/about/historic-preservation-grant-program.page> (дата обращения: 15.02.2023).

⁵ About New York Landmarks Preservation Foundation // New York Landmarks Preservation Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www1.nyc.gov/site/lpc/about/landmarks-preservation-foundation.page> (дата обращения: 13.02.2023).

⁶ About Us // Saratoga Springs Preservation Foundation [Электронный ресурс]. URL: <https://www.saratogapreservation.org/about-us/> (дата обращения: 13.02.2023).

⁷ We're Saving Places // The National Trust for Historic Preservation [Электронный ресурс]. URL: <https://savingplaces.org/we-are-saving-places/subsidiaries> (дата обращения: 18.02.2023).

⁸ About National Trust Community Investment Corporation // National Trust Community Investment Corporation [Электронный ресурс]. URL: <https://ntcic.com/about-ntcic/> (дата обращения: 18.02.2023).

⁹ Insurance Designed with History in Mind // National Trust Insurance Services [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mdpsins.com/national-trust-insurance/> (дата обращения: 18.02.2023).

услуг по страховой защите владельцев исторических памятников и организаций, занимающихся их сохранением. Фонд сотрудничает с широким кругом страховых компаний, которые также разбираются в сложном вопросе обслуживания объектов архитектурного наследия.

*Национальный фонд развития туризма (National Trust Tours)*¹ уже более 45 лет предлагает туристические маршруты, связанные с исследованием традиций и культуры мира, с оказанием особого внимания роли искусства и архитектуры.

Очевидно, что американская общественность проявляет глубокий интерес к сохранению памятников архитектурного наследия страны [6]. За последние три десятилетия интерес со стороны частных лиц и организаций возрос [8] и к настоящему моменту в Америке насчитывается около 5600 общественных организаций, напрямую участвующих в мероприятиях по охране исторических памятников². Такого типа некоммерческие организации формируются почти в каждом городе Америки группой людей, заинтересованных в заботе о богатейшей истории районов. Миссия общественных организаций заключается в «сохранении исторического наследия, с одной стороны, и создании новых стратегий для настоящего и будущего — с другой» [4], задачами являются сбор документов, фотографий и других материалов об исторических объектах, проведение семинаров, выставок и общественных мероприятий, освещающих историю районов, с целью пропаганды и публичной защиты исторического наследия³. Так, например, в управлении Исторического общества Огайо находится около 50 музеев и объектов архитектурного наследия⁴. Интересен подход общественных организаций в вопросах охраны архитектурного наследия. Projective Preservation — примиряет «историческую архитектуру с устремлениями настоящего и нуждами будущего» [5].

Приоритетом государственной культурной политики **Китая** является бережное сохранение и активное использование в жизни современного общества объектов архитектурного наследия в соответствии с основополагающими принципами международного права и конвенций ЮНЕСКО. «Ценность архитектурного наследия заключается в том, что оно передает дух времени, свидетельствующем об исторической эпохе и культуре, по нему можно проследить историю развития города», — считают Ю Ки и Ван Чунлян [9]. Именно характерный для Китая исторический центризм [2] и особое отношение к древностям, как к источнику мудрости и здравого смысла, определяют повышенное внимание китайцев к национальным культурным ценностям. На XIX съезде Коммунистической партии Председатель КНР Си Цзиньпин в своем докладе подчеркнул; «Без уверенности в собственной культуре, без ее дальнейшего процветания не может быть и речи о великом возрождении китайской нации» [1]. Кроме того, хочется обратить внимание на очень важный и интересный, с нашей точки зрения, документ, принятый в 2013 г., Декларацию Ханчжоу. Она призывает обеспечить центральное место культуры в государственной политике с целью создания устойчивых городов и сильного общества. Декларация устанавливает неразрывную связь между культурой, миром и безопасностью. Культура рассматривается как необходимый ресурс для до-

¹ About National Trust Tours // National Trust Tours [Электронный ресурс]. URL: <https://nationaltrusttours.com> (дата обращения: 18.02.2023).

² Preservation Organizations & Resources // PreservationDirectory.com [Электронный ресурс]. URL: <https://www.preservationdirectory.com/preservationorganizationsresources/organizationcategories.aspx> (дата обращения: 19.02.2023).

³ About Northport Historical Society // Northport Historical Society [Электронный ресурс]. URL: https://www.northporthistorical.org/about_us (дата обращения: 19.02.2023).

⁴ Связь с историей Огайо, Ohio History Connection [Электронный ресурс]. URL: https://ru.qaz.wiki/wiki/Ohio_History_Connection (дата обращения: 12.02.2023).

стижения устойчивых моделей сотрудничества, экономического и социального развития¹.

Руководствуясь национальными принципами, государство и общество Китая в рамках законодательства осуществляют многогранную и непрерывную деятельность по сохранению и приспособлению архитектурного наследия для современного использования.

Деятельность правительства по охране архитектурного наследия возглавляет *Министерство культуры и туризма Китайской Народной Республики*, как главный орган, отвечающий за сохранение архитектурного наследия, оно строго придерживается правовых норм, философии охраны, а также строго подходит к управлению и эксплуатации объектов архитектурного наследия [8]. В основные обязанности входит разработка политики в сфере культуры, организация культурных мероприятий, продвижение китайской культуры на международном и национальном уровнях, развитие культурного обмена, координация органов местного самоуправления в сфере культуры, защита и сохранение архитектурного наследия.

В подчинении Министерства культуры и туризма КНР находится *Государственное управление по делам охраны культурных ценностей*², которое координирует и решает основные вопросы охраны и управления объектами архитектурного наследия, осуществляет мониторинг и надзор, проводит экспертные консультации.

Исполнительные органы на местном уровне — *местные народные правительства уездов*, в соответствии с законом реализуют рабочие мероприятия по охране архитектурного наследия в пределах своих административных районов, награждают организации или отдельные лица, внесших выдающийся вклад в защиту архитектурного наследия, устанавливают систему работы волонтеров по охране архитектурного наследия, осуществляют организацию, руководство и обучение волонтеров³.

Местные народные правительства провинций разрабатывают план охраны архитектурного наследия, организуют учреждения (агентства) по охране архитектурного наследия, которые ведут ежедневный уход и мониторинг архитектурного наследия. Если обнаружена угроза безопасности архитектурного наследия, агентство по охране должно принять меры и своевременно сообщить об этом местному народному правительству уровня уезда или провинции.

Стоит отметить, что защита архитектурного наследия — это не только работа правительства. Граждане, юридические лица и другие организации могут за счет пожертвований и т. п. создать Фонд охраны архитектурного наследия. Например, в городе Чанчунь жители учредили специальный фонд для реконструкции 42 исторических зданий в районе Парка Победы [10]. В 2006 г. Министерство культуры КНР обнародовало Меры по обеспечению сохранности всемирного архитектурного наследия. Под управлением Государственного управления по делам охраны культурных ценностей действует *Китайский исследовательский институт архитектурного наследия* (Chinese Academy of Cultural Heritage)⁴. Он проводит фундаментальные и специальные научные исследования, изучает технологии защиты архитектурного

¹ Декларация Ханчжоу, 2013 г. // ЮНЕСКО [Электронный ресурс]. URL: http://www.unesco.org/new/fileadmin/MULTIMEDIA/HQ/CLT/pdf/final_hangzhou_declaration_russian.pdf (дата обращения: 27.11.2022).

² Новая структура государственного совета КНР // Блог о законодательстве КНР [Электронный ресурс]. URL: https://cnlegal.ru/china_administrative_law/china_state_council_2023/ (дата обращения: 22.03.2023).

³ 《世界文化遗产保护管理办法》2006年11月 (Меры по управлению охраной всемирного культурного наследия, ноябрь 2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.gov.cn/fifg/2006-11/23/content_451783.htm (дата обращения: 22.03.2023).

⁴ Chinese Academy of Cultural Heritage [Электронный ресурс] URL: <http://www.cach.org.cn/> (дата обращения: 22.03.2023).

наследия, организует международное сотрудничество, академические обмены, обучение и подготовку в области охраны архитектурного наследия. Сегодня в Китае на базе высших учебных заведений созданы исследовательские институты, связанные с архитектурным наследием. Многие университеты готовят специалистов в области управления по охране и использованию объектов архитектурного наследия. В 2001 г. Министерством финансов были приняты «Меры по использованию целевого финансирования защиты национального культурного наследия», где официально установлены специальные субсидии для обеспечения финансовой поддержки проектов по исследованию и охране объектов архитектурного наследия¹.

Развитие информационных технологий в XXI в. не оставило без внимания и средству архитектурного наследия, что привело к появлению такого понятия, как «Digital heritage» («Цифровое наследие»). В настоящее время интернет используется в качестве средства распространения и популяризации традиционной китайской культуры в современной медиасреде. Мобильные приложения более популярны среди китайской молодежи и в большей степени соответствуют их привычкам использования средств массовой информации.

Одним из важных направлений культурной политики **Японии** является сохранение архитектурного наследия. В соответствии с Законом об охране культурных ценностей правительство определяет, отбирает и регистрирует наиболее важные объекты архитектурного наследия, принимает различные меры для защиты культурных ценностей, предоставляя субсидии на сохранение, ремонт и строительство объектов, утверждает планы по сохранению и улучшению исторических объектов, подготовленные органами местного самоуправления, а также принимает меры по использованию объектов архитектурного наследия. В Японии под патронажем *Министерства образования, культуры, спорта, науки и техники* действует *Агентство по делам культуры*², основанное в 1968 г. Агентство по делам культуры стремится к созданию новой «нации, формируемой на традиционных ценностях культуры и искусства». В частности, Агентство поощряет физические и юридические лица за участие в мероприятиях по сохранению и спасению исторических мест, развивает культуру как региональную, так и национальную, способствует продвижению и популяризации своих культурных ценностей, организует международный культурный обмен.

Вековые деревушки с традиционными соломенными крышами, самурайские замки, окруженные земляными стенами, уличные пейзажи торговых и почтовых городов — все это ценное японское архитектурное наследие, передаваемое из поколения в поколение. Оно необходимо для формирования традиционных нравственных ценностей, укрепления чувств сопричастности граждан к истории и культуре Японии. Пересмотр Закона об охране культурных ценностей в 1970 г. позволил впервые признать городские территории и сельские поселения новой категорией культурных ценностей, группой исторических построек, образующих городские пейзажи вместе с окружающей их средой. Была создана система «охраняемых территорий комплекса исторических зданий». По состоянию на 2 августа 2021 г. 126 районов в 104 муниципалитетах классифицируются как охраняемые территории комплекса исторических зданий (общая площадь около 3904,7 га)³. Органы власти местного самоуправ-

¹ 《国家重点文物保护单位专项补助经费使用管理办法》2001年12月11日 (Меры по управлению использованием целевых финансирования для защиты национального культурного наследия, ноябрь 2001 г.) [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.cn/fifg/2006-11/23/content_451783.htm (дата обращения: 22.03.2023).

² Organization Chronology of the Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology (MEXT) // Ministry of Education, Culture, Sports, Science and Technology [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mext.go.jp/en/about/organization/index.htm> (дата обращения: 22.03.2023).

³ 全国の伝建地区 [Электронный ресурс] URL: https://www.denken-gr-jp.translate.goog/about/save.html?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 22.03.2023).

ления и жители муниципальных районов сотрудничают в организации мероприятий по сохранению исторически ценной среды. Агентство по делам культуры готовит рекомендации муниципальным властям по сохранению и использованию комплекса исторических зданий с учетом особенностей каждого муниципального района, оказывает финансовую поддержку и предоставляет налоговые льготы на выполнение таких работ, как восстановление фасадов и установка систем защиты исторических зданий от стихийных бедствий. Кроме того, в каждом муниципалитете, в котором есть охраняемые территории комплекса исторических зданий, организован Японский совет по сохранению территорий комплекса исторических зданий¹. Целью этой ассоциации является содействие проводимым исследованиям и мерам, направленным на сохранение и обслуживание охраняемых территорий. Для достижения цели Совет осуществляет следующие действия: исследует и изучает территорию, собирает и передает информацию за счет возможности сети Интернет, проводит выставки и лекции, организует обучение и тренинги, а также реализует иные проекты, способствующие сохранению и обслуживанию охраняемых территорий.

В 1968 г. под патронажем Министерства транспорта был основан *Японский национальный траст по сохранению культурного и природного наследия*, который представляет собой «некоммерческую, освобожденную от налогов, общественную организацию, финансово поддерживаемую его членами, перечислениями промышленных предприятий, финансированием от правительства и от частных организаций» [3]. В своей деятельности траст активно проводит исследование, мониторинг и документирование объектов архитектурного наследия Японии.

Подводя итоги, отметим, что отличительной чертой государственной политики США в области сохранения архитектурного наследия является высокая степень децентрализации государственной власти. Взаимодействие государства, бизнеса и общественных организаций на основе принципов партнерства и субсидиарности обеспечивает успешную реализацию работ по сохранению архитектурного наследия. В России на региональном и муниципальном уровнях тоже должна появиться своя система поддержки и привлечения гражданских инициатив. Сегодня в регионах существует значительное количество проектов реставрации объектов архитектурного наследия, которые нуждаются в государственной и спонсорской поддержке. Самобытные Япония и Китай являются примерами проявления глубочайшего уважения к многовековой истории своей страны, культуре и обычаям, где особое место принадлежит проектам в сфере образования и науки.

В России не хватает образовательных программ для обучения людей, которые хотя бы причастными к решению вопросов сохранения архитектурного наследия. Зарубежный опыт свидетельствует о том, что образовательная часть становится драйвером развития в области управления по охране и использованию объектов архитектурного наследия, в то же время образование выполняет важную популяризаторскую функцию. Хочется указать на то, что опыт Японии в области реализации системы «охраняемых территорий комплекса исторических зданий» актуален для крупных городов Российской Федерации, где в действительности сложно брать под охрану отдельные архитектурные памятники и требуется охрана целых комплексов зданий и сооружений, территорий, обладающих особой культурной и исторической значимостью. Активная популяризация китайской архитектуры в медиасреде способствует сохранению выдающихся памятников исторического и культурного наследия. В России существует проблема затрудненного доступа к информации о заброшенных и бесхозных памятниках архитектурного наследия — как на государственных, так и частных ресурсах. О многих городских проблемах жители просто

¹ 全国伝統的建造物群保存地区協議会 [Электронный ресурс] URL: https://www-denken-gr-jp.translate.google/english/index.html?_x_tr_sl=auto&_x_tr_tl=ru&_x_tr_hl=ru (дата обращения: 22.03.2023).

не имеют возможности вовремя узнавать, в этой ситуации им мог бы помогать доступ к ресурсам муниципальных и региональных СМИ. Новый опыт работы в интернет-пространстве с объектами архитектурного наследия пора осваивать, потому что это уже происходит повсеместно.

В завершение отметим, что такого рода международная практика может послужить вдохновением для ее последующей адаптации в России, с учетом местной специфики архитектурного наследия и современных реалий действующей государственной политики.

Литература

1. Ван Д. Охрана нематериального архитектурного наследия как приоритет государственной политики КНР // Копытинские чтения — III: Сборник статей Международной научно-практической конференции. Могилев : Могилевский государственный университет им. А. А. Кулешова. 2020. С. 43–45.
2. Калашникова О. Л. Культурные ценности в системе культурных стратегий Китая: заметки о китайском путешествии // Картина мира через призму китайской и белорусской культур: Сб. статей международной научно-практической конференции. Минск : Белорусский государственный аграрный технический университет. 2019. С. 8–16.
3. Литвинова О. Г., Романова Л. С. Зарубежный опыт сохранения историко-архитектурного наследия // Вестник ТГАСУ. 2009. №1. С. 74–92.
4. Мэдсон Р. История, проблемы и перспективы самого охраняемого города Америки — Саванны // Strelka Mag [Электронный ресурс]. URL: <http://strelkamag.com/ru/article/projective-preservation-a-manifesto-for-savannah> (дата обращения: 12.02.2023).
5. Мэдсон Р. Манифест для города Саванны // Strelka Mag [Электронный ресурс]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/manifest-for-savan> (дата обращения: 12.02.2023).
6. Палий К. Р. Разработка и реализация государственной политики в области сохранения архитектурного наследия субъекта РФ: на примере Санкт-Петербурга : дис. ... канд. полит. наук : 5.5.2. СПб., 2021.
7. Постригань У. Охрана недвижимого архитектурного наследия в Соединенных Штатах Америки на примере г. Саванна Штат Джорджия // Academia [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/24220128/Охрана_недвижимого_культурного_наследия_в_Соединенных_Штатах_Америки_на_примере_г_Саванна_штат_Джорджия_ (дата обращения: 17.01.2023).
8. Чэнь Л. Охрана нематериального архитектурного наследия в Китае и России: опыт сравнительного анализа // Культурная жизнь Юга России. 2022. № 2. С. 93–100.
9. Norman T. Historic preservation: an introduction to its history, principles, and practice // New York : W.W. Norton&Company. 2009.
10. Yu Qi. History and culture about Changchun, and the protection of puppet architectural heritage // The new Ideas of New Century: The International Scientific Conference Proceedings of FAD PNU. 2012. Vol. 1. P. 373–378.

Об авторах:

Палий Кристина Романовна, доцент кафедры правоведения Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук; paliy-kr@ranepa.ru

Палий Руслан Романович, преподаватель факультета среднего профессионального образования Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); paliy-rr@ranepa.ru

References

1. Van D. Oran non-materialistic editorial board as a prerogative of state policy, BOOK of the Russian Academy of Sciences // Kopytin readings — III: Collection of articles of the International Scientific and Practical Conference. Mogilev : Mogilev State University named after A. A. Kulshov. 2020. P. 43–45 (in Rus).

2. Kalashnikova O. L. Cultural values in the system of cultural strategies of China: notes on the Chinese journey // The picture of the world through the prism of Chinese and Belarusian cultures: A collection of articles of the international scientific and practical conference. Minsk : Belarusian State Agrarian Technical University. 2019. P. 8–16 (in Rus).
3. Litvinova O. G., Romanova L. S. Foreign experience in preserving historical and architectural heritage // Bulletin of the TSASU. 2009. N 1. P. 74–92 (in Rus).
4. Madson R. History, problems and perceptions of moonshine oranyamogogo city of America — Savannah // Arrow Mag [Electronic source]. URL: <http://strelkamag.com/ru/article/projective-preservation-a-manifesto-for-savannah> (accessed: 12.02.2023) (in Rus).
5. Madson R. Maniac for the city of Savannah // Arrow Mag [Electronic source]. URL: <https://strelkamag.com/ru/article/manifest-for-savan> (accessed: 12.02.2023) (in Rus).
6. Paliy K. R. Development and implementation of state policy in the field of preservation of the architectural heritage of the subject of the Russian Federation: on the example of St. Petersburg : PhD dissertation. SPb., 2021 (in Rus).
7. Postrigan U. Protection of immovable architectural heritage in the United States of America by the example of Savannah, Georgia // Academia [Electronic source]. URL: https://www.academia.edu/24220128/Охрана_недвижимого_культурного_наследия_в_Соединенных_Штатах_Америки_на_примере_г_Саванна_штат_Джорджия_ (accessed: 17.01.2023) (in Rus).
8. Chen L. Protection of intangible architectural heritage in China and Russia: the experience of comparative analysis // Cultural life of the South of Russia. 2022. N 2. P. 93–100 (in Rus).
9. Norman T. Preservation of historical heritage: an introduction to its history, principles and practice // New York : W.W. Norton&Company, 2009.
10. Yu Qi. The history and culture of Changchun and the protection of the puppet architectural heritage // New ideas of the new century: Materials of the International Scientific Conference FAD TOGU. 2012. Vol. 1. P. 373–378.

About the authors:

Kristina R. Paliy, Associate Professor of the Department of Jurisprudence of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; paliy-kr@ranepa.ru

Ruslan R. Paliy, Lecturer of the Faculty of Secondary Vocational Education of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); paliy-rr@ranepa.ru

Культурно-образовательная элита в поле политики: понимание, структура, анализ российского кейса

Антонов Е. Н.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; 7592223@mail.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен процесс рекрутирования и путей реализации собственного социального капитала представителей культурно-образовательной элиты в политическом пространстве. В частности, по результатам проведенного исследования биографий представителей культурно-образовательной элиты, присутствующих в органах государственной власти на примере Государственной Думы РФ, Правительства РФ и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга, автором продемонстрирован процесс развертывания типов карьер в политическом пространстве. Основываясь на проведенном автором исследовании, представлены примеры успешного «транзита» собственного культурного капитала в политическое поле и обратно. Было показано, что рекрутирование культурно-образовательной элиты подразумевает комплексную систему действий, предполагающую то, каким образом представители культурного, научного, и в то же время образовательного сообщества рекрутируются в политическое пространство.

Ключевые слова: элита, демократический элитизм, рекрутирование элит, культурно-образовательная элита, политическая система

Для цитирования: Антонов Е. Н. Культурно-образовательная элита в поле политики: понимание, структура, анализ российского кейса // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 135–143.

Cultural and Educational Elite in the Field of Politics: Understanding, Structure, Analysis of the Russian Case

Evgeny N. Antonov

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-Western Institute of Management RANEPA), St. Petersburg, Russian Federation; 7592223@mail.ru

ABSTRACT

This article discusses the process of recruiting and ways to implement their own social capital of representatives of the cultural and educational elite in the political space. In particular, based on the results of a study of the biographies of representatives of the cultural and educational elite present in government bodies on the example of the State Duma of the Russian Federation, the Government of the Russian Federation and the Legislative Assembly of St. Petersburg, the author demonstrated the process of deploying types of careers in the political space. Based on the research conducted by the author, examples of successful “transit” of one’s own cultural capital into the political field and back are presented. It has been shown that the recruitment of the cultural and educational elite implies a complex system of actions, suggesting how representatives of the cultural, scientific, and at the same time educational community are recruited into the political space.

Keywords: elite, democratic elitism, recruitment of elites, cultural and educational elite, political system

For citing: Antonov E. N. Cultural and educational elite in the field of politics: understanding, structure, analysis of the Russian case // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 135–143.

Современные элитаристские концепции развивались в русле, намеченном «отцами-основателями» теории элит: Маркса, Лассуэла, Моска, Парето, Михельса, Вебера, Грамши. Вклад этих ученых заключается в том, что они продемонстрировали, каким образом учреждения культуры и образования функционируют в социальном воспроизводстве властных отношений [13, с. 347].

Определение элиты, данное Г. Лассуэлом, считается наиболее распространенным в политической науке. Он интерпретировал данную группу лиц как «обладающих наибольшей властью» [13, с. 347]. Подобных представлений придерживался и Р. Миллс — автор книги «Властвующая элита» [подробнее см.: 10, с. 234; 24, с. 26]. Миллс интересен своей методикой исследования. Отвергнув репутационный метод изучения элит, он предложил институциональный анализ, акцентируя при этом внимание на социальных институтах. Более того, утверждая, что существует несколько элитных групп, Миллс говорит о взаимозависимости элит. Он показывает, что именно характер решаемого вопроса определяет, какая группа выйдет на авансцену политической жизни. Так или иначе, входящие в них люди важны друг для друга [25, с. 232]. Таким образом, Миллс указывает на наличие множества социальных полей, а также на то, что внутри каждого поля существует своя иерархия и, соответственно, элита [29, с. 69].

Важным для нашего исследования является еще одно направление в теории изучения элит — концепции демократического элитизма, в основе которых лежат положения ценностной теории элит: инструменты рекрутирования элит, конкурентная борьба во время электоральных циклов. В этой связи Й. Шумпетер рассматривал демократию как принятие политических решений через борьбу за доверие избирателя, а Р. Даль утверждал, что основой американского плюрализма является отсутствие единого центра независимой власти и необходимость появления множества суверенных центров принятия решений: «Цели человеческие суть чаще всего лишь надежды, но средства — это реальные вещи, могущие попасть под контроль известных людей. Вот почему средства осуществления власти имеют тенденции превратиться в самостоятельную цель для элиты, владеющей ими. И поэтому мы имеем право определять властвующую элиту под углом зрения орудий власти, то есть как группу, занимающую командные посты» [1, с. 235; 15, с. 194; 21, с. 518]. К. Манхейм рассматривал демократию как новый способ рекрутирования элит [26, с. 196]. При этом такие ученые, как Ф. Нашольд и П. Бахрах, говорили о возможности стабилизировать политическую систему при помощи вовлечения широкого участия в политическом процессе [11, с. 83]. В таком контексте политический процесс определяется как взаимодействие элит, отстаивающих интересы различных социальных групп, занимающих лидирующие позиции в политической, экономической, культурной и других сферах.

Л. Альтюссер и А. Грамши развивали исследуемую тему в русле господства идеологии, согласно которой подчинение рабочего класса является в значительной степени результатом культурного господства. По их мнению, господство идеологии или гегемония рассматривалась над идеологическим аппаратом, что позволяло правящему классу долго удерживать контроль над обществом. Они понимали под этим идеологическое и культурное господство, достигнутое с помощью «техники консенсуса». Подобное управление возможно, полагали ученые, благодаря системе образования, церкви, средствам массовой информации, поскольку так утверждаются идеи, выгодные правящему классу. В этой связи Грамши описывал роль интеллигенции в обществе: «... всякая социальная группа, рождаясь на исконной почве экономического производства, органически создает себе вместе с тем один или несколько слоев культурной или образовательной элиты, которые придают ей однородность и сознание ее собственной роли не только в экономике, но также и в социальной, и в политической области» [23, с. 95]. Подобная функция реали-

зуется благодаря тому, что отдельная группа людей занимается научной или образовательной деятельностью. В этом ключе можно представить, каким образом учреждения культуры и образования функционируют в социальном воспроизводстве властных отношений.

Другое направление было развито Р. Дарендорфом, когда он попытался описать элиту с помощью классификации: выделил определенные сферы, принадлежность к которым должна определять привилегированное положение в обществе [4, с. 5]. Иной взгляд на элиту предлагает М. Джилас, изучавший структуру советского общества. Согласно его представлениям, в СССР сформировался особый тип элиты «новый класс». Главное отличие этого типа заключается в том, что представители данного класса получили монопольную политическую власть и, как следствие, возможность распоряжаться всеми ресурсами общества. В данном случае мы видим обратную картину, то есть в данном случае не какой-либо вид капитала обеспечивает индивиду дорогу наверх, а сама позиция во властной иерархии открывает доступ к различным капиталам и ресурсам.

Рассматривая различные элитарные концепции, нельзя не упомянуть направление, зародившееся в 1920-х гг. В центре интересов представителей данного направления находился круг образованных управленцев. Лейтмотивом данного направления, пожалуй, являются слова Т. Сакайя о новой цивилизации и ее ценностях: «Я полагаю, — написал он, — что нынче мы вступаем в новый этап цивилизации, в котором движущей силой являются ценности, создаваемые знанием, и именно поэтому я называю этот этап обществом, базирующимся на знании создаваемых ценностей (knowledge-value society) [22].

Первый, кто указал на роль культурного капитала в условиях индустриального общества, был Т. Веблен. Согласно его представлениям, именно знания и овладения техническими средствами помогают индивидам занять более высокие позиции в социальной структуре общества. Последователи данного подхода немного отошли от жестко очерченного технократического направления Веблена. Они акцентировали свое внимание на процессе отделения управления от собственности, то есть они подчеркивали момент перехода власти из рук собственников в руки профессиональных управленцев (менеджеров), обладающих специфическими навыками и знаниями [9, с. 23]. Именно эти качества открывают управленцам путь наверх, позволяя претендовать на роль политической элиты общества [20, с. 32].

Интересна работа Д. Бадовского [2, с. 31], разделившего элиту позднесоветского периода на две части: «политическую» и «управленческую» и выявившего причины подобной дифференциации. Но в этом ключе стоит также отметить отечественных исследователей В. Магуна, Р. Брима и, в частности, В. Гимпельсона, которые писали, что все так же не хватает конкуренции за вакансии в официальных органах власти, а большинство решений о найме принимаются на основе личных и семейных связей, а не индивидуальных заслуг. Заслуги, как и уровень таланта, не поддерживаются в России в процессе отбора и продвижения в государственную элиту. Поэтому в российском случае элиты не являются традиционными мандаринами, скорее это государственные служащие при сочетании специализации, кумовства и дирижизма [29, с. 74].

Следующий шаг в этом направлении был сделан А. Гоулднером, Дж. Конрад [3, с. 313], обратившими внимание на тот факт, что к власти приходят интеллектуалы, т.е. те, кто обладает значительным культурным и образовательным капиталом. В целом данные категории, понимаемые как совокупность человеческого и структурного, стали одними из центральных категорий политологического дискурса XX в.

В связи с этим в политологии также появляется новое определение «элита знаний». Венгерский ученый П. Тамаш определяет ее как элиту, действующую

в сфере науки и образования: «Она обладает профессиональными знаниями и контролирует формирование системы символов, культурных ценностей, мифов, из которых складываются более или менее согласованные идеологии. Тем самым эти круги решающим образом влияют на состояние общественного сознания и на возможность его мобилизации для достижения поставленных целей» [18, с. 150].

Таким образом, вовлеченность индивида в культурное и образовательное поле автоматически предопределяет его место в элите, поскольку он начинает заниматься производством идей, а следовательно, участвовать в борьбе за конструирование ценностного пространства [29, с. 73; 11, с. 84]. Вот что пишет на эту тему французский мыслитель П. Бурдьё: «...нельзя заниматься наукой классификации, не занимаясь наукой борьбы классификаций и не учитывая в этой борьбе за власть знания, за власть посредством знания, за монополию легитимного символического насилия позицию каждого агента или группы агентов, которые в эту борьбу вовлечены, идет ли речь об отдельном индивиде, обреченном на риск в ежедневной символической борьбе, или о профессионалах — лицах уполномоченных» [5, с. 76; 16, с. 108; 17, с. 56]. Как видно, подобные концепции представляют собой модернизированный или усовершенствованный вид предшествующих концепций. Ни об этом ли писал Платон, говоря о «философах мудрецах», обладающих «высшими знаниями», или Аристотель об образованных «лучших людях» общества.

В этой связи автор предлагает рассматривать представителей элит из сферы культуры и образования — культурно-образовательную элиту, как часть политической элиты, обладающей высоким социальным капиталом в сфере культуры и образования, которые, рекрутируясь в политику, этот капитал инвестируют в социальный капитал политических партий и который обладает большей автономностью в рамках сферы политики [23, с. 101]. В качестве таковой автор называет культурно-образовательную элиту, усилия которой были направлены на искусственное ускорение политических процессов. Кроме того, она подчеркивает радикальный характер данной страты и указывает на то, что радикализм культурно-образовательной элиты был скорее направлен на модернизацию российской политической системы, а на ревизию принимаемых властью мер [5, с. 156, 19, с. 102]. Таким образом, согласно представлениям автора, основной функцией культурно-образовательной элиты является не модернизация системы, а контроль действий «правлящей верхушки», указывая на тот факт, что культурно-образовательная элита выступает в качестве «сдерживающего фактора» власти, а не хорошо организованной силы, реально способной на решительные действия.

Современная российская элита делится на группы, которые придерживаются разных идей. Так, по мнению ряда исследователей [20, с. 34], первая группа российской культурно-образовательной элиты традиционно призывает продолжить либеральные реформы, расширить права человека и гражданина, теряя от этого свой авторитет и получая за это недоверие народа. Вторая группа слилась с политиками и работает на современный политический режим. Это, к примеру, некоторые российские артисты, ученые, журналисты. Данная группа с особым пристрастием обсуждает политические ходы президента, реформы правительства, откровенно занимаясь пиаром этих политических деятелей, заодно, дискредитируя тех, кто не угоден российской политической элите. Третья группа завязана на бизнес, а четвертая не призывает к политическим изменениям, а замкнулась на выживании в новых рыночных условиях. В данной работе нас интересует как раз вторая группа — культурно-образовательная элита, частью которой являются артисты, представители научного сообщества, которых мы так же относим к образовательной элите. Формально мы понимаем, что любой ученый, попавший в по-

ле политики, одновременно начинает выполнять образовательную и просветительскую функции.

В этом случае мы включаем в состав культурно-образовательной элиты представителей научной элиты ввиду того, что, появляясь в публичном поле, они автоматически выполняют функцию образовательную и просветительскую, а также транслируют профессиональные ценности. Все это отражает авторскую позицию научной новизны, обосновывая важность для исследования биографического подхода, то есть то, кто и как пришел в политическую элиту. Потому согласно ключевому критерию о принадлежности к этому отряду элит является наличие значительного социального капитала в сфере культуры и образования, который накапливается кумулятивно в ходе развития человека в профессиональном поле.

Для нашего исследования особый интерес представляет специфический отряд элит — культурно-образовательная элита. В отличие от других элит они являются носителями собственного социального капитала: культурного, образовательного, научного и политического. В этой связи становится логичным факт, что в нашей работе мы опираемся на дискурс в современной элитологии, направленный на изучение процессов рекрутирования и карьерных траекторий представителей именно культурно-образовательной элиты [7, с. 25]. Это объясняется тем, что ее рекрутирование подразумевает комплексную систему действий, предполагающую то, каким образом представители культурного, научного, и в то же время образовательного, как было ранее сказано в статье, сообщества рекрутируются в политическое пространство [1, с. 510; 27, с. 53]. Российские ученые исследуют элиты с точки зрения анализа их профессиональных характеристик и имеющегося у них на тот момент собственного социального капитала в условиях трансформации политической системы и временного «транзита» в политическое пространство [6, с. 11; 8, с. 30; 19, с. 104; 20, с. 36; 27, с. 53].

В рамках взаимодействия выделенных нами элит происходит обоюдное обогащение и конверсия социальных капиталов. Стоит отметить, что спортсмены в данную категорию не входят, даже учитывая наличие у них социального капитала в силу своей известности. Так как этот социальный капитал функционально принципиально другой: для сферы политики работает так же, но в плане работы на поле ценностей воспроизводства национального, культурного, исторического генотипа — они другие.

Основываясь на проведенном автором исследовании¹, можно привести несколько примеров успешного «транзита» собственного культурного капитала в политическое поле и обратно. Так, ярким примером конвертации собственного социального капитала в политическом пространстве является Ж. Алферов, советский и российский физик, лауреат Нобелевской премии по физике 2000 г., вице-президент РАН, председатель президиума Санкт-Петербургского научного центра РАН, общественный и политический деятель, который был депутатом фракции КПРФ в Государственной Думе Российской Федерации II, III, IV, V, VI, VII созывов. Есть интересные примеры обратного движения капиталов — Сергей Новиков, начальник управления президента РФ по общественным проектам, который выступил в роли режиссера Михайловского театра, поставив в 2021 г. оперу «Опричник», будучи уже замеченным постановкой в 2015 г. «экспериментального» концерта «SLOVZOV-GALA», в 2016 г. — в опере «Русалка», а также в 2020 г. в постановке «Реквием» Джузеппе Верди. Успехи С. Новикова в сфере культуры позволяют нам автоматически приравнять его к культурно-образовательной элите. Есть и другой пример — Владислав Сурков, бывший помощник президента России, который, находясь в высших эшелонах политической

¹ Анализ профессионального состава и партийной принадлежности депутатов Государственной Думы ФС РФ IV–VIII созывов, проведенный автором исследования в 2021–2022 гг.

элиты, пишет статьи и книги, то есть производит политические и культурные смыслы — и поэтому так же попадает в круг культурно-образовательной элиты. А вот другой пример, Вячеслава Володина, Председателя Государственной Думы Российской Федерации VII и VIII созывов, представителем культурно-образовательной элиты не является при том, что он является доктором юридических наук.

В рамках проведенного исследования автор приводит результаты анализа типологии карьер культурно-образовательной элиты и тем самым попытался рассмотреть процесс развертывания типов карьер в политическом пространстве, проанализировав биографии представителей культурно-образовательной элиты, присутствующих в органах государственной власти на примере Государственной Думы РФ, Правительства РФ и Законодательного Собрания Санкт-Петербурга (табл. 1, 2, 3).

Таблица 1

Распределение представителей культурно-образовательной элиты, присутствующей в Государственной Думе РФ I–VIII созывов по типам карьеры

Table 1. Distribution of representatives of the cultural and educational elite present in the State Duma of the Russian Federation of the I–VIII convocations by career types

| Карьера \ Созыв | Созыв | | | | | | | |
|------------------------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|-----------|
| | I | II | III | IV | V | VI | VII | VIII |
| Кумулятивная карьера | 35 | 14 | 18 | 20 | 11 | 12 | 18 | 15 |
| Индивидуальная карьера | 8 | 10 | 5 | 13 | 16 | 20 | 22 | 25 |
| Смешанная карьера | 11 | 8 | 4 | 4 | 5 | 6 | 8 | 12 |
| ВСЕГО | 54 | 32 | 27 | 37 | 33 | 33 | 46 | 53 |

Таблица 2

Численность представителей культурно-образовательной элиты, присутствующих в Правительстве РФ

Table 2. The number of representatives of the cultural and educational elite present in the Government of the Russian Federation

| Элита \ Год | Год | | | | | | |
|-----------------------------------|------|------|------|------|------|------|------|
| | 1992 | 1996 | 2000 | 2004 | 2008 | 2012 | 2020 |
| Представители культ.-образ. элиты | 10 | 7 | 6 | 2 | 0 | 3 | 4 |

Таблица 3

Распределение представителей культурно-образовательной элиты, присутствующей в Законодательном собрании Санкт-Петербурга I–VII созывов по типам карьеры

Table 3. Distribution of representatives of the cultural and educational elite present in the Legislative Assembly of St. Petersburg of the I–VII convocations by career types

| Карьера \ Созыв | Созыв | | | | | | |
|----------------------|--------------------|---------------------|----------------------|---------------------|--------------------|---------------------|----------------------|
| | I 1994– 1998 | II 1998– 2002 | III 2002– 2007 | IV 2007– 2011 | V 2011– 2016 | VI 2016– 2021 | VII 2021– 2026 |
| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
| Кумулятивная карьера | 11 | 9 | 8 | 5 | 5 | 3 | 2 |

| 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 |
|------------------------|-----------|-----------|-----------|----------|----------|----------|----------|
| Индивидуальная карьера | 5 | 2 | 1 | 2 | 2 | 1 | 1 |
| Смешанная карьера | 3 | 4 | 2 | 0 | 1 | 1 | 1 |
| Всего | 19 | 15 | 11 | 7 | 8 | 5 | 4 |

Таким образом, автор показывает корректность выбранного подхода изучения особых страты элит — культурно-образовательной, рассмотрев процессы рекрутирования и путей реализации собственного социального капитала в политическом пространстве. Проанализировав составы Государственной Думы РФ, Правительства РФ, Законодательного Собрания Санкт-Петербурга с 1991 г., автор проследил динамику «транзита» культурного и образовательного капиталов в политическое поле в зависимости от периода развития современной российской политической системы, а также наличия вызовов для поиска новых национальных ценностей и смыслов, для чего она — культурно-образовательная элита — время от времени и «призывается на политический Олимп».

Литература

1. Ашин Г. К. Элитология: история, теория, современность : монография / Г. К. Ашин. Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России, каф. философии. М. : МГИМО-Университет, 2010. С. 510.
2. Бадковский Д. Трансформация политической элиты России: от «организации профессиональных революционеров» — к «партии власти» // Полис. 1994. № 6. С. 42–58.
3. Байтурина Г. Р. Новый класс как главный участник управленческого процесса // Социально-гуманитарные знания. 2019. № 2. С. 310–315.
4. Батуренко С. А. Социальная стратификация в социологической теории Ральфа Дарендорфа // Социология. 2019. № 4. С. 4–13.
5. Бурдые П. Социология политики / сост., общ. ред. и предисл. Н. А. Шматко / М. : Sociologos, 1993.
6. Быстрова А. С. Региональные административные элиты России: карьеры и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 5–27.
7. Быстрова А. С., Даугавет А. Б., Дука А. В., Колесник Н. В. и др. Институционализация региональной административной элиты: бассейн рекрутирования и карьерные траектории // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 2. С. 21–54.
8. Нектаревская Ю. Б. Взаимодействие научной элиты и политической элиты в США и России. Сравнительный историко-политологический анализ : дис. ... канд. полит. наук: 23.00.02. Ростов-на-Дону, 2006.
9. Федоренко Н. В. Взаимодействие управленческих элит в современном российском обществе : дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.08 Социология управления. М., 2013.
10. Володин К. С. Кто управляет? Классики элитологии о властвующих элитах городских общностей // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2010. № 9 (89). С. 234–238.
11. Гордейчик С. М. Методологические подходы в исследовании политической элиты // XXI век: актуальные проблемы исторической науки: Материалы междунар. науч. конф., посвящ. 70-летию ист. фак. БГУ. Минск : БГУ, 2004. С. 82–84.
12. Елин С. П. Критерии элитарности в структурно-функциональном направлении развития теории элит // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 346–349.
13. Ждановский А. П., Станкевич Н. А. Культурная гегемония как фактор социальных изменений (А. Грамши, К. Манхейм). Минск : БГУ, 2018.
14. Жуков Д. С., Сельцер Д. Г. Варианты трансформации региональных элит: прогнозы на основании системно-динамической модели рекрутирования элит в 1985–2019 гг. // Власть и элиты. 2021. Т. 8, № 1. С. 100–122.

15. Колесник Н. В. Образовательные траектории российской элиты: региональная проекция // Мир России. 2019. Т. 28. № 4. С. 30–48.
16. Кучеренко Е. А. Теория показного потребления Т. Веблена через призму концепции П. Бурдьё // Теория и практика общественного развития. 2013. № 8. С. 101–103.
17. Попова О. В. Карьерные стратегии субфедеральных политических элит // Вестник СПбГУ. Сер. 6. Политология. Международные отношения. 2013. № 1. С. 49–56.
18. Свиридов В. П. Роль интеллигенции в условиях трансформации современного российского общества // Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: История и политические науки. 2010. № 3. С. 154–158.
19. Рождественская Е. Ю. Социальная мобильность управленческой элиты, ее образовательные капиталы и профессиональные траектории // Власть и элиты. 2019. Т. 6. № 2. С. 67–106.
20. Рябкова С. А. Теоретико-методологические проблемы элитологических исследований // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 5А. С. 282–290.
21. Рябкова С. А. Элитистские модели демократии и их альтернативы: сравнительный теоретико-методологический анализ // Теории и проблемы политических исследований. 2018. Т. 7. № 6А. С. 5–11.
22. Сакайя Т. Стоимость, создаваемая знанием, или история будущего // Новая индустриальная волна на западе. Антология. М., 1999.
23. Станкевич А. М., Наумов В. В. Определение основных подходов к пониманию понятия политической системы общества // Проблемы экономики и информатизации образования. Материалы XIV Международной научно-практической конференции. Т. 14. Тула, 20–21 апреля, 2017. С. 295–300.
24. Тев Д. Б. Спикеры региональных законодательных собраний: карьерные пути и каналы рекрутирования // 2021. Власть и элиты. Т. 8, № 1. С. 28–65.
25. Тев Д. Б. Федеральная административная элита России: образовательные характеристики элиты в России // Мир России. 2016. № 3. С. 76–96.
26. Тищенко Н. В. Идеология в контексте культурных практик: Л. Альтюссер, А. Грамши, Г. Дебор // Общество: философия, история, культура. 2018. № 1. С. 143–147.
27. Хигли Д. Демократия и элиты // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. 2006. № 2. С. 22–31.
28. Холодкова Л. А. Инновационная культура субъектов высшего профессионального образования // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. 2006. № 14. С. 78–84.
29. Федоренко Н. В. Взаимодействие управленческих элит в современном российском обществе : дис. ... д-ра соц. наук: 22.00.08. М., 2013.

Об авторе:

Антонов Евгений Николаевич, соискатель кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); 7592223@mail.ru

References

1. Ashin G. K. Elitology: history, theory, modernity: monograph / G. K. Ashin. Moscow state Institute of International Relations (un-t) MFA of Russia, dep. philosophy. М. : MGIMO-University, 2010. P. 510 (in Rus).
2. Badovsky D. Transformation of the political elite of Russia: from the “organization of professional revolutionaries” to the “party of power” // Polis. 1994. N 6. P. 42–58 (in Rus).
3. Baiturina G. R. The new class as a new participant in the management process // Social and humanitarian knowledge. 2019. N 2. P. 310–315 (in Rus).
4. Baturenko S. A. Social stratification in the sociological theory of Ralf Dahrendorf // Sociology. 2019. N 4. P. 4–13 (in Rus).
5. Bourdieu P. Sociology of politics / comp., total. ed. and foreword N. A. Shmatko. М. :SocioLogos, 1993 (in Rus).
6. Bystrova A. S. Regional administrative elites of Russia: careers and career trajectories // Power and Elites. Vol. 8. N 1. 2021. P. 5–27 (in Rus).
7. Bystrova A. S., Daugavet A. B., Duka A. V., Kolesnik N. V. at al. Institutionalization of the Regional Administrative Elite: Recruitment Basin and Career Trajectories // Power and Elites. Vol. 8, N 2. 2021. P. 21–54 (in Rus).

8. Nektarevskaya Yu. B. Interaction between the scientific elite and the political elite in the USA and Russia. Comparative historical and political analysis, dissertation ... candidate of political sciences: 23.00.02. Rostov-on-Don, 2006 (in Rus).
9. Fedorenko N. V. Interaction of managerial elites in modern Russian society: dissertation ... doctor of social sciences. Sciences: 22.00.08 — Sociology of management. M., 2013 (in Rus).
10. Volodin K. S. Who is in control? Classics of elitology about the ruling elites of urban communities // Humanitarian sciences. Political science. Bulletin of the Tambov University. Ser.: Humanities, 2010. N 9. P. 234–235 (in Rus).
11. Gordeychik S. M. Methodological approaches in the study of the political elite / S. M. Gordeychik // XXI century: actual problems of historical science: Proceedings of the Intern. scientific conf., dedicated 70th anniversary of ist. fak. BGU. Minsk : Belarusian State University, 2004. P. 82–84.
12. Elin S. P. Criteria of elitism in the structural and functional direction of development of the theory of elites // World of Science, Culture, Education. 2014. N 3 (46), P. 346–349 (in Rus).
13. Zhdanovsky A. P., Stankevich N. A. Cultural hegemony as a factor of social change (A. Gramsci, K. Mannheim). Minsk : Belarusian State University, 2018 (in Rus)
14. Zhukov D. S., Seltser D. G. Options for the transformation of regional elites: forecasts based on a system-dynamic model of elite recruitment in 1985–2019 // Power and Elites. 2021. Vol. 8, N 1. P. 100–122 (in Rus).
15. Kolesnik N. V. Educational trajectories of the Russian elite: regional projection // World of Russia. 2019. Vol. 28. N 4. P. 30–48 (in Rus).
16. Kucherenko E. A. The theory of conspicuous consumption by T. Veblen through the prism of the concept of P. Bourdieu // Theory and Practice of Social Development. 2013. N 8. P. 101–103 (in Rus).
17. Popova O. V. Career strategies of subfederal political elites // Bulletin of St. Petersburg State University. Ser.6. Political science. International relationships. 2013. N 1. P. 49–56 (in Rus).
18. Sviridov V. P. The role of the intelligentsia in the transformation of modern Russian society // Bulletin of Moscow State Regional University. Ser.: History and political sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Istoriya i politicheskie nauki]. 2010. N 3. P. 154–158. (in Rus).
19. Rozhdestvenskaya E. Yu. Social mobility of the managerial elite, its educational capital and professional trajectories // Power and Elites. 2019. Vol. 6. N 2. P. 67–106 (in Rus).
20. Ryabkova S. A. Theoretical and methodological problems of elitological research // Theories and problems of political research. 2018. Vol. 7. N 5A. P. 282–290 (in Rus).
21. Ryabkova S. A. Elitist Models of Democracy and Their Alternatives: A Comparative Theoretical and Methodological Analysis // Theories and Problems of Political Research. 2018. Vol. 7. N 6A. P. 5–11 (in Rus).
22. Sakaya T. The value created by knowledge, or the history of the future // New industrial wave in the west. Anthology. M., 1999 (in Rus).
23. Stankevich A. M., Naumov V. V. Determination of the main approaches to understanding the concept of the political system of society // Problems of economics and informatization of education. Materials of the XIV International Scientific and Practical Conference. Vol. 14. Tula, April 20–21, 2017. P. 295–300.
24. Tev D. B. Speakers of Regional Legislative Assemblies: Career Paths and Recruitment Channels // Power and Elites. 2021. Vol. 8, N 1. P. 28–65 (in Rus).
25. Tev D. B. The Federal Administrative Elite of Russia: Educational Characteristics of the Elite in Russia // World of Russia. 2016. N 3. P. 76–96 (in Rus).
26. Tishchenko N. V. Ideology in the context of cultural practices: L. Althusser, A. Gramsci, G. Debord // Society: philosophy, history, culture. 2018. N 1. P. 143–147 (in Rus).
27. Higley D. Democracy and the elites // Politia: an analysis. Chronicle. Forecast (Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics). 2006. N 2. P. 22–31 (in Rus).
28. Kholodkova L. A. Innovative culture of subjects of higher professional education / L. A. Kholodkova // Proceedings of the Russian State Pedagogical University A. I. Herzen. 2006. N 14. P. 78–84 (in Rus).
29. Fedorenko N. V. Interaction of managerial elites in modern Russian society: dis. Doctor of Sociological Sciences: 22.00.08. M., 2013 (in Rus).

About the author:

Evgeny N. Antonov, Applicant of the Department of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation); 7592223@mail.ru

О слабости кыргызского экспорта на фоне японских торговых компаний в контексте индустриальной организации по Чандлеру

Мамытов У. Э.

Академия государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика); ulukmanm@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Кыргызская модель экспорта, например сельскохозяйственной продукции, часто проявляет свою организационную слабость, что не стимулирует развития экономики страны в целом. В настоящей статье приводится пример успешности японских торговых экспортно-импортных компаний, которые усовершенствовали свою торговую модель с учетом теории индустриальной организации по Альфреду Чандлеру.

Ключевые слова: экономика Кыргызстана, японские кейрецу, торговые компании Sogo Shosha, индустриальная организация, Альфред Чандлер, внешняя торговля

Для цитирования: Мамытов У. Э. О слабости кыргызского экспорта на фоне японских торговых компаний в контексте индустриальной организации по Чандлеру // Управленческое консультирование. 2023. № 9. С. 144–150.

The Weaknesses of Kyrgyz Exporters Compared to the Japanese Trading Companies in the Context of Chandler's Industrial Organization

Ulukman E. Mamytov

Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic); ulukmanm@yandex.ru

ABSTRACT

The Kyrgyz model of export, for example of agricultural products, often demonstrates its organizational weakness which is not stimulating the economy of the country as a whole. This article shows the example of the Japanese general trading companies which successfully developed their own model of optimized outer trade in the context of Chandler's industrial organization theory.

Keywords: Kyrgyz economy, Japan's keiretsu, general trading companies, Sogo Shosha, industrial organization, Alfred Chandler, international trade

For citing: Mamytov U. E. The Weaknesses of the Kyrgyz Exporters compared to the Japanese Trading Companies in the context of Chandler's Industrial Organization // Administrative consulting. 2023. N 9. P. 144–150.

Введение

24 мая 2023 г. Председатель Кабинета министров Кыргызской Республики Акылбек Жапаров в довольно жесткой форме раскритиковал работу Министерства сельского хозяйства страны, заявив, что Кыргызстан отстает практически по всем направлениям сельского хозяйства¹. Он отметил, что работу министерства «необходимо

¹ «Куда ни посмотришь — провал»: А. Жапаров жестко раскритиковал Минсельхоз. Sputnik Кыргызстан, 24 мая 2023 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.sputnik.kg/20230524/kyrgyzstan-kabmin-kritika-minselkhoz-akylbek-zhaparov-1075600922.html> (дата обращения: 25.05.2023).

полностью пересмотреть», возможно, имея в виду саму модель развития сельскохозяйственной отрасли страны, так как в Кыргызстане не просто низкая производительность сельскохозяйственной отрасли¹, но также очень слаба организация экспорта готовой продукции. И эти слабости являются основными причинами в целом отсталости экономики страны, и особенно экспортной ее части, что выражается в одной из главных проблем кыргызской экономики — сильно дефицитном торговом балансе страны (рис.).

Вообще термины «организация экономики» и «индустриальная организация» нередко встречаются в зарубежной экономической науке и часто рассматриваются как важные факторы конкурентоспособности отдельной фирмы или даже страновой экономики на глобальном рынке через призму транзакционных издержек. Одним из известных теоретиков, описавших важность такой организации в контексте теории фирм, был Рональд Коуз (Ronald Coase) [2], за что в 1991 г. он получил премию Банка Швеции по экономике памяти Альфреда Нобеля². «Индустриальную организацию» экономик различных стран также нередко изучают как отдельную дисциплину в зарубежных экономических и бизнес-школах³, где достаточно подробно сравниваются особенности экономических систем разных стран и факторы конкурентоспособности как их экономических субъектов — частных компаний, так и их экономик в целом.

Тема индустриальной организации очень обширна, однако в контексте настоящей статьи — слабой организации экономики Кыргызстана — хотелось бы сконцентрироваться на одном из важнейших ее элементов, а именно на слабой организации цепочек поставок, с чем связаны и слабая экспортная модель кыргызской экономики, и слабая организация торговли даже внутри страны. И слабость эта заключается в практическом отсутствии крупных торговых компаний, способных оптими-

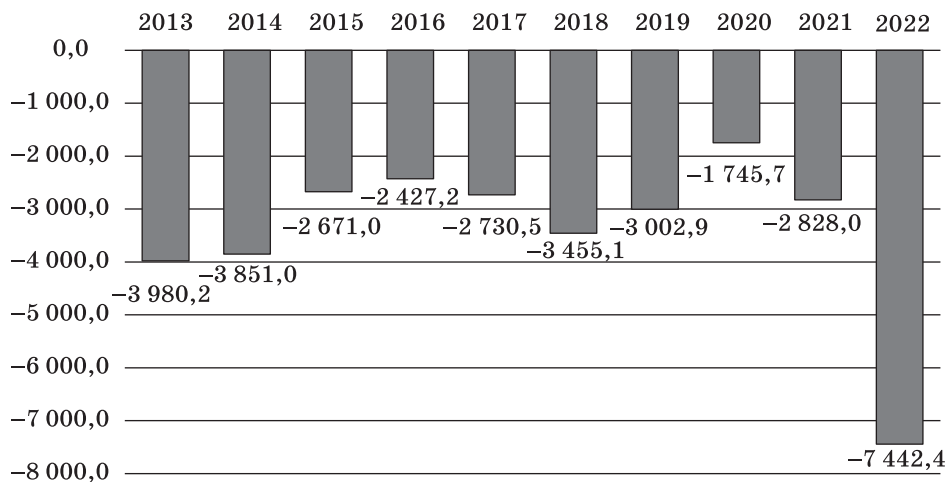


Рис. Торговый баланс Кыргызстана, млн долларов США [1]
Fig. Trade balance of Kyrgyzstan, USD million

¹ Гут О. «В Кыргызстане критически низкая производительность сельского хозяйства». Вечерний Бишкек, 29 сентября 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.vb.kg/doc/407161_v_kyrgyzstane_kriticheski_nizkaia_proizvoditelnost_selskogo_hoziaystva.html (дата обращения: 25.05.2023).

² Которую часто ошибочно называют «Нобелевской премией по экономике».

³ В частности в Киотском университете (Япония), где автор и изучал эту дисциплину в 2016–2017 гг.

зировать цепочки поставок для экспорта производимой в Кыргызстане сельскохозяйственной продукции.

Это можно проиллюстрировать множеством примеров, когда агропродукцию многих мелких кыргызстанских экспортеров не пропускали на свои рынки пограничные и надзорные службы Казахстана и России, ссылаясь на несоответствие фитосанитарным и другим нормам либо на ненадлежащее документальное оформление товара. В то время, как многие предприниматели и политики в Кыргызстане воспринимали это в качестве неторговых барьеров, что тоже часто небезосновательно, тем не менее, существенная причина этого — в отсутствии в Кыргызстане крупных торговых экспортно-импортных компаний, способных взять на себя экспортное обеспечение производимой в Кыргызстане сельскохозяйственной продукции в нужном виде, а именно с соблюдением необходимых стандартов, требований, документального оформления, брендинга и прочего.

Организация по Чандлеру

Известный историк большого бизнеса Альфред Дюпон Чандлер (Alfred D. Chandler, 1918–2007) писал в своей книге о роли крупных компаний в развитии разных стран [3]: «Экономический рост страны и ее конкурентная сила основываются не только на природных ресурсах, трудовых и управленческих компетенциях, доступном капитале или на размере внутреннего рынка. Богатство наций в последние сто лет было основано на организации и технологиях — на том, как технологии производства создавались и улучшались. Оно основывалось на способности промышленных предприятий воспринимать и развивать эти технологии, а также приспособлять свою административную структуру к координации процесса перетока материалов от сырья через процессы производства и дистрибуции к конечному потребителю» (*пер. автора*).

То есть Чандлер особо выделял, что организация и технологии являются главными факторами развития экономик тех или иных стран. И, если технологии — это не предмет настоящей статьи, то на организации как раз и можно остановиться подробнее. Смысл организации Чандлер кратко раскрыл по-своему, суть ее заключается в способности промышленных предприятий «приспособлять свою административную структуру к координации процесса перетока материалов от сырья через процессы производства и дистрибуции к конечному потребителю».

Для лучшего понимания этого своеобразного определения очень немаловажно также понимать чандлеровский контекст. Дело в том, что в своих книгах «Strategy and Structure» (1962), «Scale and Scope» (1990) и особенно в «Big Business and the Wealth of Nations» (1997) Чандлер убедительно доказывает, что настоящими экономическими игроками на мировой арене и настоящими двигателями своих национальных экономик являются крупные компании и их объединения (бизнес-группы), которые используют массовое производство для снижения себестоимости своей продукции, которые гибко адаптируют свою структуру под свои задачи развития, стандартизируют процессы и быстро адаптируются к изменяющимся условиям рынка.

Именно большой бизнес, был убежден Чандлер, может наилучшим образом выстроить и координировать весь комплексный процесс от импорта сырья и до поставки уже готовой продукции до конечного потребителя, причем в рамках единой вертикально интегрированной структуры (или бизнес-группы). Чандлер писал, что это делается «через процессы производства и дистрибуции», четко разделяя эти понятия и в то же время взаимоувязывая их в единую координацию под управлением единого большого бизнеса, и именно этот фактор является, по Чандлеру, главной причиной усиления конкурентоспособности как самих таких компаний, так и экономик их стран принадлежности.

И выходит, именно такой организации и координации большого бизнеса сегодня не хватает экономике Кыргызстана. А поучиться многому, как это успешно сделали в свое время и Южная Корея, и Сингапур, и Китай, и другие, можно было бы у непревзойденных мастеров организации — японских торговых компаний.

Японские торговые компании Sogo Shosha

В вышеуказанном контексте можно особо выделить японский большой бизнес, а именно японские бизнес-группы «кейрецу», которые, по мнению автора, смогли лучше всех других в мире приспособить свои административные структуры к «координации процесса перетока материалов от сырья через процессы производства и дистрибуции к конечному потребителю» — в точности как определил Чандлер. И, если производственная составляющая японских предприятий, известных во всем мире своим высоким качеством, не вызывает ни у кого сомнения, то на дистрибуции можно остановиться отдельно. Основными и крупнейшими кейрецу в Японии являются бизнес-группы Mitsubishi, Mitsui, Sumitomo и еще несколько других, всего не более десятка.

Как известно, японские кейрецу — это финансово-промышленные бизнес-группы, которые объединяют сотни крупных и средних компаний на основе взаимного участия в капитале друг друга, которые вертикально и горизонтально интегрированы взаимными обязательствами. Кейрецу являются своеобразными бизнес-семьями, очень сплоченными и скоординированными в своей экономической политике. Руководители компаний — участников кейрецу постоянно собираются и держат совет по тем или иным важным вопросам координации, причем такие советы в большей степени играют чисто ритуальную роль, подчеркивая единство и постоянство бизнес-группы.

Ядром в кейрецу обычно выступают три типа компаний: главный банк группы, основное крупное производственное предприятие и торговая компания. Главный банк (main bank), очевидно, является главным источником финансирования в рамках бизнес-группы. Банк является одним из основных акционеров в каждой из компаний кейрецу и обладает доступом к внутренней финансовой документации и бухгалтерии компании, осуществляя мониторинг ее финансового состояния и держа открытой постоянную линию ее финансирования, что помогает избегать кассовых разрывов и финансовых рисков. Крупное производственное предприятие, типа автосборочного завода Toyota, часто является главным брендовым «локомотивом» кейрецу, и многие другие участники группы являются попросту поставщиками различных компонентов для такого крупного производственника. И феномен главного банка кейрецу, и крупного производственного предприятия — это темы отдельных исследований, однако в нашем контексте особого внимания заслуживает торговая компания.

Торговая компания — Sogo Shosha — это особый феномен японской экономики. Называемые «универсальными торговыми компаниями» эти экспортно-импортные компании являются важнейшим звеном в общей организации японского производства и экспорта, осуществляя важный вклад в усиление конкурентоспособности японского бизнеса и страновой экономики. Являясь одним из центральных элементов японских бизнес-групп, Sogo Shosha обеспечивают максимально оптимизированную модель экспорта произведенных японских товаров, наилучшим образом координируя в контексте чандлеровской организации весь процесс перетока товаров от сырья до конечного потребителя. И немаловажную роль в этом играет более чем вековой опыт существования таких торговых компаний¹ и ставшие традицион-

¹ Первые торговые дома развились в Японии еще в средние века, а оформились как со-

ными и неотъемлемыми японские управленческие методы, включая кайдзен — постоянное совершенствование, в данном случае цепочек поставок.

Согласно данным Министерства торговли и промышленности Японии, в 1973 г. в стране насчитывалось 9743 компании, вовлеченные в экспортно-импортные операции. Среди них были фирмы разных типов, включая средних производителей и ритейлеров, осуществлявших внешнюю торговлю напрямую. Однако 53% всего японского экспорта и 64% всего импорта приходилось на универсальные торговые компании Sogo Shosha, принадлежащие к одному из 5–6 главных японских кейрецу [4]. То есть, Sogo Shosha были не единственными, кто занимался внешней и внутренней торговлей, однако их роль постепенно становилась важной и самой значимой для экономической интеграции Японии с остальным миром.

Одной из причин, почему Sogo Shosha стали играть ключевую роль в осуществлении экспортно-импортных операций японских производителей, стала их способность одновременно снизить себестоимость внешнеторговых операций за счет масштабов, а также существенно снизить риски таких операций за счет интенсивности своих операций и хорошего владения информацией.

Еще в эпоху Мэйдзи в конце XIX в. правительство Японии начало понимать, что для успешного экспорта в стране должны развиваться крупные торговые компании, функционирующие подобно европейским торговым домам, например британской Jardine Matheson в Гонконге и др. И в результате поддержки государства в Японии развились две крупные торговые компании — Mitsui, которая уже была известным в стране торговым домом еще с XVIII в., и Mitsubishi — вновь учрежденная компания, но которая очень быстро превратилась в крупного регионального трейдера. Обе компании постепенно стали доминировать в экспорте японского риса и текстильной продукции, существенно оптимизировав свои торговые операции и снизив их себестоимость [5].

Постепенно, с развитием японской экономики успешный опыт в торговле текстилем стал использоваться и на других отраслях — уже с продукцией тяжелой промышленности. Так, в период с 1950-х и до начала 1970-х годов японская экономика достигла высоких темпов экономического развития, что впоследствии стало называться «японским экономическим чудом». И одним из главных драйверов этого роста стало развитие сталелитейной промышленности — производство стали выросло с 9 млн т в 1955 г. до 119 в 1973 [5]. Это, в свою очередь, способствовало усилению и торговых компаний, оптимизировавших операции по импорту сырья и экспорту уже готовой продукции — Marubeni и C. Itoh, впоследствии переименованной в Itochu. Сейчас эти две Sogo Shosha являются крупнейшими торговыми компаниями Японии.

Итак, японские универсальные торговые компании Sogo Shosha постепенно стали ключевыми экономическими субъектами, осуществляющими внешнеторговые операции по самым важным группам товаров — импорту сырья и экспорту товаров с высокой добавленной стоимостью от крупнейших производителей (автомобили, оборудование, техника и т. д.). Это стало возможным благодаря тому, что Sogo Shosha стали непревзойденными организаторами торговли в контексте Чандлера, а именно смогли выстроить такую централизованную и вертикально интегрированную структуру, которая позволяла им оптимизировать «переток материалов от сырья через процессы производства и дистрибуции к конечному потребителю».

Снизив себестоимость своих внешнеторговых операций за счет массовости и систематичности, Sogo Shosha также смогли оптимизировать и управление рисками, что стало немаловажным фактором доверия им со стороны производителей. В основном, это были риски двух категорий — валютные риски и риски

временные торговые компании уже в эпоху Мэйдзи в конце XIX в.

неопределенности спроса. И в решении обеих проблем у универсальных торговых компаний было преимущество по сравнению с другими более мелкими экспортерами — систематичность. Именно постоянство и частота операций позволяли Sogo Shosha лучше владеть информацией и минимизировать риски неопределенности. Sogo Shosha одновременно и импортировали, и экспортировали большие объемы товаров, что позволяло им постоянно работать с валютой и лучше управлять валютными рисками.

Кроме того, эти компании решали проблемы неопределенности, умело управляя долгосрочным спросом и долгосрочным предложением, например, сырьевых ресурсов, становясь инвесторами в крупнейшие месторождения зарубежных горно-рудных производств, так как рост их торговли позволял им накапливать огромные финансовые средства, которые они могли правильно инвестировать, владея нужной и полезной информацией [6].

Так, компания Marubeni активно инвестировала в железорудные месторождения в Австралии в 1960-х годах совместно с британской Rio Tinto. Торговая же компания Mitsubishi Corporation активно работала с Бразилией, экспортируя туда свою высокотехнологичную продукцию и обратно импортируя сырье [5]. Причем важным фактором успешности Sogo Shosha в таких экспортно-импортных операциях было и то, что через своих партнеров по кейрецу у них был доступ к производству крупнотоннажных транспортных кораблей (танкеров), которые они массово сами же и заказывали через льготные программы поддержки судостроения японского правительства.

Таким образом, японские Sogo Shosha смогли не просто наилучшим образом реализовать чандлеровскую организацию, но даже превзошли его контекст, пойдя еще дальше — став крупными инвесторами, например, в секторе добычи сырья в странах, богатых полезными ископаемыми — Австралии, Бразилии и многих других странах Азии, Африки и Америки, где, кстати, им активно помогало государство через Японское Агентство международного сотрудничества JICA.

Заключение

А что же Кыргызстан? В Кыргызстане, к сожалению, за 30 лет самостоятельной экономической политики еще не успели сформироваться и вырасти крупные торговые компании, сравнимые с японскими Sogo Shosha. И это сказывается в целом на слабости экспортной модели экономики, что, конечно же, могло бы стимулировать в свою очередь и производство. Тем не менее, зарубежный опыт и его подробное описание в экономической и бизнес-литературе так же, как и управленческие методы организации таких моделей, имеются в изобилии. Бизнесу и экономическим властям надо только принять правильные решения и адаптировать эти модели под свои экономические системы с учетом страновых особенностей.

Литература

1. *Национальный* Статистический комитет КР. Открытые данные [Электронный ресурс]. URL: <http://stat.kg/ru/opendata/category/33> (дата обращения: 24.05.2023).
2. *Coase R.* «The Nature of the Firm», «Economica». № 4 (16). P. 386–405. Blackwell Publishing, 1937.
3. *Chandler A., Amatori F., Hikino T.* Big Business and the Wealth of Nations. Cambridge University Press, 1997. P. 63.
4. *Young A.* The Sogo Shosha: Japan's Multinational Trading Companies. Charles E. Tuttle Company, 1982.
5. *Tanaka A.* The Role of Sogo Shosha in Mass Procurement System of Resource: Japan's Develop-

and-Import of Iron Ore in the 1960s. Nagoya City University, 2009.

6. *Yoshino M., Lifson T.* The Invisible Link: Japan's Sogo Shosha and the Organization of Trade. Cambridge, 1986.
7. *Dziubla R.* International Trading Companies: Building on the Japanese model // Northwestern Journal of International Law and Business. Vol. 4, 1982.
8. *Kensy R.* Keiretsu Economy — New Economy? Japan's Multinational Enterprises from a Postmodern Perspective. New York, 2001.

Об авторе:

Мамытов Улукман Эсенбекович, преподаватель кафедры экономики и менеджмента Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики (Бишкек, Кыргызская Республика), аспирант; ulukmanm@yandex.ru

References

1. National Statistics Committee of KR. Open data [Electronic source]. URL: <http://stat.kg/ru/opendata/category/33> (accessed: 24.05.2023).
2. Coase R. «The Nature of the Firm», «Economica». N 4 (16). P. 386–405. Blackwell Publishing, 1937.
3. Chandler A., Amatori F., Hikino T. Big Business and the Wealth of Nations. Cambridge University Press, 1997. P. 63.
4. Young A. The Sogo Shosha: Japan's Multinational Trading Companies. Charles E. Tuttle Company, 1982.
5. Tanaka A. The Role of Sogo Shosha in Mass Procurement System of Resource: Japan's Develop-and-Import of Iron Ore in the 1960s. Nagoya City University, 2009.
6. *Yoshino M., Lifson T.* The Invisible Link: Japan's Sogo Shosha and the Organization of Trade. Cambridge, 1986.
7. *Dziubla R.* International Trading Companies: Building on the Japanese model // Northwestern Journal of International Law and Business. Vol. 4, 1982.
8. *Kensy R.* Keiretsu Economy — New Economy? Japan's Multinational Enterprises from a Postmodern Perspective. New York, 2001.

About author:

Ulukman E. Mamytov, lecturer of the Department of Economics and Management of the Academy of Public Administration under the President of the Kyrgyz Republic (Bishkek, Kyrgyz Republic), postgraduate; ulukmanm@yandex.ru

Новости

Академик Владимир Квинт награжден Орденом Александра Невского



За заслуги в научно-педагогической деятельности, подготовке квалифицированных специалистов и многолетнюю добросовестную работу доктор экономических наук, профессор политической экономии, иностранный член РАН, заведующий кафедрой экономической и финансовой стратегии Московской школы экономики и финансов Санкт-Петербургского государственного университета им. М. В. Ломоносова, председатель Попечительского совета РАНХиГС Санкт-Петербург, председатель международного редакционного совета журнала «Управленческое консультирование» Владимир Львович Квинт награжден орденом Александра Невского. Соответствующий указ подписал Президент Российской Федерации В. В. Путин.

Поздравляем Владимира Львовича с высокой государственной наградой!

Владимир Путин провел встречу с ректором Президентской академии Алексеем Комиссаровым

Владимир Путин провел встречу с ректором Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ Алексеем Комиссаровым. Обсуждались текущая деятельность и перспективы развития академии, а также потенциально новые проекты.

Президент поддержал предложение ректора Президентской академии больше использовать научный потенциал Академии для решения актуальных государственных



Фото с сайта <http://www.kremlin.ru/>

задач. Также Владимир Путин одобрил идею ректора Академии возродить традиции Царскосельского лицея в Санкт-Петербурге как учебного заведения по подготовке молодежи к государственной службе.

По словам А. Комиссарова, в Академии ведется работа по запуску корпоративного университета для преподавателей. Важно, чтобы преподавательский состав пополнялся молодыми специалистами, чтобы преподаватели чувствовали, что они развиваются и у них есть возможность передать свои знания, умения молодым.

Алексей Комиссаров также отметил, что в Академии большое внимание уделяется патриотическому воспитанию. В вузе создан военно-учебный центр, который активно работает и пользуется популярностью у студентов, а также действует патриотический клуб «Авангард». В нем реализуется большой объем проектов по поддержке СВО — сбор гуманитарной помощи, поддержка ребят и многое другое.

Кроме того, ректор Президентской академии сообщил, что в вузе отдельно идет работа по подготовке социальных координаторов фонда, созданного В. Путиным, «Защитники Отечества». Он назвал это важным и нужным делом, чтобы люди максимально корректно и душевно относились к тем, кто в такой помощи нуждается.

В завершение встречи А. Комиссаров пригласил В. Путина посетить академию. «Для нас всех это будет и большая честь, и стимул для развития», — отметил он.

В РАНХиГС Санкт-Петербург состоялись торжественные мероприятия в честь Дня Академии

20 сентября традиционно отмечается День рождения Президентской академии. В этот день 13 лет назад президентом РФ Владимиром Путиным был подписан указ, который присоединил к Российской академии государственной службы при президенте РФ Академию народного хозяйства при правительстве Российской Федерации, а также 12 других федеральных государственных образовательных учреждений.

С праздником преподавателей и студентов РАНХиГС Санкт-Петербург поздравили ректор Президентской академии Алексей Комиссаров, вице-губернатор Санкт-Петербурга Владимир Княгинин, председатель Законодательного Собрания Ленинградской области Сергей Бебенин, председатель Межрегиональной общественной организации «Совет ректоров вузов Санкт-Петербурга и Ленинградской области» Алексей Демидов и другие почетные гости.

В честь этого знаменательного события в РАНХиГС Санкт-Петербург состоялись яркие и масштабные праздничные мероприятия: презентация корпуса юридического факультета в историческом здании на Каменноостровском пр., 66 после завершения комплексной реконструкции; на площадке юридического факультета состоялась ярмарка студенческих объединений вуза «Академия возможностей», открытие первой в Петербурге «Точки кипения» в сфере управления, открытие в РАНХиГС Санкт-Петербург первичного отделения Российского движения детей и молодежи «Движение первых». Открытые лекции ведущих преподавателей вуза и творческие программы были организованы на площадках всех факультетов.



На фото: ректор РАНХиГС А.Г. Комиссаров открывает новый корпус юридического факультета РАНХиГС Санкт-Петербург



На презентации изданий Института в новом корпусе юридического факультета:
 На фото слева: директор РАНХиГС Санкт-Петербург А. Д. Хлутков (слева) и ректор РАНХиГС А. Г. Комиссаров

На фото справа: ректор РАНХиГС А.Г. Комиссаров (слева) и научный руководитель РАНХиГС Санкт-Петербург В.А. Шамахов

2023. № 9(177)

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 11.09.2023.
Подписано к печати 29.09.2023.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,41. Тираж 50 экз.
Заказ № 9/23.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-72